Российская академия наук
Институт славяноведения

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская

Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши:

Исследования и публикации

Российская академия наук
Институт славяноведения

Ю.А. Лабынцев, Л.Л. Щавинская

Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши:

Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г.

Издательство
«ИНДРИК»
Москва 1999

Ответственный редактор *В. А. Хорев*

Рецензенты:
докт. ист. наук *Л.И.Бородкин*; докт. филол. наук *А.В.Липатов*

Лабынцев Ю. А., Щавинская Л. Л.
Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши: Исследования и публикации по материалам экспедиции 1996 г. — М.: Индрик, 1999. — 312 с.
ISBN 5-85759-088-4

Авторы публикации вводят в научный оборот значительный массив книжных памятников XX столетия. Речь идет по сути об открытии огромного литературного материка в самом центре Европы. Материк этот, литература эта — одна из богатейших частей славянского православного культурного наследия нашего века, слагающаяся из многих тысяч самых разнообразных по жанрам и видам прозаических и стихотворных произведений, написанных сотнями авторов на нескольких языках, прежде всего на русском, церковнославянском, польском, украинском, белорусском, чешском, французском. Литература эта стала прямой преемницей древних и новых православных традиций всех восточнославянских народов, а также народов западнославянских — чешского и польского. По своему значению и масштабам влияния эта литература не имела себе равных и стала уникальной для Европы XX столетия.

ISBN 5-85759-088-4

Содержание

Список карт и иллюстраций

стр.

Маршрутами пограничья
Slavia Orthodoxa — Slavia Romana

Проведенная экспедиция* предполагала сбор материалов по истории православной книжности и литературы Польши, в том числе в границах 1918–1939 гг., то есть на территории современной Польши, западных областей Беларуси и Украины, с целью создания масштабной источниковой базы для проведения фундаментальных исследований и сохранения одной из богатейших частей восточнославянского культурного наследия, до сих пор неизученной. Диапазон собираемых памятников, слагаемых многоязычной православной книжности и литературы Польши был необычайно широк — от письменных памятников кирилло-мефодиевской традиции до оригинальных религиозно-философских сочинений, составляющих славу русской, белорусской и украинской духовных культур XX столетия. Экспедиционная работа велась в основном в регионах, где местное население продолжает сохранять живую традицию православной культуры. Учитывая особые условия работы, когда материалы могли быть, как правило, только скопированы, для этих целей использовался широкий арсенал самых современных технических средств, включая электронные. Принципиально новым стало применение методов компьютерного архивирования с последующим созданием информационной системы на основе электронного архива экспедиции. Все это осуществлялось в полевых и осуществляется в камеральных условиях благодаря собственным программным разработкам.

Заявленный план работы в течение 1996 г. был полностью реализован. Экспедиционные исследования велись на Украинском Полесье и Волыни 11–16 апреля (Ю. А. Лабынцев); на территории Бе-

---

* Экспедиция была осуществлена благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 96–04–18008).

лостоцко-Гданьской и Варшавско-Бельской православных епархий Польши 20–27 апреля (Ю. А. Лабынцев); на территории ряда православных епархий в Белоруссии 24 июня — 23 июля, преимущественно в Гродненской, Брестской и Пинской епархиях (Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская); на территории Белостокско-Гданьской, Варшавско-Бельской, Лодзинско-Познанской и Перемышльско-Новосандецкой православных епархий Польши 15 августа — 4 сентября (Ю. А. Лабынцев, Л. Л. Щавинская). Без преувеличения можно сказать, что результаты экспедиции превзошли все ожидания. Тщательная ее предварительная, в сущности многолетняя, подготовка, отработка маршрутов обеспечивали практически каждодневный успех.

Залогом успешной работы стали и специально разработанные способы и методы копирования материалов, позволявшие собирать все без исключения документальные источники самых разнообразных видов и форм, представляющие историко-литературный и историко-культурный интерес. Немаловажным слагаемым успеха являлось и то обстоятельство, что экспедиция была нацелена на копирование материалов, а не на физическое собирание их оригиналов, с которыми владельцы в случае последнего варианта едва ли позволили бы даже ознакомиться. Важным, а иногда и решающим в возможности просмотреть, а затем и скопировать источник было наше обязательство не афишировать его точное местонахождение, не упоминать имя его владельца, что в условиях буквально повсеместного криминального интереса к предметам старины вполне объяснимо.

Подобные экспедиционные исследования в указанных регионах проводились практически впервые. Основными объектами обследования являлись частные и церковные (приходские и епархиальные) библиотеки и архивы, имеющие от нескольких десятков до нескольких тысяч единиц хранения — рукописные и старопечатные книги, архивные документы и многое другое. В большинстве своем все это совершенно неизвестные в науке источники, особенно если иметь в виду огромный массив литературных памятников XX столетия.

Общее количество собранных (скопированных) нами литературных произведений приближается к тысяче. Это памятники древнейшего периода славянской письменности (в списках на-

чиная с XV в.), разнообразные сочинения множества жанров и видов более позднего времени на нескольких языках: церковнославянском, русском, белорусском, украинском, польском, чешском и других.

Помимо этого нами были выявлены и в значительном числе скопированы многие важнейшие документы историко-церковного и литературного плана, касающиеся судеб православной книжной культуры в Польше. К особым весьма важным находкам следует отнести целые архивные и библиотечные комплексы, принадлежащие местным выдающимся православным собирателям, среди которых есть и потомки русских эмигрантов. В этих комплексах в течение последних десятилетий как бы аккумулировалась сама история православной Польши.

* * *

Учитывая необычайное разнообразие собранных экспедицией материалов, сложность представления в небольшом по объему издании всего этого богатства, мы решили ограничиться отдельными произведениями, созданными или же бытовавшими в православной среде межвоенной Польши, ибо знакомство с ними помогает постичь некоторые очень важные моменты в истории православной культуры Европы и мира XX столетия. При этом столь значительная разнородность текстов, их языковые и графические особенности, степень сохранности определяли подходы в выработке принципов публикации в каждом конкретном случае. В целом же мы ориентировались на достаточно упрощенные принципы литературоведческих и культурологических научных публикаций текстов преимущественно XX в. Исключение сделано только для гимнографических произведений на церковнославянском языке, которые максимально точно воспроизводятся с помощью различных приемов репродукции непосредственно с оригинала лишь с некоторыми изменениями относительно его размеров, но с сохранением абсолютно всех его языковых, графических и палеотипических особенностей.

Илл. 1. Схематическая карта размещения православного населения во II Речи Посполитой (по В.Косоноцкому, 1939)

Православная книжность и литература в Польше межвоенного периода

Христианство в форме кирилло-мефодиевской традиции, славянский обряд, церковнославянская письменность и культура появились на юго-западных и южных землях будущей Польши задолго до перенесения сюда латинского обряда и письменности. Отголоски всего этого, а также многовековой борьбы двух религиозно-культурных ориентаций хорошо демонстрирует средневековый гимн польского костела «Богородица», являющийся древнейшим польским духовным песнопением и одновременно оригинальным литературным памятником.

Восточные и юго-восточные земли межвоенной Польши, искони заселенные восточными славянами, принадлежали к миру Slavia Orthodoxa, который обнимал собой весьма значительную, а затем и преобладающую часть территории Европы. Подобного соотношения не изменило и появление униатской (греко-католической) церкви. Включение восточных областей Речи Посполитой в состав Российской империи способствовало возрождению и укреплению там православной жизни в среде коренных восточнославянских народов. Возрождение это коснулось и местных православных письменных культур, местных православных литератур, составлявших к началу XX столетия единое целое с общероссийскими.

Такой была историческая основа возникновения православной литературы Польши 1918–1939 гг. До сих пор было трудно представить, что в не столь уж отдаленное от нас время, в двадцатилетие между двумя мировыми войнами (1918–1939 гг.), в этом уголке мира оказалось сосредоточенным все богатство тысячелетнего славянского православного наследия, получившего здесь, несмотря на неблагоприятные условия, дальнейшее развитие.

Следует иметь в виду, что речь идет по сути об открытии огромного литературного материка, расположенного в самом центре Ев-

ропы. Он оказался то ли вынужденно забытым, то ли растворенным во времени, скрытым от нас на десятилетия. На сегодняшний день мы все еще не можем до конца выявить его очертания, с точностью описать все его границы. Многие тысячи самых разнообразных по жанрам и видам прозаических и стихотворных произведений составляют его. Написаны они были сотнями авторов на многих языках, прежде всего русском, церковнославянском, польском, украинском, белорусском, чешском, французском, грузинском. Эта литература распространялась как в печатном, так и в рукописном виде. Бытовала она и в устной форме. Ее произведения печатались более чем в 40 различных православных периодических изданиях Польши, большими тиражами выходили в свет в виде сотен книг и брошюр во многих издательствах. Литература эта поднимала и решала важнейшие вопросы прошлого и настоящего, служила миллионам православных как в самой Польше, так и за ее пределами. Значение свое она, на наш взгляд, не утратила и по сей день.

Межвоенная Польша 1918–1939 гг., именуемая II Речью Посполитой, стала независимым государством в результате сложных процессов, происходивших в течение длительного времени как внутри страны, так и далеко за ее пределами. Итоги I мировой войны и Октябрьской революции, военные операции и войны 1919–1920 гг. окончательно способствовали появлению на карте Европы XX столетия многомиллионного государства, в границах которого оказались и обширные «восточные земли»: значительная часть современной Литвы с Вильнюсом, Украины, около половины Белоруссии.

Межвоенная Польша была многонациональным государством. На долю национальных меньшинств приходилось более одной трети населения, общая численность которого составляла около 30 миллионов человек. По данным государственной переписи 1931 г., православными были около 12% всех жителей Польши, причем в Полесском воеводстве на их долю приходилось более 77% населения, в Волынском — почти 70%, Новогрудском — более 51%, Виленском — 25%, Белостокском — около 19%, Люблинском — около 9% [1].

В 1939 г., согласно официальной церковной статистике, Православная Церковь в Польше имела пять епархий с более чем 4 миллионами верующих [2], 2500 церквей и часовен, около 3000 духов-

ных лиц [3], 17 монастырей и скитов, в том числе Почаевскую Свято-Успенскую лавру [4], Православный Богословский лицей в Варшаве, духовные семинарии в Вильне и Кременце, Православный Богословский Отдел при Варшавском университете им. Иосифа Пилсудского, Митрополитальный Семинарий Иконографии, Псаломщицкую школу, Синодальную типографию, различные периодические издания, архив[1].

13 ноября 1924 г. константинопольский патриарх Григорий VII подписал томос о даровании Православной церкви в Польше формальной автокефалии, фактическое принятие которой наступило уже после II мировой войны, хотя в межвоенный период, начиная с 1925 г., Церковь считалась автокефальной, что в значительной степени объяснялось стремлением государственных властей Польши во что бы то ни стало исключить малейшую зависимость православных граждан страны от Церкви-Матери — Русской Православной церкви и ее центра в Москве.

Основу православного населения межвоенной Польши составляло крестьянство, искони населявшее земли восточных воеводств Польши — около 93% всех православных [5]. Процесс национального самоопределения в ту пору еще не только не завершился, но кое-где даже и не начинался, особенно в Полесье и самом центре польско-восточнославянского пограничья. Православные люди говорили о себе, что они «тутейшие» — тутошние, здешние, а язык их «тутейший», «простый» или «руский». В официальных документах той поры было узаконено определение «тутейшие», которых по различным данным насчитывалось около 1 миллиона человек. Согласно переписи 1931 г. более 1 миллиона православных считали родным языком украинский, почти 1 миллион — белорусский, полмиллиона — польский, сто тысяч — русский, почти 22 тысячи — чешский.

Таким образом, по национальному составу православные делились на несколько далеко не равных по числу групп, среди них доминировало украинское и белорусское коренное население, преимущественно крестьянство; русские, а число их значительно менялось в различные периоды истории межвоенной

[1] Долгое время при Священном Синоде работала Ученая Археологическая и Археографическая Комиссия, председателем которой был митрополит Дионисий, а секретарем известный знаток древностей Н. Г. Пиотровский.

Польши (от нескольких сот тысяч до ста тысяч человек), были представлены не столько старожильческим населением городов, городков и местечек, сколько эмигрантами, покинувшими Россию в результате революции и гражданской войны[2]. Впрочем, нередко русскими называли себя и представители местной православной интеллигенции, в том числе и священники.

По данным английского статистика Д. Х. Симпсона, пожалуй, как никто серьезно разрабатывавшего проблему учета русских эмигрантов, межвоенная Польша занимала лидирующее положение по их числу во все времена, начиная с первых послереволюционных лет вплоть до конца 1930-х гг. [7]. Общее количество русских эмигрантов во II Речи Посполитой может быть сравнимо лишь с числом русских беженцев во Франции в 1930-е гг. Это, в частности, объясняется тем обстоятельством, что в состав межвоенной Польши вошли огромные восточнославянские этнические территории, заселенные в основном православным населением, и «восточные земли» II Речи Посполитой продолжали сохранять свой «руский» характер. На всех сторонах местной жизни здесь сильно ощущалось влияние политической, правовой, экономической и церковной культуры бывшей Российской империи. Многие русские эмигранты имели родственников на территории II Речи Посполитой, среди которых были представители всех без исключения слоев общества, включая и довольно состоятельных местных помещиков, владевших значительными земельными угодьями.

М. И. Раев утверждает, что «местная церковь (за исключением некоторых городских центров) не играла заметной роли в жизни эмигрантов, поскольку те были для нее чуждым элемен-

---

[2] На землях II Речи Посполитой издавна проживали также русские старообрядцы. Общее их число в межвоенной Польше приближалось к ста тысячам человек.

Необходимо специально упомянуть и православных лемков, число которых доходило в межвоенные годы до нескольких десятков тысяч. Они проживали в основном в Новосондецком, Горлицком, Ясловском, Кросненском и Санокском поветах Краковского и Львовского воеводств. История лемков трагична. В первые послевоенные годы они были выселены из родимых мест и лишь через несколько десятилетий некоторые из них смогли вернуться на родину. Православные лемки сейчас живут во многих местах Польши, в том числе и в отрогах Карпат, где отдельные села населены ими почти целиком [6].

том» [8]. Подобное утверждение по меньшей мере курьезно, так как Православная церковь в межвоенной Польше всегда оказывала русским эмигрантам огромную духовную помощь и даже довольно значительную материальную. Несмотря на свою финансовую бедность, она делилась с ними в буквальном смысле последним. Вопросы церковного бытия были среди самых важных в жизни всех без исключения русских общин. Об этом свидетельствует множество сохранившихся материалов, в частности пресса межвоенной Польши, в том числе многочисленные русскоязычные и православные периодические издания.

Положение Православной церкви во II Речи Посполитой было тяжелым. По существу можно говорить почти о постоянных гонениях на нее со стороны как государства, так и Польского католического костела. Временами гонения эти носили характер настоящих массовых репрессий, порой совершенно варварских военных погромов, что, например, имело место на Холмщине в 1938 г., когда там сразу было уничтожено около двухсот церквей [9]. Тем не менее, несмотря на погромы, массовые гонения и разрушения храмов в городах и сельской местности, положение Православной церкви в межвоенной Польше было куда более благополучно по сравнению с положением Православной церкви в СССР, где во второй половине 1930-х гг. «церковная организация была разгромлена» [10].

«Время бежит дальше — оканчивается вторая тысяча лет новозаветной эпохи. Все в наших руках, все зависит от нас. Перед нами — и целыми народами, и отдельными личностями — всегда стоит один и тот же вопрос: идти ли нам или мне по пути Вавилонского столпотворения, или по пути Христовой Пятидесятницы?». Эти слова принадлежат предстоятелю Православной церкви в межвоенной Польше митрополиту Дионисию [11]. Они были написаны и произнесены в 1926 г. человеком, видимо, уже тогда предчувствовавшим трагизм своей дальнейшей жизни, драматическую судьбу православия в Польше. Драматизм этот отразился и на православной литературе. За межвоенное двадцатилетие она испытала множество больших и малых превращений, коснувшихся языковой, тематической, стилистической и рецепционной ее сторон. Перед самым началом II мировой войны в литературу эту вошло значительное идейно-органи-

зационное движение, получившее название «православные поляки», пытавшееся стать, и в чем-то ставшее, самостоятельным литературным направлением, по иному видевшим многие важнейшие постулаты православия, стремившимся к радикальным нововведениям вплоть до употребления польского языка в литургической практике. Все это было прямой реакцией на менявшиеся условия, которые, по словам очевидца, знаменитого русского богослова Н. Арсеньева, тогдашнего профессора православного отделения теологического факультета Варшавского университета, в значительной степени усугублялись «поведением ряда членов высшей иерархии польской Православной Церкви», что «до известной степени вызывало и поощряло неуважительное отношение к этой самой иерархии и ко всей Православной Церкви со стороны польского правительства» [12, с. II]. «В то самое время, когда безбожная советская власть разрушала православные храмы в Советской России», подобное происходило и во II Речи Посполитой [12]. Н. Арсеньев в конце своей жизни писал, что «есть, к сожалению, некоторое сходство между этими действиями обоих правительств» [12]. И все же, тогда, в межвоенной Польше, могли выходить в свет десятки различных сочинений самого Н. Арсеньева — богословских, философских, культурологических, литературоведческих. Они печатались в нескольких православных «народных» и специальных православных теологических журналах, издавались отдельными книгами и брошюрами. Только там, в Польше, в Синодальной типографии, могла быть издана и книга знаменитого русского богослова — эмигранта профессора Н. Глубоковского «Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии» (Варшава, 1928), который, по его собственным словам, «получил счастливую возможность» ее «напечатать... лишь теперь, благодаря особому покровительству высокопреосвященного Главы Православной Церкви в Польше».

Несмотря на трудности внутреннего порядка II Речь Посполитая стала одним из центров русской богословской мысли, главнейшим центром украинского и белорусского православного богословия, крупнейшим центром создания и издания восточнославянской православной теологической литературы, значительное число произведений которой имели ярко выраженную на-

циональную ориентацию. Подобная ориентация оказалась тесно связанной с идеей национальных церквей, что в свою очередь сказывалось прежде всего на двух важнейших частях православной литературы межвоенной Польши — массовой литературе для народа и элитарной богословской, писавшейся для немногих, но значимой для всего мирового православного сообщества. Высшая церковная иерархия во главе с митрополитом Дионисием пыталась смягчить прямую национальную агитацию, порой даже не допускать ее, опасаясь противостояния и даже раскола в Церкви. Это наложило свой отпечаток и на православную литературу в целом, отразившую все стороны и этапы борений различных идейных, стилистических и национальных течений, выдвинувших из своей среды ряд виднейших фигур белорусской, русской и украинской интеллектуальной жизни XX столетия, крупнейших деятелей белорусского и украинского национального возрождения, каким был, например, профессор православного отделения теологического факультета Варшавского университета И. Огиенко, будущий митрополит Илларион.

Начав свою историю с русскоязычного «Православного календаря», выпущенного в 1919 г. в Холме «Rossyjskim Wydawnictwom» [3], православная литература межвоенной Польши постепенно становится многоязычной. При этом Варшава является местом притяжения всех литературно-языковых ориентаций, а ее синодальные учреждения и университет в значительной мере способ-

---

[3] Это первое точно нами установленное православное издание в межвоенной Польше [13, с. 3–8]. Вопрос о его выпуске, о потребности коренного православного населения Польши в собственной литературе был поднят священником из Холма о. Александром Ярацевичем уже через полгода после обретения Польшей самостоятельности. Насколько существенной эта проблема казалась высшим властям новой Польши, свидетельствуют решения Президиума Совета министров и Министерства религиозных исповеданий и народного образования 1919 г. [13, с. 3–6], в конце концов разрешивших издание «согласно прошению на русском языке» [13, с. 6], а также последующие дебаты о том, служат ли подобные книги интересам Польши или нет, являются ли они агитационными «в пользу православия» и т. д. [13, с. 7]. В этом споре первых лет новой польской государственности к началу 1920-х гг., пожалуй, побеждает мнение, «что для культуры, а особенно для государственности польской представляют еще большую угрозу, нежели русификация», именно «украинские и белорусские национально-политические устремления» [13, с. 9].

ствуют сложению общей православной писательской среды, единой православной литературы. Украиноязычные произведения и издания появляются в основном в местах постоянного проживания украинцев — преимущественно на Волыни, а также в Варшаве и там, где были поселены украинские эмигранты, например в Тарнове. Белорусскоязычные — в Вильне и Варшаве. Русскоязычные — повсеместно, преимущественно же в столице и крупнейших городах II Речи Посполитой. Со временем появляется и польскоязычная православная литература, первоначально представляющая собой простой перевод — кальку с оригинальных восточнославянских или церковнославянских сочинений, а затем преобразовавшаяся в литературу «православных поляков», созданную в значительной степени теми, для кого польский язык стал родным, по крайней мере, вторым родным языком.

Процесс полонизации православной литературы был явлением драматическим, но неизбежным, связанным с новыми реалиями, новыми обстоятельствами жизни Церкви и всех ее членов. То было переходное время от преимущественно великорусской православной традиции к некоторому возрождению местных[4] и формированию своего рода новой — православной традиции современной Польши, перенявшей и все основные заветы межвоенной православной литературы[5].

Вместе с тем традиция великорусская, в том числе литературная, продолжала играть в жизни польской Церкви главенствующую роль, свидетельством чего может служить издатель-

---

[4] В подобном возрождении в той или иной мере участвовала и церковная иерархия. Так, в 1934 г. в Вильне была образована Комиссия по переводу учебной литературы на белорусский язык. По согласованию с митрополитом Дионисием в Комиссию вошли: архиепископ Виленский Феодосий (председатель), священник Дзичковский, виленский благочинный (заместитель председателя), о. Николай Кульчицкий, о. Сергий Волынцевич, «бывший директор белорусской гимназии в Вильне Сергей Павлович и нынешний директор Радослав Островский» [13, с. 148].

[5] Одним из первых идеологов этой новой традиции стал священник из Люблина о. И. Дынько-Никольский, предлагавший государственным властям в 1923 г. свой план осуществления в православной среде языковой и издательской политики. При этом рекомендовалось печатать православную учебную литературу «только польскими шрифтами», включая «общие молитвы и литургические тексты», правда без перевода, только в транслитерации, а все остальное в переводе на польский язык [13, с. 9].

ская продукция, прежде всего многочисленные издания Варшавской Синодальной типографии. Идея организации этого крупнейшего православного литературно-издательского комплекса в межвоенной Польше принадлежала митрополиту Георгию (Ярошевскому). В 1922 г. он обратился в правительство с просьбой помочь в столь важном деле[6], и, получив отказ[7], всего лишь за год смог самостоятельно организовать типографию и начать выпуск необходимых книг и журнала[8].

Одновременно с печатной, широкое распространение в народной и священнической среде получила рукописная литература. То были произведения гимнографические, старые и вновь сочиненные, и вообще литургические; жития; летописи; нарративные памятники; паломнические записки; описания чудес; наконец, весьма значительная в количественном отношении и по своей роли группа паралитургических сочинений, расходившихся во множестве списков.

Среди авторов православной литературы межвоенной Польши были люди практически всех сословий, представители всех групп общества. При этом, пожалуй, лишь гимнография являлась уделом лиц духовного звания, правда, паралитургические тексты сочинялись даже крестьянами; а остальное создавалось всеми: митрополитами и епископами, приходскими священниками, профессорами и студентами, семинаристами, профессиональными литераторами, служащими и т. д. В количественном отношении эта литература в ту пору не имела себе равных. Она служила почти пяти миллионам православных, в подавляющем большинстве жив-

[6] В своем ходатайстве от 26 октября 1922 г. перед Министерством религиозных исповеданий и народного просвещения митрополит Георгий писал о «великой потребности в выпуске собственного периодического издания, а также в печатании книг, необходимых для проведения богослужений..., Митрополии необходима собственная типография, которая должна находиться в Варшаве» [14, с. 3].

[7] Любопытна аргументация отказа со стороны того же Министерства от 10 ноября 1922 г. Оказывается, помощь не могла быть предоставлена не только «из-за финансовых причин», но и ввиду того, «что лишь небольшая часть православных в Польше пользуется русским языком» [14, с. 2].

[8] В дальнейшем Синодальная типография выпустила в свет более тысячи книг и брошюр, печатала многие православные периодические издания, среди них «Воскресное Чтение», «Ελπις», «Слово» и другие.

шим на своих исконных землях. Совокупный тираж ее изданий составил несколько миллионов экземпляров книг и брошюр. Причем тиражи отдельных книжных изданий колебались в среднем от одной тысячи до нескольких десятков тысяч экземпляров. Были выпущены многие сотни номеров журналов и газет, также расходившихся в тысячах экземпляров.

Несмотря на то, что ни светская, ни богословская наука на сегодняшний день не выработали достаточных критериев, произведения православной литературы межвоенной Польши можно классифицировать с той или иной степенью точности. Ее составляют библейская книжность; литургическая книжность с произведениями традиционного состава и новосочиненными, такими, например, как акафисты и службы; паралитургическая книжность, почти исключительно народная; дополнительная богослужебная литература; учебная литература; научная литература, включающая очень широкий круг сочинений: по богословию и христианской философии, библеистике, патрологии, церковной истории и археологии, церковному искусству, церковной литературе (литературоведению) и языкознанию, церковной социологии и праву; житийная литература; церковно-летописная и нарративная литература; паломническая литература; духовно-нравственная литература для народа; собственно художественная литература; миссионерская и противосектантская литература. Важнейшей чертой и отличительной особенностью этой литературы являлось то, что она, наряду со своей полилингвистичностью, стала прямой преемницей древнейших и новых православных традиций восточнославянских народов, прежде всего русского, а также народов западнославянских — чешского и польского. Одновременно она оказалась литературой пятимиллионного православного сообщества, почти исключительно крестьянского и не эмигрантского. Литературой в основном на русском языке, но преимущественно не для русских. Отчетливо видны и два главных адресата этой литературы — белорусское и украинское крестьянство, а также священство, состоявшееся и будущее. Отдельную значительную читательскую группу образовывала мирская православная интеллигенция — русская, в основном эмигрантская, украинская, белорусская и «польская». Литература эта, будучи конфессиональной, одновременно являлась в условиях

католической Польши и литературой национальной, причем в основном самодостаточной. Вместе с тем, по своему значению, глубине и уровню влияния, масштабам она стала уникальной для Европы XX столетия.

---

1. *M. Papierzyńska-Turek*. Między tradycją rzeczywistością: Państwo wobec prawosławia: 1918–1939. Warszawa, 1989, с. 6 и др.
2. *W. Kosonocki*. Liczba i rozmieszczenie ludności prawosławnej w Polsce // Wiadomości Metropolii Prawosławnej w Polsce, 1939, № 3, s. 6–7.
3. *T. Wyszomirski*. Polskie prawosławie // Materiały problemowe, 1988, № 6, s. 55–56.
4. Церковный календарь на 1939 год. Варшава, [1938], с. 55–58.
5. Powszechny Spis Ludności z dnia 9.XII.1931 // Statystyka Polski. Ser. D. Warszawa, 1939, tabl. 34.
6. Православные лемки современной Польши тщательно хранят наследие своих предков, в частности все то, что имеет отношение к процессу их перехода в первой трети нашего века из греко-католичества (униатства) в православие, к истории так называемого «старорусинства», борьбе, порой кровавой, за «русскую идею». На самых видных местах в их селах — у перекрестья дорог и вдоль них, у церквей — можно видеть многочисленные поминальные кресты в честь тех или иных исторических событий. Так, в горном селе Бортном, практически целиком населенном православными лемками, неподалеку от церкви стоит каменный крест с надписью: «В честь и славу Господу Богу создали члени православной цэркви в Бортнім возвратившись из унії. 17/3 р. 1928».

   С кирилло-мефодиевской книжной традицией лемки не порывали никогда, униатские времена повлияли на ее характер незначительно, а сам греко-католицизм лемков был весьма своеобразным, что в конце концов во многом и стало основой для перехода (возвращения) большого их числа в православие. Необходимо подчеркнуть, что среди лемков всегда была широко распространена литература на русском (великорусском) языке, а также церковнославянская книжность.

Самой западной и, пожалуй, самой загадочной областью распространения в межвоенной Польше живой кирилло-мефодиевской традиции была Русь Шляхтовая или иначе Шляхтовская Русь, лежащая в междуречье Дунайца и Попрада у подножия Пенин. Собственно западная граница Руси Шляхтовой начиналась у окраины города Щавницы (Шчавницы). Жители Руси Шляхтовой были греко-католиками, активно использовавшими русский язык. В 1950 г. их насильственно выселили из разных мест в результате акции «Висла». Ныне в четырех селах бывшей Шляхтовской Руси — Яворках, Шляхтовой, Белой и Черной Водах — уцелело не слишком многое от их прежних коренных жителей, обитавших тут в течение нескольких столетий. Правда, до сих пор живы представители нескольких смешанных семей, которые не были выселены в 1950 г., сохраняются и некоторые памятники книжности, бывшие в обиходе коренных жителей в межвоенный период, кое в чем сохраняют свой прежний облик и шляхтовские села, например, Яворки, где есть еще старинные сельские усадьбы с рублеными домами и стоит над речным потоком церковь, превращенная ныне в католический костел. На местном кладбище сохранились надгробия и кресты в память о коренных жителях села, причте и настоятелях здешней греко-католической церкви, в том числе сделанные на русском (великорусском) языке. Вот одна из них:

«Бл. † П.
Наст. прихода
С. Яворки иерею
Дуркоту Александру
* 1874 – 1922
Дражайшему мужу
отцу — жена — дети».

По мнению такого видного польского исследователя, как Р. Райнфус, Русь Шляхтовая «разнится от Лемковщины, напоминая с точки зрения культурных особенностей русинские (руские) села на словацком Спише» (см.: *R. Reinfuss*. Śladami Łemków. Warszawa, 1990, s. 13).

В то же время известный украинский лингвист О. Горбач прямо пишет об украинской основе говоров русинов словацкого Спиша (см.: *О. Горбач*. Остурня — український острівець на Спіші під Татрами // *О. Горбач*. Зібрані статті. Мюнхен, 1993, т. 5, с. 44–47).

7. *J. H. Simpson*. The Refugee Problem // Report of a Survey. London; New York; Toronto, 1939, с. 78–80 и др.

8. *М. Раев*. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919–1939. М., 1994, с. 160.

9. *W. Mysłek*. «Przedmurze». Warszawa, 1987.

10. Протоиерей Владислав Цыпин. История Русской Православной Церкви: 1917–1990. М., 1994, с. 106.

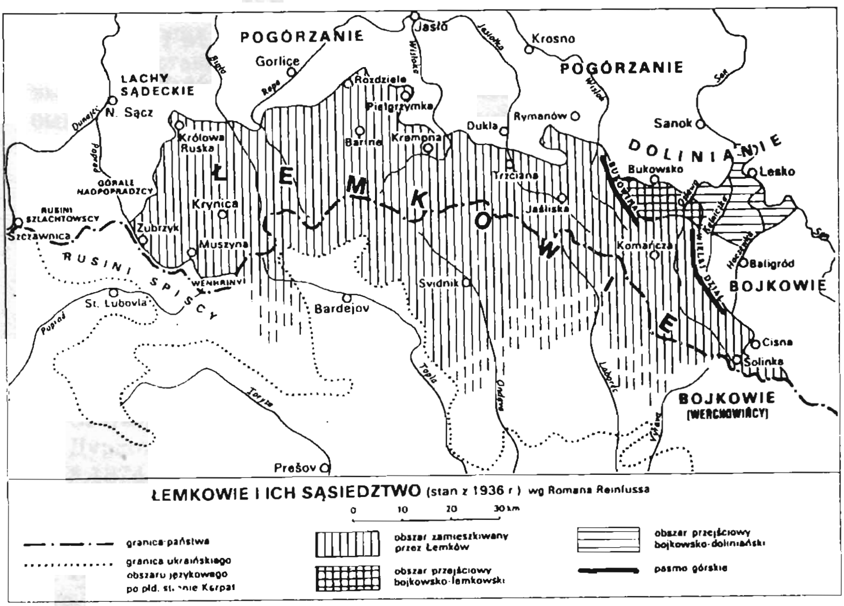
11. Слово Высокопреосвященного Митрополита Дионисия в англиканской церкви в Берне в воскресение 29 августа 1926 года // Ελπις, 1927, № 2, с. 9.

12. *Н.Арсеньев*. Предисловие // *А.Свитич*. Православная церковь в Польше и ее автокефалия. Буэнос Айрес, 1959, с. II.

13. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. MWR i OP, № 1260.

14. Archiwum Akt Nowych w Warszawie. MWR i OP, № 1261.

Илл. 2. Карта размещения лемков по состоянию на 1936 г. (по Р. Райнфусу)

Илл. 3. Каменный крест, сооруженный в с. Бортном в 1933 г. в память лемков — жертв австрийского концлагеря Талергоф (фото 1996 г.)

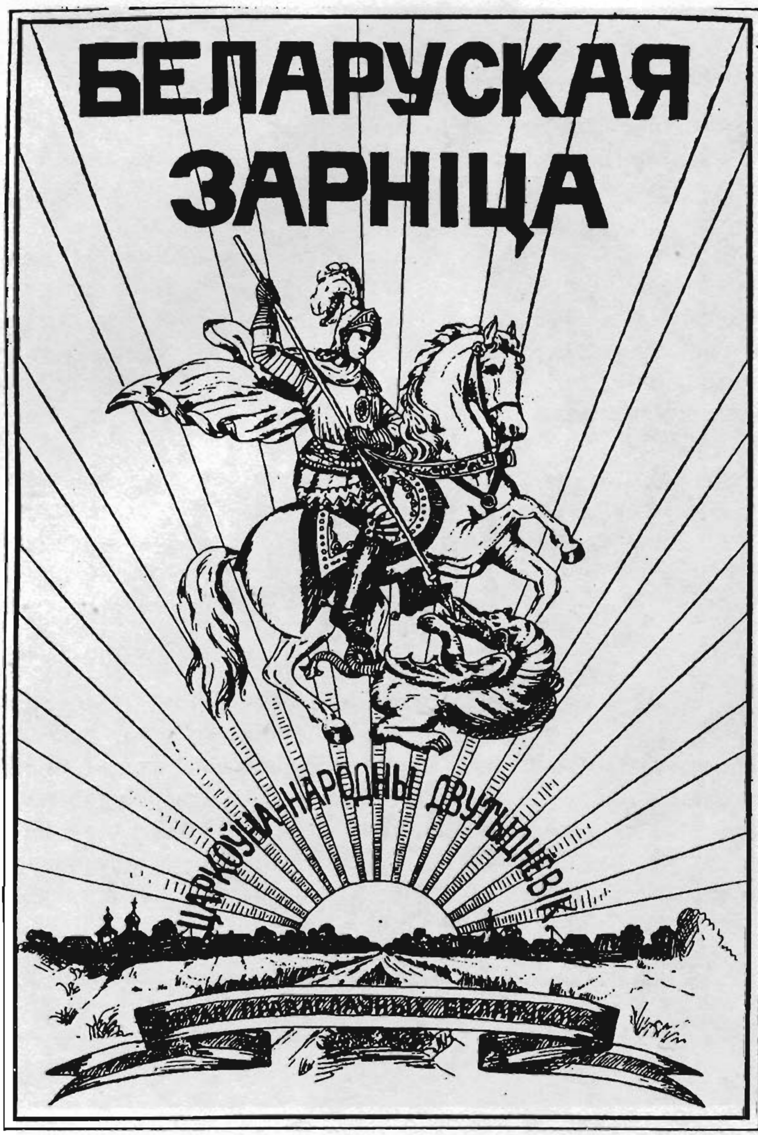
Илл. 4. Митрополит Дионисий (Валединский) —
первоиерарх Православной церкви во II Речи Посполитой

Илл. 5. Обложка книги секретаря Ученой Археологической и Археографической Комиссии при Священном Синоде Православной церкви во II Речи Посполитой Н. Г. Пиотровского «Русская икона» (1929)

Илл. 6. Обложка виленского православного журнала «Беларуская зарніца», издававшегося в 1928–1929 гг.

Парафиальные летописцы*

О восточнославянских летописях и летописании в давней Польше и Великом Княжестве Литовском известно немало. Существуют даже специальные библиографии работ, посвященных этой проблематике, например составленная Р. П. Дмитриевой, учитывающая литературу на многих языках вплоть до 1960 г. [1]. Обилие исследований о древних и старинных летописях как нельзя более красноречиво свидетельствует о значительном интересе к этим историческим источникам и литературным памятникам, исследователями и публикаторами которых начиная с XVII столетия выступали гуманитарии различных специальностей, в основном историки и литературоведы.

Впрочем, все это относится преимущественно к древнейшим и древним летописям, менее к старинным. Летописи позднейшие почти не привлекали внимания [2]. Исследований церковного летописания XIX в. не проводилось вовсе, и лишь сейчас вопрос о его существовании, как нам кажется, может быть наконец поставлен.

Куда более сложное положение с церковным летописанием в XX столетии, особенно в послереволюционные (после 1917 г.) годы, когда начался небывалый до той поры процесс тотального уничтожения Православной церкви. Церковное летописание этого совсем недавнего времени видится чем-то совершенно невероятным, едва ли вообще возможным. Тем не менее такое летописание существовало и связано оно было как с древними восточнославянскими традициями, так и непосредственно с традициями Русской Православной церкви, заложенными в XIX в.

---

* Авторы выражают особую благодарность за помощь в собирании материалов о. Григорию Сосне, предоставившему в их распоряжение свой богатейший архив и библиотеку по истории Православной церкви в Польше.

Удивительной страной, где церковные летописи писались вплоть до наших дней, а особенно интенсивно в 1920-е — 1930-е гг., оказалась Польша. II Речь Посполитая с ее Православной церковью, почти 5 миллионами православных, традициями и культурой Русской Православной церкви, которые были переняты от Церкви-Матери, стала уникальным местом, где традиции эти и культура не только сохранялись, но и отчасти развивались, примером чему служит и приходское (парафиальное) церковное летописание.

В церковных приходских архивах Варшавско-Бельской и Белостокско-Гданьской епархий Польской Автокефальной Православной церкви до сих пор сберегаются местные церковные летописи, составлявшиеся священниками во второй половине XIX и XX вв. Начало этой работе было положено в 1860-е — 1870-е гг., когда по распоряжению Святейшего Правительствующего Синода ведение погодных летописей вменялось в обязанность настоятелю каждой приходской церкви по всем епархиям. Впервые в епархии Литовско-Виленской решение о ведении церковных летописей оглашено в 1867 г., когда ею управлял известный митрополит Иосиф (Семашко). Помимо соответствующих письменных указаний, доведенных до сведения всех приходских священников, решение о ведении церковных летописей было опубликовано в «Литовских епархиальных ведомостях» (1867, № 2). В дальнейшем внимание к этому вопросу со стороны руководства епархией все время возрастало. Был подготовлен даже целый ряд специальных инструкций, касающихся церковного летописания, первой из них стали правила [3], разработанные при митрополите Макарии (Булгакове), известном церковном историке, который тогда управлял Литовско-Виленской епархией. Очень подробной была и тщательно составленная записка «Об описании церквей и приходов Литовской епархии», появившаяся в 1886 г. и утвержденная Литовской духовной консисторией [4]. Вместе с тем, дело с возрождением церковного летописания не везде шло успешно, в некоторых приходах летописи не велись вовсе, что заставляло отцов благочинных и консисторию постоянно напоминать приходским священникам об их новой обязанности [5].

Впрочем, было и немало удивительных исключений, когда ведение погодных летописей превращалось в настоящую исследовательскую работу, плоды которой стали особенно ценны уже в

наши дни. Пример тому «Церковно-историческое и статистическое описание Чарнянской церкви и ее прихода», сделанное священником Алексеем Волковским в начале 90-х гг. XIX в. Этот «документ был найден в январе 1992 г. во время подготовительных работ по упорядочиванию приходского архива в Чарней Церковной, проводившихся Дорофеем Фиоником» [6]. Находка оказалась столь значительной для местной истории, что почти сразу же Д. Фионик и С. Иванюк приступили к ее публикации на языке оригинала (русском) и в переводе на польский. Этот перевод вместе с публикаторами осуществила известная белорусская поэтесса с Белосточчины Надежда Артымович.

Труд о. Алексея представляет большой научный, культурный и чисто церковный интерес, ибо в нем священнику удалось почти с фотографической точностью запечатлеть особенности основных сторон жизни нескольких православных селений самого края польско-восточнославянского пограничья в XIX в. О. Алексей изучал местные традиции, материалы богатого церковного архива, во многом ныне утраченные, собирал народные предания и даже проводил археологические раскопки (подробнее см. нашу рецензию на эту публикацию — [7]). Вместе с тем, данная публикация явилась, пожалуй, первым столь удачным примером возобновления археографической работы по выявлению памятников кирилловской письменной традиции на территории современной Польши, предпринятого православными молодежными братствами. А ведь восточнославянское рукописное и печатное наследие в нынешней Польше столь значительно, что требует специального систематического изучения, включая и самые настоящие археографические экспедиции, своего рода опыт проведения которых был впервые поставлен Варшавским университетом в 1970-е гг. [8]. Собственно, без систематического обследования всех без исключения архивов приходских православных церквей в Польше, Западной Беларуси, Западной Украине и Литве, а также отчасти целевого поиска в некоторых епархиальных и ряде государственных хранилищ невозможно представить полную картину церковного летописания во II Речи Посполитой.

В нашем распоряжении оказалось всего лишь около десятка церковных летописей, ведшихся в межвоенной Польше в основном в местах, населенных белорусами, отчасти украинцами. Не-

которые из этих памятников удалось полностью или частично скопировать, с остальными более или менее подробно ознакомиться. Примечательно, что наиболее тщательно и умело составленные церковные летописи писались в том приходе, который имел значительный опыт в составлении различного рода отчетов, обладал хорошим архивом, иногда с документами двух или даже трехсотлетней давности, неплохой библиотекой. Были и выдающиеся летописцы, обладавшие исключительным литературным талантом, которые оставили нам записки, читающиеся с огромным интересом. В них оказалась запечатленной не одна человеческая жизнь, история нескольких поколений, порой почти сокровенные мысли самого писателя, его раздумья о событиях, лицах, своей эпохе в целом.

Существовали и своего рода апологеты церковного летописания. К таковым мы бы отнесли протоиерея Ксенофонта Милькова, оставившего нам интереснейшее повествование — «Нечто новое о ведении церковных летописей» [9, с. 211–212]. «Материала для записей в церк. летопись, — сообщал о. Ксенофонт, — имеется достаточно в каждом приходе. Самое главное — это, чтобы отцы настоятели приходов имели охоту вести церк. летопись не за страх, а за совесть, не отступая от Указов Консистории и не ожидая деликатных напоминаний отцов благочинных. Писать о всем, не мудрствуя лукаво, что имеет то или иное отношение, прямое или косвенное, к данной церкви и приходу, даже — о погоде, от которой зависит посещаемость прихожанами церкви, — об урожае, от котораго, ведь, зависит жертвенность прихожан и т. п.... Летописец должен в себе воспитать любовь к записыванию, вырезыванию и наклеиванию и надолго не откладывать своих записей: подождать, когда материал соберется, — сейчас его и вписывать в церк. летопись. Откладывать же дело записи надолго, это значит: никогда не записать ее. Интересно всегда то, что записано „по свежему“, а „отклад — не идет в лад“, как говорит народная пословица».

Все известные нам церковные летописи, ведшиеся в межвоенной Польше, можно разделить по степени их подробности и таланта записывавшего на три группы. К первой, весьма многочисленной, относятся очень краткие погодные записи, порой с пропуском ряда годов. Объем таких летописей за весь межвоенный период равняется всего лишь нескольким страницам. Такова в

основном церковная летопись из Беловежи, ведшаяся при храме во имя св. Николая Чудотворца. Вторую группу образуют более или менее обширные летописные сборники, многие из которых стали составляться еще в предвоенные годы, то есть до начала I мировой войны и трагического периода в жизни православных межвоенной Польши, который получил название «беженства», когда местное православное население и духовенство были почти полностью эвакуированы в глубь России и Украины, а затем в течение нескольких лет возвращались в разоренные и опустошенные войной родные места, где при новой власти долгое время (годами) не получали гражданских прав. Обо всех этих событиях, а также о многочисленных человеческих жертвах военного времени, периода эвакуации и «беженства», пришедшихся на годы революционного переворота в Российской империи и ее распада, можно прочитать в этих церковных хрониках. Порой они единственные достоверные свидетельства по истории той или иной местности 1910-х — 1930-х гг., уникальные документы, характеризующие умонастроения крестьянства и духовенства — белорусов, украинцев, русских, «тутейших». Так, в разделе «О церкви или храме» второй части «Церковно-приходской Летописи Кожанской Крестовоздвиженской церкви» записано: «Во время мировой войны в 1915-м году колокола церковные прихожане затопили в реке Нареве. Утварь церковную зарыли в землю. Две иконы месночтимыя Божией Матери прихожане взяли с собою и одна из них осталась в России, а другую прихожанин деревни Кожан Илья Алексюк привез с собою назад, когда возвратился из эвакуации. По возвращении из эвакуации в 1921 году прихожане извлекли колокола из реки Нарева и повесили на колокольню. Зарытая утварь в земле была откопана ими и перенесена в церковь». В разделе «Имущество церкви» той же летописи сказано: «До мировой войны при церкви было 58 десятин 548 квадратных сажён. В 1925 году при церкви оставлено лишь 2 гектара, а остальная земля отошла к Дирекции Лесов Правительственных, которая отдает местному населению церковную землю в арендное содержание... Священник получает от казны в месяц 55 злотых вспомоществования, а псаломщик — 20 злотых. Кружечнаго дохода причт имеет за 1932-ый год 600 злотых, за 1931-ый год 750 злотых и за 1930-ый год 700 злотых».

Летопись содержит достаточно подробные сведения о причте, знакомит нас с его образовательным уровнем, особенностями поставления: «Священник Николай Лебедев, по прошению, перемещенный из Виленской епархии, Его Высокопреосвященством Архиепископом Алексием назначен 6 июня 1932 года в Кожанский приход. Окончил полный курс учения в Виленском Духовном училище и по особому испытанию при Комиссии Гродненской Духовной Консистории выдержал экзамен на звание священника. Псаломщик Александр Савоневский окончил Васильковское народное училище и его Высокопреосвященством Архиепископом Алексием 11 июня 1927 года назначен и. д. псаломщика». В год своего назначения «в Кожанский приход» о. Николай Лебедев запишет о здешних прихожанах: «В настоящее время числится прихожан — мужескаго пола 700, а женскаго — 800 человек. Прихожане довольно усердно посещают церковныя богослужения; за редкими исключениями бывают у исповеди Св. Причастия. Нравы женатых прихожан хорошие, что же касается молодежи мужескаго пола, то они под влиянием алкоголя на своих собраниях заводят драки. Во время мировой войны, в 1915-м году, немногие из прихожан остались на насиженных местах, а большинство уехало в глубь России. Вернулись из эвакуации они в 1921, а частью в 1922 году. Прихожане занимаются земледелием, а в деревнях, расположенных вблизи реки Нарева, еще — рыбным промыслом. — За время, когда не было священника в Кожанском приходе — в деревню Дорожки стали наезжать возжаки сектантов баптистов и таким образом из православия совратилось в баптизм 5 семейств, но больше сектантство не распространяется».

В погодных записях с различной степенью подробности освещаются те или иные важнейшие события, произошедшие в приходе, особенно тщательно описывается все, что связано с церковной жизнью, а также выдающиеся случаи в судьбах прихожан. Постоянно фиксируется число браков, рождений и погребений; финансовое состояние приходской церкви; деятельность при церкви различных объединений прихожан, например таких, как церковные братства; все «церковно-тарелочные сборы», в том числе шедшие на многочисленные «церковно-благотворительные цели», такие, например, как поддержка образовательных учреждений православных, «русских Православных обителей на Афоне», «Право-

славной Духовной Миссии на Лемковщине», «Церковно-строительного фонда Холмщины», «восстановления Турковицкой обители на Холмщине», работ «по ремонту церкви в селе Тыляве на Лемковщине (в Малопольше)» и другие. Некоторые погодные записи содержат своеобразные лирические отступления летописца, порой увеличивающие их обычный объем в 2–3 страницы большого формата еще на 1–2 страницы. Пожалуй, самые подробные записи делались по случаю приезда в приход правящего архиерея. В сентябре 1937 г. подобное событие случилось и в селе Кожанах: «Его Преосвященство Епископ Савва освящал церковь в Райске 12 сентября 1937 года и из Райска по маршруту Владыка прибыл в этот же день в село Кожаны. В деревне Заячках была устроена арка, при которой население деревни, сплошь православное, встречало Архипастыря. Попечитель деревни Антон Деменчук поднес Владыке хлеб, соль и просил принять его, и благословить насельников деревни. От деревни Заячков до села Кожан 2 версты. За полчаса до приезда Архипастыря в село Кожаны, прибыла свита: Уездный Миссионер Бельский — О. Владимир Вишневский, Пасынковский священник — О. Димитрий Дорошкевич, О. Протодиакон, Диакона: Бельской Михаило-Архангельской церкви — О. Николай Вишневский и два Иподиакона. Пред алеей, обсаженной липами, устроена тоже была арка, в которой для встречи Владыки вышел Крестный ход. Владыку в автомобиле сопровождал Бельский Благочинный О. Протоиерей Симеон Цебрук. При выходе из автомобиля, Архипастыря приветствовала следующими словами ученица 5-го отдела Богданковскаго Народнаго училища Лидия Валесюк: «Ваше Преосвященство! Дети Кожанскаго прихода просят Вашего благословения и принятия цветов». Девочки прихода, в количестве восьми, посыпали цветами дорогу алей, а братчицы — 12 женщин, — с возженными свечами сопровождали Владыку. У ворот ограды церковной Архипастыря встретил Церковный Староста Алексей Ильич Куприянюк, приветствовавший Его Преосвященство и поднесший ему хлеб-соль. Когда Владыка вошел в храм, его встретил настоятель — священник Николай Лебедев, подчеркнувший радость священника и вверенной ему паствы видеть Архипастыря, получить от него святительское благословение, помолиться с ним. После встречи, был отслужен молебен с акафистом Воздвижению Честнаго Животворящаго Креста и Крестный ход с

положенными Евангелиями. После Крестнаго хода, на церковном погосте, Владыка сказал поучение народу и благословлял его. Со славою Архипастыря ввели в дом священника, при входе в который жена настоятеля Феодосия Климентовна Лебедева встретила Высокаго Гостя хлебом-солью и просила Владыку посетить дом. Во время пребывания Архипастыря в доме, хор, под управлением псаломщика Александра Савоневскаго, пел песни из Богогласника. К сожалению, Архипастырь не мог быть гостем священника продолжительно, ибо торопился на всенощное бдение в Рыболовский храм».

Очень резко многие церковные летописи проводят границу нового, военного времени: «Началась Польско-Немецкая война во второй половине с. г. и в начале сентября в нашу местность, — сообщает Кожанская летопись, — вступили немецкие войска, а после них Советские... Епископ Гродненский и Новогрудский Савва пред приходом Советской власти уехал за границу, а потому Архиерейский дом, как пустующий, в Гродне, был занят Советской властью. Епископы Тимофей и Матвей, из военных священников Польской армии, были хиротонисованы во Епископов и тоже, при приходе Советской власти, уехали за границу... Митрополит Дионисий, пред приходом Советской власти, тоже уехал за границу».

Примечательно, что все церковные летописи писались исключительно на русском языке. Последние записи в них относятся, как правило, к 1950-м гг. Все они, за исключением летописей третьей группы, имеют более или менее одинаковый состав. В начале такой летописи помещалась историческая справка о приходе и приходской церкви, составлявшаяся на основе различных документов, прежде всего находившихся в архиве самой церкви, а также различных литературных источников на нескольких языках, в основном польском, русском, латинском. Объем таких исторических справок в некоторых летописях доходил до 70 и более рукописных страниц большого формата. Справка превращалась в хорошо документированную историю данной местности по крайней мере за последние четыреста, а то и пятьсот лет, нередко со дня основания здесь поселений. Справки содержали выдержки из многих древних, ныне утраченных, документов, записи различных легенд, описания случавшихся здесь выдающихся событий и многое другое. В них, как правило, включались краткие резюме различных визитаций, что дает огромный по ценности материал по церковной истории.

Первая или общая часть летописи включала и подробные сведения о духовно-нравственном облике прихожан, готовность которых помочь «нуждающимся в помощи всегда можно видеть..., за исключением немногих единичных случаев», — сообщала Кожанская летопись. «Целомудрие нарушается в редких случаях. Сироты, калеки и нищие не бывают забыты, и милостыня там, где она нужна, охотно подается требующим ее. Заходит нищий в дом, ему не отказывают в подаянии никогда и можно видеть с каким смирением и готовностью десятки женщин под церковью каждый праздничный и воскресный день наделяют хлебом и деньгами многих нищих, прося их молиться или за живых или за умерших». Эта же общая часть летописей сохранила для нас образцы местного говора, «простого», «тутейшего», «нашего», «своего». В разделе Кожанской летописи, посвященном знахарству, читаем: «Указывая на какого-либо человека-знахаря, отвечают так: „О зь им цяжко возицися. Он може такой беды нарабиць, што до віъку не забудзешь“». В той же общей части помещались и специальные разделы, отображающие духовную культуру прихожан, причем в них были рубрики, специально касающиеся культуры словесной, устной и письменной, такие, например, как «Народная словесность», «Книги», «Чтение» и другие, дающие представление о местном фольклоре, рукописной и печатной книжности, бытовавшей здесь.

Вторая часть летописей, составлявшая погодные записи, собственно являвшаяся «повременной церковно-приходской летописью», должна была в идеале выдерживаться по следующей схеме: сведения о чисто церковных событиях, в том числе и в местной жизни; имущественном положении приходского храма; о церковнослужителях; о прихожанах; о различных сборах; церковная статистика и «годичные выводы».

Конечно же, далеко не все настоятели приходских церквей ответственно относились к составлению церковных летописей. Многие из них даже в малой степени едва ли разделяли суждение протоиерея Ксенофонта Милькова: «Всякая вещь имеет свою историю. И церковь, и приход, и епархия — тоже имеют свою историю. Знание истории церкви, прихода в целом и каждого селения в отдельности — весьма необходимо и для Высшей Церковной Власти вообще, и в частности для приходского духовенства» [9, с. 211].

Потому-то, «предвоенные Дух. Консистории требовали, чтобы в каждом приходе велись церковные летописи, а на обязанности о.о. благочинных лежала проверка: пишутся ли церковные летописи. При сдаче годичного отчета о.о. настоятели должны были в числе множества книг и актов представлять о.о. благочинным и Летопись Церковную» [9, с. 211]. Однако, «к сожалению, и отцы настоятели приходов (в большинстве), и отцы благочинные (некоторые) — не придавали большого значения церковным летописям, и потому последние велись, надо сказать правду, — небрежно. В некоторых летописях за какой-либо год было всего 2–3 записи, обыкновенно писанные в конце года пред представлением отчетности о. благочинному» [9, с. 211]. Не удивительно, что «попадались и такие „упорствующие“ отцы настоятели», которые «„принципиально“, целыми годами ничего не писали, и только ожидаемый объезд Владыки заставлял их присесть на один–два вечера и с „потолка“ хватать материал для записей в церковной летописи» [9, с. 211–212].

В целом, церковная летопись, ведшаяся в том или ином приходе, плод труда нескольких летописцев, нескольких настоятелей данного прихода, труд общий, коллективный. В этом особое, даже принципиальное отличие церковных летописей первой и второй групп от группы третьей. Последнюю, весьма малочисленную, составляют обширные церковные хроники и описания, настоящие энциклопедии, отличающиеся всеми качествами замечательного литературного и исторического памятника. Они написаны единственным автором, который одновременно выступает и в роли историка, и этнографа, и талантливого бытописателя, порой философа. Летописи этой группы заслуживают особого, отдельного изучения, специального исследования, так как каждая представляет собой значительный научный и общепознавательный интерес. К числу таких памятников принадлежит и «Описание Рыболовского Прихода за двухсотлетний период с 1751 по 1951 год по данным архива Рыболовской церкви» в двух книгах, составлявшееся в межвоенные, военные и первые послевоенные годы местным священником о. Николаем Круковским, родившимся в священнической семье «в селе Малая Плотница бывшего Пинскаго уезда Минской губернии 21-го октября 1895 года».

Посвящение, помещенное о. Николаем в самом начале его «Описания», раскрывает особенности настроения и вдохновения автора, внутреннюю духовную атмосферу, в которой им осуществлялось церковное летописание.

«Труд этот посвящаю моим предшественникам — настоятелям Рыболовскаго Прихода, — нашедшим у стен Рыболовскаго приходского храма и других храмов прихода место вечнаго покоя.

Часто, идя в церковь, я думаю о том, что по этой же дорожке ходили в течение нескольких сотен лет мои предшественники. И, также, как и я, входили в храм не только с благоговением, но, по человеческой слабости вносили туда с собою и житейския думы, житейския чувства, переживания и настроения.

И чудится мне, что в этот момент мои предшественники смотрят на меня, понимают мое душевное состояние, сорадуются моим радостям, сочувствуют моим горестям и, сами пережившие много и уже обретшие покой, готовы на помощь мне, своему малодушному и слабому преемнику.

Протоиерей Николай Круковский».

Восьмисотстраничное сочинение о. Николая Круковского составлено на основании следующих источников, которые он в основном перечислил на 5–6 страницах первой книги своего труда:

«I. Wizyty Generalne, Dziekańskie i Inwentarze с 1751-го по 1822 год включительно. Подробно о них найдем в отделе XVI сего труда „Церковный архив" /Книга вторая/.

II. Метрическия книги:

1. Метрическия книги о умерших за 1751–1757 г.г. и в ней же книга о бракосочетавшихся и родившихся за 1751–1766 г.

2. Метрическая книга о родившихся за 1767–1786 г.

3. Метрическая книга о бракосочетавшихся за 1767–1793 г.г. и умерших за 1782–1798 г.г.

4. Метрическая книга Рыб. ц. о родившихся за 1786–1798 г.

5. Метрическая книга о бракосочетавшихся за 1794–1826 г.

III. Księga różnych Ukazów i Zaleceń Rządowych Kożańskiej cerkwi od 1814–1835 г.

IV. Клировыя Ведомости Рыболовской Церкви за годы: 1843, 1847–1858; 1860–1865; 1867–1877; 1879–1880; 1882–1889; 1891–1908; 1910, 1911, 1921–1922; 1924–1926; 1928–1936; 1938, 1939; 1941–1949.

V. Разные документы Рыболовской Церкви:

а) Правила об обезпечении духовенства от 20/VII–1842.

б) Копии указов и ревизий благочиннических 1852–1859 г.

в) Копии указов за 1858–1910 г.г.

г) Опись Церковнаго имущества и Предметы, вывезенные в Россию в 1915 г.

д) Опись кирпичнаго дома священника и всех построек причтовых до 1912 г.

е) Акт о разделе земли между членами причта от 17/VI и 15/IX–1888 г.

VI. Дела Рыболовскай Церкви за годы: 1856–1869; 1870–1872; 1873–1879; 1880–1882; 1883–1885; 1886–1888; 1889–1891; 1892–1901; 1918–1949.

VII. Копии исходящих бумаг Рыболовской Церкви.

VIII. Летопись Рыболовской Церкви за 1931–1950 г.

IX. Литовские Епархиальныя Ведомости за годы: 1863–1865; 1866–1877; 1879–1890; 1892; 1894–1896; 1889–1901.

X. Гродненские Епархиальныя Ведомости за годы: 1902–1914.

XI. Судьбы Православия в Гродненской Губернии в связи с историей Латинства и Унии в XIX веке.

XII. Роман Генриха Сенкевича „Потоп“.

XIII. Устныя предания о старине, сохранившияся в приходе».

«Описание» содержит обширную вступительную историческую часть; биографии более 20 о.о. благочинных; исторические справки почти о 40 архиереях, начиная со знаменитого униатского митрополита Льва Кишки и кончая современными летописцу Владыками; подробные сведения о «составе прихода и его численности»; многостраничный рассказ об основной приходской церкви в селе Рыболах и нескольких приписных церквах и часовнях, находящихся в Рыболовском приходе, древних и современных кладбищах. Особое место в «Описании» отведено рассмотрению церковной утвари и убранству церквей и часовен, а также обетным, придорожным и иным крестам и памятникам. Таково в основном содержание первой книги «Описания».

Вторая книга открывается разделом «Источники содержания Причта», в котором повествуется о «вознаграждениях за требоисправления», «земельных угодьях», «движимом и недвижимом имуществе по завещанию», основных капиталах, «пособиях от казны»,

«вознаграждении за преподавание Закона Божия в школах». Сто страниц текста книги отдано тщательно выписанным биографиям местных настоятелей и викарных. Почти столько же биографиям приходских «dziakow», дьяконов, дьячков, псаломщиков, церковных сторожей, пономарей. Значителен в «Описании» раздел «Народное образование в приходе», посвященный шести местным школам — в Рыболах, Павлах, Войшках, Канюках, Плёсках, Заячках. Раздел «Церковно-приходские организации» посвящен рассмотрению деятельности здешних «церковного Братства» и «приходского попечительства», истории образования православных церковных хоров.

«В настоящее время, — писал о. Николай, — трудно себе представить службу Воскреснаго или Праздничнаго дня, которую пел бы на клиросе один псаломщик. Я, конечно, не принимаю во внимание случаев исключительных, которые всегда могли быть, которые бывают и теперь, хотя теперь уже нет церкви, при которой не было бы хора.

Думаю, что и в те времена, когда еще не было правильно организованных церковных хоров, при псаломщике на клирос всегда собирался кружок любителей пения преимущественно из мужчин, ознакомившися предварительно с церковными мотивами и церковно словянским языком. Любители эти пели, конечно, без всякого управления, подтягивая псаломщику разными голосами. Да и псаломщики в старину лишь немногие могли управлять хором.

Кадры этих любителей церковнаго пения пополнялись из толпы молящихся. Я представляю это так:

Любитель пения долго подтягивал псаломщику, стоя в толпе молящихся, по возможности ближе к клиросу. В начале он подпевал немного, а затем все смелее и смелее. Когда ему казалось, что он уже кое-что знает, он появлялся на клиросе просто явочным порядком и для соблюдения формальности просил у псаломщика позволения, а более наивные в дипломатическом отношении не соблюдали даже и этой формальности.

Бывали, конечно, и такие случаи, когда псаломщик, если он радел о благолепии церковных служб, сам обращал внимание на искуснаго и голосистаго певца в толпе и приглашал его на клирос. Этот кружок любителей церковнаго пения, спевок, конечно, не устраивал, а пел всегда одно и то же.

Из дней ранняго детства мне припоминаются хриплые тенора и неуклюжие басы пожилых и средняго возраста мужчин, старательно выводивших церковныя мелодии на клиросе в приходе моего отца.

Помню и начало организации в том же приходе уже правильнаго четырехголоснаго смешаннаго хора, помню его первыя выступления в церкви, восторженныя суждения об этой новинке моих родителей за обеденным столом после богослужений, на которых выступал молодой хор, и их добродушный смех при воспоминании о моментах, не лишенных комизма, которые всегда сопутствуют всяким новым начинаниям.

В организации молодого церковнаго хора принимала участие и моя мать, помогавшая в этом деле старику диакону и обучавшая собиравшихся к нам девушек нотной гамме и пению наиболее простых церковных песнопений. Помню, что первой песней из богогласника, выученной этим хором была песнь Св. Николаю: «Дивна дела Твоя, Святитель Великий». А также и рождественския песни из богогласника же. Это было в начале девятисотых годов. Думая, что и в Рыболах до организации правильнаго хора был неформированный кружок самоучек — любителей церковнаго пения.

Первоначальную организованность этому хору придал, как говорят старожилы, учитель Савошинский около 1891 г. Дело его продолжал сын псаломщика Иван Долбенский. Вел также некоторое время хор один из местных любителей церковнаго пения Сергей Боровский. Хор этот выступал только по большим праздникам, а прихожане заранее знали об этих днях и ожидали их с нетерпением.

Правильный же стройный четырехголосный церковный хор в Рыболах был организован по свидетельству старых певчих учителем Рыболовской школы Василюком, бывшим здесь в 1900 по 1905 г.

Организация церковных хоров в то время облегчалась тем, что в школах основательно проходился церковно-славянский язык и участники церковных хоров свободно читали славянский текст».

Историю письменной культуры здешнего края иллюстрируют документы церковного архива Рыболовского прихода, обзору которых посвящен специальный раздел. В нем рассмотрены «Wizyty Generalne i Dziekańskie», «клировые ведомости», «приходские посемейные списки», «исповедные ведомости», «брачные обыски», «предбрачные свидетельства», «метрические книги», «Protokoły i

Akta znań» о рождении, браках и смерти, «Дела Рыболовской Церкви», «разные документы», «копии исходящих бумаг», «церковная летопись».

Книжную культуру местного населения, его интерес к литературе, чтению, круг его чтения, знакомство с богослужебными, литургическими текстами, духовно-нравственными сочинениями и иными церковными произведениями как ничто иное отображают церковные библиотеки, храмовые и приходские. Эти библиотеки, наряду с архивами, на протяжении всей истории того или иного прихода являлись главнейшими хранительницами многовековой христианской письменной культуры, тысячелетней кирилло-мефодиевской книжной традиции, центрами, в которых сберегались историческая память и родное слово. Согласно «Wizyty Generalnej z dnia 13 grudnia 1751 r.» в Рыболовской церкви были следующие книги: «Ewangelia in folio pisana w aksamit oprawna zielony, narożników srebrnych cztery z Ewangielistami, na srodku blacha srebrna z ukrzyżowanym P. Jezusem, klauzury dwie srebrne y pukle cztery srebrne, z drugiej strony puklow cztery srebrnych okrągłych po rogach, a na środku tabliczka srebrna z Nayśw. Panną. Mszał Wilenski in folio. Ewangelia jedna pisana, druga drukowana in folio ta nie cala. Apostoł Lwowski. Mszalik podręczny. Praznieja /праздничная минея/ pisana. Ochtoy /октоих/ pisany. Psalterz drukowany in qwarto /в четвертую долю листа/ Morał pisany. Ewangeliyki Polskie. Morał Lacinski y brewiarz. Trebnik Supraślski, drugie ksążki są, ale stare». Таким образом, визитатор не счел нужным более подробно описать «другие книги», которые были слишком старыми, древними, ветхими и, вероятно, самыми интересными. Имеющиеся в нашем распоряжении архивные материалы, относящиеся к более давнему времени, свидетельствуют, что в XVII и XVIII вв. в некоторых церквах Подляшья имелись даже пергаменные рукописи («na pergaminie», «pergaminowy»).

В 1784 г. «Inwentarz» передачи Рыболовского прихода новому настоятелю, приведенный в «Описании» о. Николая Круковского, фиксирует такой состав церковных книг: «Ewangelia Prestołna in folio pisana w axamit zielony oprawna, na ktorey narożnikow z osobami Ewangelistow cztery, na środku blacha srebrna z wyrażeniem ukrzyżowanego P. Jezusa, na drugiej stronie puklow cztery y blaszka srebrna. Mszał in folio druku Wileńskiego, dwa Mszaliki małych. Mszał trzeci łacinski y Brewiarz. Antymis J. W. Wolodkowicza Metropolity

Całey Rusi, Drugi portatel Ritus Lacini. Apostoł druku Lwowskiego, Prazdnija y Oktoich pisane. Psalterz drukowany. Trebnik Supraślski, wykład Ewangelii, drukowany po Rusku».

В начале XIX в., в 1822 г., то есть за 17 лет до перехода местного населения из униатства в православие, Рыболовской церкви принадлежали такие книги: «Ewangelia ołtarzowa in folio pisana, stara niezdatna w axamit zielony oprawna z puklami srebrnemi i Tabliczką. Mszał in folio edycii Wilenskiey w skórkę oprawny I. Supraslskiy takiż I. Mnieyszych dwa. Prazdniejów dwie, z ktorych iedna pisana. Tryod ćwietna i Postna edycii Lwowskiey (а в Inwentarzu от 5/V.–1811 г. «Druku Kijowskiego») w skórkę oprawne 2. Psałterz I. Trebnik I. Osmohłasnik pisany I. drukowany in 4-to (quarto) ieden Ewangelia Polska i Nauki X-a Noralskiego na Niedz. i S-ta in 8-wo drukowane w skórkę oprawne».

А вот уже картина, наблюдаемая почти через 120 лет, в 1939 г. о. Николай Круковский приводит под этим годом следующую опись храмовой библиотеки:

«Богослужебныя книги

1. Служебник большой издания Киево-Печерской Лавры 1822 г.

2. Служебник малый. Издания 1911 г. в Петербурге.

3. Служебник-Литургия Иоанна Златоустаго. Издания Варшавской Синодальной Типографии 1926 г.

4. Служебник-Литургия Василия Великаго — тоже.

5. Служебник-Литургия Преждеосвященных Даров. Тоже

6. Служебник-Последование Вечерни и Утрени. Тоже.

7. Апостол. Довоен.

8. Следованная Псалтирь. Довоен.

9. Минея месячная за июль и август. Довоен.

10. Минея праздничная. Приобретена в тридцатых годах.

11. „Великий Сборник“ Часть I. Изд-во Владимировой (Словакия) в 1942 г. Приобретена в 1942 г.

12. „Великий Сборник“ Часть II. Изд-во Владимировой (Словакия) в 1932 г.

13. Октоих Глас 1–4 Довоен.

14. Октоих Глас 5–8 Довоен.

15. Типикон Довоен.

16. Постная Триодь. Первая Седмица Великаго Поста. Издание Варшавской Синод. Типографии 1927 г.

17. Последование Страстной Седмицы. Издание Варшавской Синодальной Типографии 1929 г.

18. Постная Триодь. Издание Киевское (старинное). Взята для временнаго пользования из Заблудовской церкви.

19. Цветная Триодь. Взята для временнаго пользования из Заблудовской церкви.

20. Последования Пасхальной Седмицы в 2-х экземплярах (один издание довоеннаго, другой — Варшавской Синод. Типографии. Один экз. — на клиросе, другой — у настоятеля в алтаре).

21. Молебник. Изд. Московское 1831 г.

22. Молебник. Изд. Варшавской Синод. Типографии 1930.

23. Учебный Октоих. Довоен.

23. Часослов. Довоен.

24. Часослов. Изд. Варш. Синод. Типогр. 1925 г. Приобретен 19.VII–1949 г. за 600 зл.

26. Служба Почаевской Бож. Матери с акафистом. Довоен.

27. Служба и акафист Бож. Матери Иверской Довоен.

28. Служба с акафист. Свв. безср. Косме и Дамиану. Довоен.

29. Служба с акафистом Св. Князю Владимиру.

30. Иерейский Молитвослов. Довоен.

31. 2 требника Изд. Варш. Синод. Типографии 1925 г. / Один экз. уже старый, а другой новый приобретен 19–VII–1949 г. за 1500 зл.

32. Дополнительный Требник. Изд. Киево-Печерской Лавры 1884.

33. Дополнительный Требник. Изд. Варш. Синод. Типографии 1929г.

34. Последование Великой Панихиды. Довоен.

35. Чин проскомидии.

36. Литургия Иоанна Златоустаго. Изд. Вышний Свидник (Словакия) 1924 г.

37. Литургия Преждеосвященных Даров. Тоже 1926 г.

38. Последование Вечерни, Полун., Утрени и Всенощнаго бдения. Изд. Вышний Свидник 1924.

39. Лепта. Сборник Духовных песнопений.

40. Богогласник. Изд. Варш. Синод. Типографии.

41. Богогласник с нотами. Изд. Варш. Синод. Типографии 1935. Приобретен 5 мая 1950 г.

42. Ирмологий нотнаго пения.

43. Обиход нотнаго пения (Квадр. ноты)

44. Обиход нотнаго церк. пения 4 книги (Издание Свящ. Синода в Польше).

45. Бахметев I глас 4 книги.

46. Церковно-певческий сборник Страстной седмицы — Партитура.

47. Церковно-певческий сборник том 3 часть вторая (2-го тома в 2-х экземпл.)

48. Церковно-певческий сборник том 4 (Триодь Цветная 2-ой голос).

49. Сборник церковных песнопений. Москва 1911 г.»

Приходская библиотека появилась в Рыболах во второй половине XIX в. Вот как сам летописец, о. Николай Круковский, описывает это: «Не сохранилось никаких следов о том, была ли какая либо Церковная библиотека при Рыболовской церкви до 1863 г.

Правда, в Wizytach za разные годы среди церковных богослужебных книг упоминаются:

1. „Morał pisany“ и „Morał Laciński“ повидимому сборник проповедей (Wizyta gener. za 1751 г.)

2. „Nauki druku Wileńskiego po Polsku“ / „Wizyta Generalna 1801 г, 1804, 1811.“

3. „Nauka na dni niedzielne i swiąteczne X. Narolskiego“ /Wizyta Gener. от 1818 г./

4. „Wykład Ewangelii drukowany po Ruski“ /Wizyta Gener. 1784 г./

Конечно, эти несколько сборников проповедей не могли составить библиотеки, может быть потому оне и упоминались в одном списке с богослужебными книгами.

В 1863 году при Литовской Православной Архиепископской Кафедре начинает издаваться епархиальный орган „Литовския Епархиальныя Ведомости“.

Сборник еженедельных журналов этого издания за 1863 г. и положил повидимому, основание существующей ныне Рыболовской Церковной библиотеке.

С этого года церковная Библиотека обогащается ежегодно новым томом еженедельнаго журнала „Литовских Епархиальных Ведомостей“, а с 1902 г. таким же журналом „Гродненских Епархиальных Ведомостей“. И так до 1914 г.

С 1888 г. Церковная библиотека ежегодно начинает пополняться еженедельным журналом „Церковныя Ведомости“ — Официальный Орган Русского Священнейшаго Синода.

Одновременно о.о. Настоятели пополняют церковную библиотеку и другими книгами и журналами религиозно нравственнаго содержания. В клировой ведомости за 1895 г. говорится, что в церковной библиотеке имеется книг религиозно-нравственнаго содержания 71 название — 142 тома.

В 1898 г. — 88 названий — 173 тома

В 1899 г. — 95 назв. 205 томов

В 1901 г. — 103 назв. — 205 томов

В 1902 г. — 107 назв. — 215 томов.

Несомненно, количество книг и журналов религиозно нравственнаго содержания продолжает возростать до самой войны 1914–18 г.г., но об этом в дальнейшем в клировых ведомостях упоминаний уже нет.

Война 1914–18 г. разгромила Церковную библиотеку. Когда и как это случилось неизвестно, но в Клировой Ведомости за 1921 г. в параграфе 21 читаем: „В церковной библиотеке имеется лишь несколько разрозненных и изорванных книг".

Но и из этого жалкого остатка довоенной церковной библиотеки часть книг зачитана прихожанами уже после войны при моих предшественниках и при мне....

Спустя 6 лет после войны 1914–18 г., когда жизнь молодой польской Православной Церкви наладилась, и при митрополичьей кафедре в Варшаве начал издаваться в 1924 г. еженедельный журнал „Воскресное Чтение" и другие книги религиозно-нравственнаго содержания, Церковная библиотека постепенно вновь начинает пополняться.

Из изданий Польской Православной Церкви в библиотеке имеются: Журнал „Воскресное Чтение" за годы 1924 до 1939;

Журнал: „Вестник Братства Православных Богословов в Польше" за 1934 г. — 1 книга, за 1936 г. — 3 книги, за 1937 г. — 3 книги, 1938 г. — 2 книги; Журнал Ελπις — книги II–X.

„Православное учение о спасении" изд. 1926 г.

„О современном положении Христианства" Проф. Арсеньев — 1927 г.

„Что такое Живая Церковь" — Проф. Троицкий — 1927 г.

„Перелом в древле Русском богословии" Иеремонах Тарасий — 1928 г.

„О достоинстве Христианства и недостоинстве Христиан" Проф. Н. Бердяев — 1928 г.

„Материализм, как мировоззрение“ Проф. Франк — 1928 г.

„Материализм и материя“ В. Н. Ильин — 1928 г.

„Христианство и социальный вопрос“ Проф. Б. П. Вышеславцев — 1929 г.

„Жил ли Христос“ Проф. Г. В. Флоровский 1929 г.

„Атеизм и гибель культуры“ В. Н. Ильин — 1929 г.

„О чуде“ Проф. В. В. Зеньковский — 1929.

„Марксизм и религия“ Проф. Н. А. Бердяев — 1929 г.

„Православная церковь и западное Христианство“ Проф. Арсеньев — 1929.

„Archeologia Chrześcjańska w Związku z Historią Sztuki Kościelnej“ Prof. N. W. Pokrowski — 1930 г.

„Житие и Страдания Св. Преподобномученика Афанасия, Игумена Брестскаго“ — Прот. Константина Зноско — 1931 г.;

„Что такое уния“ Senex — 1931 г.

„Римская неправда о главе вселенской Церкви“ прот. К. Зноско — 1932 г.:

„Житие и страдания Св. Виленских Мучеников Антония, Иоанна и Евстафия — Прот. Константин Зноско“ — 1932 г.,

„Святитель Феофан, затворник Вышинский“ Архимандрит Феофан — 1934 г.

„К вопросу о принадлежности Супрасльского монастыря“ Архиепископ Алексий — 1934 г.

„Что ожидает нас за гробом“ Прот. Сайкович — 1935 г.

„Божественное откровение, как источник истиннаго Богопознания“. Митрополит Дионисий — 1937 г.

„Богословствование в Бозе почившаго Блаженнейшаго Митрополита Антония Храповицкаго“ прот. Д. Сайкович — 1937 г.

„Аграфа о незаписанных в евангелие изречениях Иисуса Христа“ Проф. Бар. М. А. Таубе — 1937.

„Беседы о Православной вере“ 1938 г.»

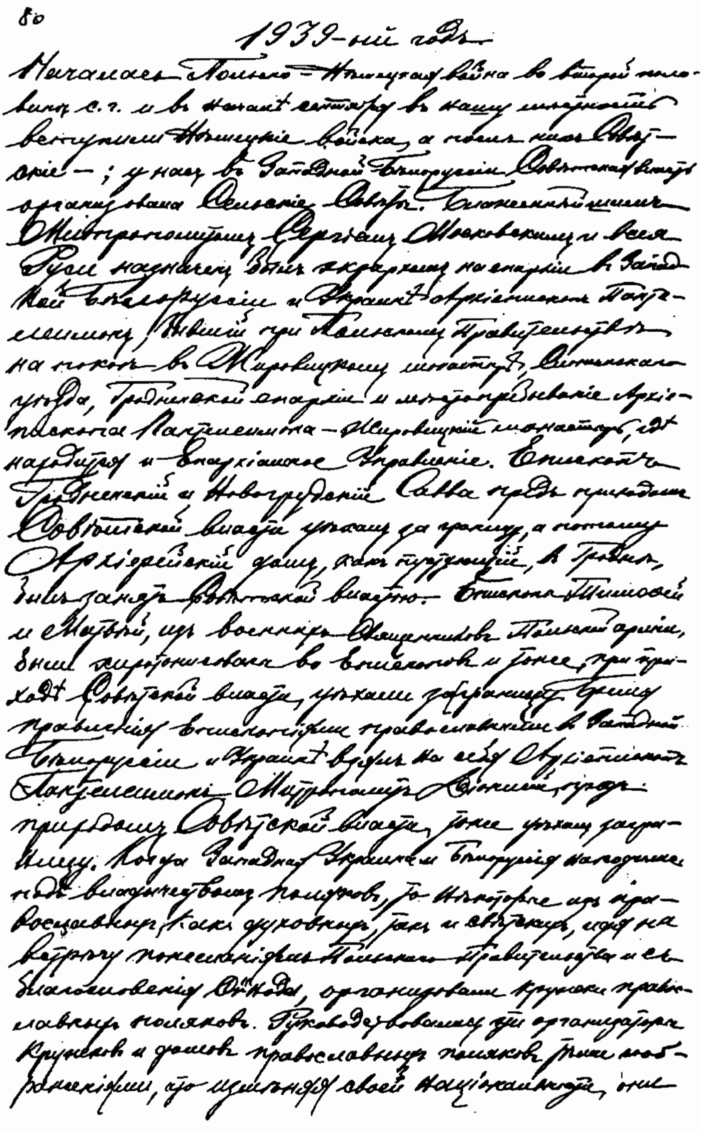
Как видим, описи рыболовских церковных библиотек достаточно наглядно рисуют нам картину развития книжной культуры здешнего края на протяжении двух столетий, начиная с середины XVIII в. Описи эти и записки о. Николая Круковского о «церковной библиотеке» представляют большой интерес и для истории православной литературы в межвоенной Польше, отображают рецепцию этой литературы в крестьянской среде, знакомство с ней церковного причта.

Сами же церковные летописи входили в круг литературы, авторами которой были исключительно настоятели приходов, писавшие для чтения немногими, в основном должностными церковными лицами и самими священниками. Это был священнический круг литературы, создававшейся и распространявшейся почти исключительно в священнической среде. Церковная летопись, церковное летописание становились своего рода заветом, иногда литературной эстафетой отдельных духовных лиц и поколений. Вместе с тем, это была в сущности последняя попытка возрождения летописного жанра, который в большей или меньшей степени порой приобретал черты то исторических записок, то мемуаров, а уже в наши дни целиком или почти целиком трансформировался в рамках традиции ведения хорошо всем известных «памятных книг».

---

1. *Р.П.Дмитриева*. Библиография русского летописания. М.; Л., 1962.
2. В.С. *Иконников*. Опыт русской историографии. Киев, 1908, т. 2, кн. 2, с. 1423–1488.
3. Литовские епархиальные ведомости, 1879, № 52, с. 423–425.
4. Там же, 1886, № 37, с. 336–345.
5. Там же, 1880, № 2, с. 9.
6. *O. Aleksy Wołkowski*. Historyczny oraz statystyczny opis cerkwi i parafii w Czarnej Cerkiewnej / Wstęp i przypisy Doroteusz Fionik, Sławomir Iwaniuk. Czarna Cerkiewna–Bielsk Podlaski, 1994, c. 6.
7. Białoruskie Zeszyty Historyczne. 1994, № 2, c. 164–168.
8. *Ю.А.Лабынцев*. К вопросу об изучении памятников кирилловской традиции в Польше // Славяноведение, 1995, № 2, с. 80–83.
9. *Протоиерей Ксенофонт Мильков*. Нечто новое о ведении церковных летописей // Воскресное чтение, 1938, № 18–19.

Илл. 7. Страница приходской церковной летописи с началом описания событий 1939 г.

80

1939-ный годъ

Началась Польско-Немецкая война во второй половинѣ с.г. и въ началѣ сентября въ нашу мѣстность вступили Немецкие войска, а потом наши Советские —

Илл. 8. Страница «Беларуска-славянскаго лемантара» (Варшава, 1933)

— 17 —

ЛІТАРЫ СЛАВЯНСКІЯ І БЕЛАРУСКІЯ.

Аа	Бб	Вв	Гг	Дд	Єє	Жж	Ѕѕ	Зз	Ии	Йй	Іі
а	б	в	г	д	е э	ж	з	з	і	й	і

Кк	Лл	Мм	Нн	Ѡѡ	Ѻѻ	Оо	Пп	Рр	Сс	Тт
к	л	м	н	о	о	о	п	р	с	т

Ѹѹ ꙋ	Фф	Хх	Ѿѿ	Цц	Чч	Шш	Щщ	Ъъ
у	ф	х	от	ц	ч	ш	шч	—

Ыы	Ьь	Ѣѣ	Юю	Ꙗꙗ	Ѧѧ	Ѯѯ	Ѱѱ	Ѳѳ	Ѵѵ
ы	ь	е	ю	я	я	кс	пс	ф	і (ы)

СЛОВЫ ПАД СКАРОТАМІ (ТІТЛАМІ).

А҃гг҃лъ	Ангєлъ	Д҃шє	Душє
Б҃гъ	Бо́гъ	Д҃ва	Дѣва
Б҃жє	Бо́жє	І҃съ	Іисусъ
Б҃ца	Богоро́дица	Н҃бо	Нє́бо
Бл҃гви	Благослови	Н҃бный	Нєбє́сный
Вл҃ка	Влады́ка	О҃цъ	Отє́цъ
Вл҃ца	Влады́чица	О҃чє	Отчє
Г҃дь	Госпо́дь	С҃тый	Святы́й
Д҃хъ	Духъ	Хр҃то́съ	Христо́съ

Писания старообрядцев

Среди русского старожильческого населения II Речи Посполитой старообрядцы были самой многочисленной группой, насчитывавшей около «80 тысяч человек» [1]. Число старообрядческих общин превышало пятьдесят. Все они располагались в северо-восточной Польше, преимущественно в районе Браслава, Друи, Глубокого, Постав, Вильны, Сувалк, Августова.

Заселение русскими старообрядцами этих земель относится еще к XVII столетию, когда на берегах Западной Двины вниз по ее течению от городка Друя стали возникать их поселки с первыми моленными, а немного позднее и старообрядческие монастыри. Наиболее полные и точные сведения о первых старообрядческих поселенцах донесла до нас рукописная «Дегуцкая хроника», создававшаяся в монастыре, основанном в середине XVIII в. в поселке Дегуцы к северу от Вильны [2]. Впрочем, история старообрядцев в Речи Посполитой — особая тема, ибо, как писали они сами в 1937 г., «...в истории старообрядчества со времен страшного раскола 1666 года именно Польша явилась первым государством, которое признало нашу Св. Церковь как таковую и обеспечило условия к беспрепятственному и свободному Ее существованию и развитию» [3].

Во II Речи Посполитой русским старообрядцам удалось достаточно быстро добиться признания государством их вероисповедных и имущественных прав и даже получать значительные правительственные субсидии, что ставило их организацию — Восточную старообрядческую церковь в Польше, не имеющую духовной иерархии — в более выгодное положение, чем Православную Церковь в Польше. В 1928 г. правовое положение старообрядческой церкви в Польше было полностью урегулировано [4; 5; 6]. Старообрядцы даже имели своих представителей в польском Сейме и Сенате.

В 1929 г. «польские старообрядцы», как они сами себя называли, стали издавать свой журнал — «Вестник Высшего старообряд-

ческого совета в Польше». В редакционной статье первого номера журнала констатировалось: «Как и в дни былых лихолетий, тяжких испытаний и гонений на веру Христову, наша святая Церковь находила полную защиту и теплый приют в границах Польского Королевства, так и теперь, в дни нового расцвета Польши, она пользуется таким же покровительством ее и защитой со стороны нынешнего Правительства Польской Республики».

Подобные утверждения старообрядцев имели весьма веские основания, так как в Российской империи вплоть до 1905 г. они были всемерно гонимы, а в СССР 1920–1930-х гг. старообрядческие организации всех согласий подверглись уничтожению. Поэтому нельзя не признать справедливость слов заведующего отделом вероисповеданий Виленского воеводства В. Пиотровича о том, что русское старообрядчество «находит в Речи Посполитой как бы другую родину, другое государство, которое стало для него новой родиной и никогда не было для старообрядцев неблагожелательным, не было мачехой вместо матери, так, как это случилось в России» [7].

Следует, однако, заметить, что подобная благожелательность властей Речи Посполитой в значительной степени объяснялась оппозиционностью старообрядцев в отношении государственных органов старой России и государственной Православной Церкви. В условиях новой, возрожденной, межвоенной Польши особое значение по мысли ее государственных органов приобретали автокефальность организации старообрядцев, их полная духовно-каноническая и юридическая независимость извне. Именно идея автокефальности как Православной Церкви в Польше, так и старообрядческого сообщества становится ведущей в видах правительства II Речи Посполитой.

Несмотря на то, что старообрядцы Польши всячески противились отождествлению их с новой русской эмиграцией, отмежевывались от нее («надо прежде всего отличать сравнительно небольшую численно рус. эмиграцию от значительного по своей численности рус. меньшинства» [1]), им суждено было не только сотрудничать с ней, особенно в деле образования, но и возглавить Союз Русских Меньшинственных Организаций в Польше, председателем которого был избран посол Сейма Б. А. Пимонов — представитель богатейшего старообрядческого рода, после смерти своего отца А. М. Пимонова ставший во главе Высшего старообрядческого сове-

та в Польше. В целом, старообрядческая элита оказала заметное влияние на устройство русской национальной жизни в Польше, а также на отстаивание прав всего русского меньшинства.

Случилось так, что в границах II Речи Посполитой из старообрядческих согласий оказались представлены почти исключительно беспоповщинские. Немногочисленные поповцы не были объединены организационно и даже не имели своих священников. Все это определило особый характер старообрядческого сообщества, весьма отличный от того, что имело место до начала XX в. [8].

Значительно изменившиеся условия жизни, сильнейшее инокультурное влияние, особенно в городах, невозможность противостоять многим достижениям цивилизации, ранее безоговорочно осуждаемым в старообрядческой среде, например, кинематографу[1], заставили лидеров старообрядчества с новой силой обратиться к слову, собственной литературе, писательству, письменной и устной проповеди, церковной и школьной[2]. Не была забыта и общерусская литература, в том числе и чисто художественная, по преимуществу классическая.

Одними из излюбленных тем различных поучений и рассуждений в этот период становятся темы родного разговорного и церковнославянского языков условиях, отношения языка обиходного и церковного. В новых заметно меняются многие прежние ориентиры. «В прежней религиозной старообрядческой семье иначе смотрели на родной русский язык, а тем более на русскую литературу. В старину мало кто сочувствовал „писакам“ — литераторам и мало ценился их труд, светской литературе предпочитали литературу духовную» [12].

Постепенно к концу 1920-х гг. в Польше определилось несколько старообрядческих писательских групп, в творчестве кото-

---

[1] Необходимо отметить, что представители рода Пимоновых, самого могущественного старообрядческого рода Вильны и Виленского края, уже в 1920-е гг. занимались увеселительным бизнесом, а «в лице Л. В. Пимонова» «дирекция кино „Hollywood“ предоставляла свои помещения даже различным старообрядческим собраниям, в том числе Дамскому Благотворительному Комитету — под председательством С. Пимоновой» [11, с. 25].

[2] Старообрядцы получили от властей широкую возможность ведения духовно-воспитательной работы в государственной школе, а также возможность создания в аналогичных целях различных молодежных объединений.

рых в большей или меньшей и даже преимущественной степени проявились чисто светские элементы в манере письма, языке, жанре, и почти как исключение, тематике. Появляется и немало женщин-писательниц, в основном из элитарных слоев. Примером в этом особенно служит род Пимоновых. Представители молодого поколения тяготели по преимуществу к стихотворным жанрам. Их стихи полны всевозможных новаций, ранее совершенно невозможных в старообрядческом литературном обиходе. Молодежь выпускала собственные литературные журналы, размножала их от руки или на шапирографе[3], многое переписывалось в специальные тетради — своего рода рукописные сборники нового времени, аналоги которых известны с древнерусских времен. Излюбленными темами стихотворного творчества молодежи были темы традиционные в старообрядчестве, причем, видимо, ряд стихов предназначался прежде всего для индивидуального чтения, некоторые преимущественно для публичного, для декламации, например, посвященные Виленской Старообрядческой Общине. К числу последних относится и стихотворение М. Гущенко «Наши деды», где есть такие слова:

Вспомянем!
В срубах мученных огнем
Наших дедов, что без роптаний,
Не убоявшися скитаний,
Шли за рубеж с молитвой на устах
И Старой Верою в сердцах.

Отдельную группу старообрядческих литераторов составляли представители ее высших кругов, высших не всегда в духовном смысле, получивших хорошее светское образование, таких, например, как Б. А. Пимонов или П. И. Киселев, который, по словам первого, «нес своими многочисленными прекрасными статьями ... в глухие и далеко разбросанные старообрядческие деревни и селения родное слово и луч религиозно-христианского просвещения и тем заслужил всеобщую благодарную память в

[3] В этой связи весьма показательна деятельность Религиозно-просветительского Кружка старообрядческой молодежи в Вильне, руководимого И. А. Пимоновой. Виленский кружок издавал журнал «Самопросветитель». Подобные кружки действовали и в провинции.

сердцах всего старообрядчества» [13]. П. И. Киселев, редактировавший «Вестник Высшего старообрядческого совета в Польше» со дня его основания, многое сделал посредством своей литературной работы и для старообрядцев вне Польши, в том числе даже «в далеких уголках Северной Америки, Канады и в угольных копях Южной Франции», в различных частях «земного шара, населенных ревнителями истинной веры Христовой» [11, с. 3]. К тому же кругу старообрядческих писателей принадлежал и сам А. М. Пимонов, организатор старообрядческой жизни в Вильне и Виленском крае, а затем и во всей Польше, деятельная фигура мирового старообрядчества, ставшая в условиях русского рассеяния одной из самых заметных среди русских национальных лидеров зарубежья. Наряду с ним следует упомянуть и весьма близкого к А. М. Пимонову многолетнего окружного школьного визитатора О. М. Андреева, автора старообрядческого гимна и множества религиозно-назидательных, публицистических и иных произведений.

Следует специально отметить, что во II Речи Посполитой значительную часть старообрядческой литературы составляла литература рукописная, причем подавляющее большинство оригинальных произведений местных авторов существовало лишь в рукописном виде, некоторые, например, книга П. И. Киселева о Виленской старообрядческой общине, напротив, только в печатном [14] и целиком не переписывались. Вообще же оригинальная печатная литература была представлена в основном журнальными публикациями, напечатанным в старообрядческих календарях, трудами старообрядческих съездов, а также немногочисленными брошюрами и, как исключение, книгами; хотя общее число изданных книг являлось достаточно заметным[4], но они представляли собой, как правило, перепечатки произведений традиционного состава и учебные издания, иногда литографированные, как, например, «Учебный Часослов» (Вильно, 1927).

---

[4] Старообрядцы с гордостью подчеркивали, что ими «изданы тысячи религиозно-просветительских книг и учебных пособий» [15], имея в виду не число самих изданий, а общее количество экземпляров. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют говорить о тиражах тех или иных изданий в среднем в пределах одной тысячи экземпляров.

Самой значительной писательской группой были, конечно же, духовные наставники. Это был высший старообрядческий писательский круг, старообрядческая писательская элита, безусловное преимущество которой во всех вопросах почти никем не оспаривалось. Они были творцами разнообразной духовной литературы, по преимуществу назидательной и толковательной. Словесное творчество духовных наставников, а среди них были, конечно же, самые разные по степени талантливости авторы, и по сей день представляет немалый интерес. Влияние и распространение произведений некоторых из них в основном не выходило из границ той или иной общины, как это имело место, например, в случае известного, всеми уважаемого духовного наставника К. М. Алексеева, бессменного настоятеля Троицкого храма в г. Друя. Другие получали весьма широкую известность своим писательством, а точнее проповедничеством с помощью написанного, рукописного слова к единоверцам, расходившегося в большом числе списков как в самой II Речи Посполитой, так и за ее пределами, преимущественно в Латвии, Литве и Эстонии.

Духовные наставники в межвоенной Польше руководствовались и неким собственным писательским кодексом, суть которого может быть кратко выражена в толковании духовного наставника Ф. Кузнецова: «Имеющи убо всяко тщание и подвизание к сохранению и утверждению древлеблагочестиваго святоотеческаго предания, лобызая и с любовию объемля правила св. Апостол, седьми Вселенских и девяти Поместных Соборов и св. Отец, яже написашася силою и благодатию Святаго Духа — чрез богомудрые церковные учители, и присно желая оным всегда быти непревратными, непоколебимыми и во веки нерушимыми» [16]. Для каждого члена общины духовный наставник становился главным помощником в поиске «церковной истины..., в вопросах веры,... в канонических и церковных запросах», как рассуждали сами наставники в своих многочисленных рукописных посланиях.

Отдельные духовные наставники межвоенной Польши, а общее их число доходило тогда до 50 человек, благодаря своим писательским трудам и по сей день весьма известны среди старообрядцев. Среди самых замечательных старообрядческих книжников должен быть назван и духовный наставник Покровского храма в Вильне, старец С. Ф. Егупенок.

О. Симеон родился в г. Видзы в 1850 г., в 1896 г. он становится духовным наставником во Пскове, с 1906 г. служит вторым духовным наставником в Вильне, годы беженства (1915–1918) проводит в г. Бобруйске, где когда-то (в 1870-е — 1890-е гг.) был головщиком, в 1918 г. возвращается в свой приход в Вильне и служит здесь до конца своих дней (15.03.1934). К величайшему сожалению, бóльшая часть литературного наследия этого выдающегося старообрядческого проповедника, литургиста, историографа и поэта, видимо, безвозвратно утрачена. Сохранившееся из его писаний дает представление о нем как об искусном мастере внутристарообрядческой полемики, наставнике в самых различных вопросах духовной жизни. Гомилетическое творчество, гомилетическое искусство о. Симеона надолго оставалось образцом в старообрядческой среде, а память о нем до сих пор жива в старообрядческом мире. Некоторое представление о поэтических писаниях о. Симеона может дать стихотворное послание одноверцам «К Рождеству Христову» (1920-е гг.), отображающее и многие литературные новации как самого писателя, так и большинства его старообрядческих собратьев по перу:

Вся земная природа под снежной пеленой покоится и мирно дремлет,
А дух мой, в предчувствии чего-то, радостно и бодро внемлет.
Вокруг вода уж льдом покрылась и в твердый камень природа обратилась,
И песнь веселая пернатой птички смолкла вдруг — и прекратилась.
В саду ж деревья, что старички седые, понурив головы задумчиво стоят,
И белоснежным инеем окутавшись, тоскливо на меня теперь глядят.
Но я унылое мышление на этот миг поспешно ныне оставляю,
И радость общую для мира и людей торжественно сейчас встречаю.
При виде на небе сияния звезды, в пучину новых дум я погружаюсь,
И милосердию сошедшаго с небес Царя царей премного умиляюсь.
Как Он, оставив храм на горней высоте, и светлаго чертога красоту,
Сошел на землю в мир искать ничтожную людскую нищету.
И сонма серафимов, грозный Царь, повит, пригрет, худыми пеленами,
В скотских яслях ныне возлежит, как человек меж нами.
И пастыри в вертепе том предивному событию сему дивятся:
Волхвы ж с дарами на поклон к Царю-Царям спешатся;
И Мельхиор со златом, и Гаспар с ливаном и Валтасар смиренно подходили

К яслям, где Христос, и Богоматерь колено-преклонив, дары свои
вручили.
Звезда же, путница, что в темном небе ныне ярко миру возсияла,
Спустилась вниз на землю вдруг и близ рожденнаго Младенца стала.
И свет ея огнистый, лучезарный, она повсюду широко и ярко изливала,
И тем волхвам к Младенцу путь кратчайший «аки перстом» им
указала.
Ведомые звездой волхвы, шагами тихими к сему вертепу подступали,
И затаив дыхание, с душевным трепетом, во внутрь его взирали.
А матерь Господа, Мария Дева, гостей далеких радостно, приветливо
встречает,
И за дары Младенцу, Сыну Своему, благодарит и на поклоны тихо
отвечает.
Богатые ж цари, пришедшие в вертеп, и грозные земные боги,
Дивятся, шепчутся в тиши, какие у Царя небес прежалкие чертоги.
Вертеп Господен сумрачен: воистину, убог и скромен, он холоден и мал,
В нем кабинета нет, как нет просторных комнат и светлых зал;
В нем вместо мебели и стульев бархатных и пышнаго стола
Стояла лишь природой сотворенная, отвесная и грозная скала.
И ясли грубые собой кроватку детскую Младенцу ныне представляют,
А сено твердое Ему перинку мягкую и ряд подушек заменяют.
Не сервирован винами и явствами Младенца скромный стол,
Лишь в глубине за яслями — в тени, стоял осел Иосифа, да вол.
И вместо царской багряницы простыя пелены Младенца тело
прикрывали,
Осел же наш, а с ним угрюмый вол ему прислугу заменяли.
И по ночам при холоде не раз своим дыханьем Младенца тело согревали,
И должность слуг Царю и Господу усердно этим выполняли.
Ни драгоценных вин, ни кухни со стряпней и поварами здесь не
видно,
Одна лишь нищета в вертепе том казалася пришельцам очевидно.
С улыбкой дивною Младенец радостно кругом на них взирает,
И всем трудящимся во Царствии своем небесную награду обещает.
Мария ж Дева — Мать гостей персидских тепло, заботливо там
принимает,
И вместо яств и сладких вин словами кроткими, что хлебом их питает.
Взамен тимпанов, музыки бряцанья и громких возгласов свирели,
Сонм ангелов с небес предивно, сладко Богу славу в вышних пели.
И песнь небесных ангелов, певцов безплотных, над Вифлеемом громко
оглашалась,
Что родился Спаситель наш и весть о сем в ряд быстрых молний
облекалась.

Волхвы и пастыри с Иосифом — отцом сказаньям вещаго пророка убедились,
Младенцу-Богу, падши до земли, смиренно, склонив колена, тихо поклонились.
И слезы радости, что брилианта блеск, по умиленному лицу из глаз у них катились,
А весть о Господе, пришедшем к нам, по всей земле уже распространилась.
Небесная картина та свята для мира христиан; она пророчески открыта,
И на иконе Рождества, изображением своим осталась также не забыта.
Изображен на ней вертеп: Младенец в яслях, Богоматерь, волхвы с дарами,
Иосиф-старец, с ним Соломония, осел и тощий вол и пастухи с трубами.
Звезда лучами яркими сияет, а ангелы волхвам о чуде том вещают,
И все в безмолвии стоят, и бережно Младенца колыбельку окружают.
Иосиф-старец в думу погружен, сидит в пещере, что-то размышляет,
И нам, сынам земли, о мудрости Творца небес и о пророчестве вещает.
Строками этими я стих свой продолжать писать теперь кончаю,
И чтущаго духовно с Христовым Рождеством сердечно поздравляю.
С высоким праздником ко любящим Христа, привет свой ныне посылаю,
И много лет им здравствовать сердечно всем я от души желаю.
Ученых грамотеев — за промахи в стихах прошу меня Вы извините,
А лишь усердие мое, любовь и труд, как знаете так и цените.
Найдутся в нем неточности, неровности в стихах и нелогичность слов,
А это потому, что их писал не грамотей, а самоучка старец и не богослов.
Не для похвал на этом поприще я здесь смиренно потрудился,
А чтобы каждому сказать о том, в чем сам я убедился.
Но разумом моим всех милостей и доброты Творца вселенныя не описать,
Я о едином лишь Тебя молю — мне душу грешную дай помощи спасать.
О, цвете райстии, сидяяй в небесех, о жителю превышняго Сиона!
В своих молитвах у Творца, ты не забудь, писателя сего и старца Симеона.

Прозаическое слово духовного наставника, обращенное к своей пастве, было в межвоенной Польше самым распространенным. При этом нужно говорить о многожанровости прозаических сочинений, иногда имеющих характер комбинированности, когда в одном произведении был представлен весьма причудливый сплав различных словесных форм и стилей. Были наставники, которым удавалось писать очень просто и ясно, пользу-

ясь по преимуществу лишь средствами русского литературного языка, порой с частой примесью просторечия или даже чисто местных слов и выражений. Их сочинения очень любили в сельских общинах. Некоторые наставники, в основном люди весьма преклонного возраста, употребляли довольно много церковнославянских слов и выражений, представляя в этом смысле «консервативное» направление, борьба с которым и эволюция которого в старообрядчестве очень заметны начиная с первых дней его истории. Почти все старообрядческие писатели, заслужившие признание за свой литературный труд, не были консерваторами в языке, являясь скорее новаторами, причем нередко и в общерусском смысле, как это случилось, например, с протопопом Аввакумом. Вместе с тем, в условиях межвоенной Польши некоторые традиционные литературные жанры сохраняли свою старинную форму, порой даже древнерусскую оболочку. К их числу принадлежат и отдельные жанры «слова», среди которых «слово-обращение» являлось, пожалуй, самым распространенным и любимым, когда личность наставника-писателя раскрывалась перед всей его паствой наиболее полно, а его учительство было зримым, всегда наполненным призывами к конкретному духовному деланию, духовной работе. Таково «слово-обращение» духовного наставника С. Е. Петрова, руководителя общины в городке Свирь на крайнем северо-западе нынешней Минщины, к слушателям вечерних старообрядческих курсов, которые он сам и организовал при своей общине в начале 1930-х гг.

«Милые мои духовные дети! — обращался к слушателям свирских курсов духовный наставник С. Е. Петров, — слезно прошу и молю Вас, будьте всегда внимательны к поучению Закона Божия, ибо оно есть Божиим повелением, исполнением Божественной заповеди. Мой долг, моя святая обязанность внушить вам подробно то, что всем нам верующим христианам необходимо знать. Каждому христианину подобает знать, во что он должен веровать, как молиться Богу и укреплять себя надеждой на помощь Божию и, наконец, как проводить свою земную жизнь, чтобы получить вечную и блаженную жизнь после смерти.

Дорогие дети, необходимо нам знать Закон Божий, ибо в нем излагается душевное наслаждение, сладшее паче меда, ценнейшее паче злата и сребра и прочих благ земных.

Истинные христиане всегда должны сохранять во всей нерушимости тот церковный строй, который держался в Христовой церкви до лет Никона и который способствовал ея духовному росту вместе с численным ростом последователей правой Христовой веры, и знать, как исторические обстоятельства сложились против истинных чад церкви и как они были преследуемы за свое исповедание.

Гонимые за веру Христову два с половиною века ревнители древняго благочестия не лишены были, однако, возможности проверять себя в правильности исполнения принятых от предков обычаев и церковнообщественных правил. Соединенные общим несчастьем по 2–3 семьи, христиане составляли домашние церкви в лесах, пустынях и на границах соседних держав. И в этих церквах свято и неукоснительно, несмотря на все препятствия, совершался полный круг богослужений, хоть и без иерархических чинов, лишившихся в то время по промыслу Божьему благодатных сил с принятием реформы Никона. Немного осталось последователей благочестия, господствовавшаго в России от св. Владимира до второй половины царствования Алексея Михайловича, но эти немногие отличались силою своей веры и красотою нравственной жизни, и, несмотря на все лишения и невзгоды, вызванныя преследованиями, сумели сохранить и передать нам в чистоте правую веру. Могучими духом и сильными верой были эти борцы за заветы св. Церкви. Епископ Павел Коломенский, протопоп Аввакум и другие стояли твердо и непоколебимо за веру Христа, несмотря ни на какие невзгоды, а мучения их явились залогом непоколебимости св. Веры их последователей.

Дорогие дети, и мы должны пойти по стопам наших предков и борцов за веру Христову, познавши ее и Закон Божий. Милостивый Господь с высоты своего престола зажег зарю светлаго солнца, которая осветила наш род христианский, затворенный более двухсот лет темницы. Мы должны возблагодарить Бога, что Он позволил нам ныне свободно воскресить в памяти древние времена и свободно познавать Законы Веры. Последуем же ныне призыву наших дорогих вождей, найдем же время, объединимся вокруг Слова Божия, и будемте познавать его премудрость и величие.

Много сил, много забот положено в помощь нам на осуществление сего великаго, святаго и близкаго сердцу каждаго из нас дела. Трудами и тщанием Высшаго старообрядческаго совета создаются по лицу земли при наших общинах курсы церковнаго пения и изучения Сло-

ва Божия, создаются религиозно-просветительские кружки молодежи с библиотеками и читальнями, а в школах свободно преподается Закон Божий. Вознесем же всемилостивому Господу Богу сердечные молитвы о здравии и спасении душ наших неутомимых труженников на ниве многополезнаго начинания религиознаго просвещения — семейства Пимоновых и их достойнейших сотрудников, положивших краеугольный камень в деле нашего церковнаго строения и безпрестанно несущих, как рабочая пчела, свой труд. Своим призывом — разжечь светильник древняго благочестия и им освещать пред собою наш жизненный путь они возбудили в наших сердцах такие чувства, какие дети Христовой Церкви давно не переживали и давно не испытывали. Это от пламени их светильника возожглись уже многие светильники по всей нашей земле во славу Вседержителя Бога. Пусть же и наш светильник затеплится нашим усердием, прилежанием и священным огнем ревности в службе Божией.

Поэтому молю и прошу Вас нелицемерно постарайтесь всеми силами воспользоваться такой прекрасной возможностью почерпнуть воду живу для исцеления наших душевных недугов. Не будемте же последними, не лучше ли нам обрести славу и честь, нежели позор и впасть в нечестие, в христианское небытие.

Аминь.

Дух. наст. С. Е. Петров».

Большое влияние на «польских старообрядцев» оказывал хорошо известный ныне русистам всего мира И. Н. Заволоко (1897/1898–1984), подвижническая деятельность, литературные и археографические труды которого снискали ему заслуженную славу. Будучи членом Совета Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, одной из самых влиятельных в старообрядческой среде всех согласий, И. Н. Заволоко после окончания в середине 1920-х гг. знаменитого Русского юридического факультета при Пражском университете[5] с удивительной энергией принимается за литературную

[5] Русский юридический факультет в Праге в действительности стал своего рода «русским Оксфордом» для всех находившихся в русском рассеянии. Факультет и его профессора многое сделали для сплочения молодых сил Русского Зарубежья, их образования, дальнейшей разработки, культивирования и толкования «русской идеи». Все это в той или иной мере оказало влияние и на взгляды студента факультета И. Н. Заволоко.

и издательскую деятельность, которая, по его мнению, могла в значительной мере помочь возродить старообрядчество, укрепить его основы, способствуя тем самым возрождению и поддержанию общерусского культурного начала. С 1928 по 1933 г. И. Н. Заволоко издает в г. Риге иллюстрированный «древле-православный исторический» журнал «Русская старина», сыгравший, без преувеличения, колоссальную роль в открытии русских духовных сокровищ и пробуждении интереса к ним не только среди старообрядцев. То же самое можно сказать и о «Кружке ревнителей русской старины», который организовал и которым руководил И. Н. Заволоко. Деятельность кружка, литературные труды его участников и самого И. Н. Заволоко были хорошо известны среди «польских старообрядцев»[6], которые высоко ценили роль И. Н. Заволоко как старообрядческого писателя, издателя и организатора. Иван Никифорович был частым гостем в межвоенной Польше, его хорошо знали, и он хорошо знал не только старообрядчество городских центров, но и периферии. Его поездки по глухим уголкам всегда сопровождались поисками памятников старины, и некоторые их них были по сути настоящими экспедициями, результатами которых он стремился как можно скорее поделиться с самой широкой читающей и слушающей аудиторией. Все эти обстоятельства способствовали тому, что на «межгосударственном совещании представителей руководящих старообрядческих организаций из Латвии, Литвы, Польши и Эстонии», состоявшемся в сентябре 1938 г. в Вильне, И. Н. Заволоко был избран в качестве главного действующего лица в межгосударственной редакционной комиссии, которой поручалось вести все литературно-издательское дело старообрядцев этих государств. В итоговых документах совещания по этому поводу в частности говорилось: «Совещание посвятило особое внимание вопросу планового издания необходимых богослужебных книг, учебников и пособий, а также периодических и непериодических изданий. Совещанием

[6] По имеющимся материалам можно утверждать, что наиболее популярны среди старообрядцев межвоенной Польши были отдельные номера журнала «Русская старина», например, № 13 (Рига, июль 1933), посвященный знаменному пению; «Духовные стихи старинные», записанные И. Н. Заволоко (Рига, 1933), «Духовные стихи старинные: Слова и напевы записаны И. Н. Заволоко в д. Войнове (Вост. Пруссия) 20 августа 1936 г.» (Рига, 1937), а также его книги «О старообрядцах г. Риги» (Рига, 1933), 2-е издание «Учебника по Закону Божью» (Рига, 1936), «История Церкви Христовой» (Рига, 1937).

принят был подробный план такого издательства, на ближайшее пятилетие, включающий между прочим кроме указанного уже потребника, издание апологии Старообрядчества (позитивной и полемической), а также издание 2-х журналов, одного монографического характера, посвященнаго вопросам религии, истории и искуства старообрядцев и второго популярнаго религиозно-нравственнаго ежемесячника. Постановлено, что на реализацию этих издательств органы Центральных управлений Восточной Старообрядческой Церкви Литвы, Латвии, Польши и Эстонии сделают специальные бюджетные ассигнования. Фактическая реализация принятой совещанием издательской программы поручена межгосударственной редакционной Комиссии во главе с Б. А. Пимоновым, И. А. Прозоровым[7] и И. Н. Заволоко» [17]. Иван Никифорович вел активную переписку со многими старообрядцами в межвоенной Польше, часто оказывал им различную помощь, включая и книжную. Без преувеличения можно сказать, что он существенно влиял и на духовных наставников старообрядчества Польши[8]. Влияние его чувст-

---

[7] И. А. Прозоров был председателем Литовского Центрального старообрядческого совета.

[8] В «Уставе Восточной Старообрядческой Церкви, не имеющей духовной иерархии, в Польской Республике», утвержденном в 1928 г., о духовных наставниках говорится следующее: «Ст. 57. Для совершения богослужений и исполнения иных религиозных нужд общины избирают духовных наставников (параграф 47). Из среды избранных лиц не могут быть утверждены Высшим Старообрядческим Советом на должности духовных наставников: а) лица, не отвечающие каноническим требованиям; в) лица, не имеющие польскаго подданства и не владеющие польским языком; с) лица, не достигшие 35-летняго возраста; d) лица, признанныя по суду виновными в преступлениях или в заслуживающих наказания проступках совершенных с корыстной целью или противных нравственности; е) лица, осужденныя за преступления, влекущия за собой лишение или ограничение прав; f) лица, против коих возбуждено судебное следствие по обвинению их в преступных действиях; g) лица, деятельность которых идет в разрез с безопасностью Государства; h) лица, лишенныя правоспособности до момента возстановления в правах.

Ст. 58. Для получения прав и привилегий, присвоенных духовным наставникам, лица, избранныя на эти должности, должны получить утверждение Высшаго Старообрядческаго Совета. Перед утверждением избраннаго духовного лица Высший Старообрядческий Совет осведомляется у соответствующаго воеводы: не ставят ли государственныя власти каких либо препятствий по отношению к кандидату. Неполучение ответа от воеводы в течение 30 дней уполномачивает Высший Старообрядческий Совет к утверждению выборов духовнаго наставника.

вуется на этих территориях и по сей день (И. Н. Заволоко умер в г. Риге в 1984 г. В советское время ему пришлось провести около 20 лет жизни в лагерях и ссылке).

Ст. 59. По соглашению с Министерством вероисповеданий и просвещения духовныя лица имеют право носить установленныя духовныя одежды, устраивать религиозные крестные ходы, церковныя торжества и т. д.

Ст. 60. Отношение старообрядческих духовных наставников к правительственным властям, распоряжениям и законам определяется словами Христа: «Воздайте Богови — Божие, а кесарю — кесарево» (Мат. XXII-21), и правилами Св. Апостолов, научающих послушанию и верности властям; в своей же деятельности пастырской они должны руководствоваться правилами, изложенными в деяниях Св. Апостола Петра, наказующаго «поучать вверенных их попечению верующих послушанию властям для Бога» (деяние Св. Апостола Петра) и «воспитывать их добрыми гражданами государства» (посл. Ап. Петра к Римлянам).

Ст. 61. Отстранение духовнаго наставника от исполнения им духовных треб и лишение права ведения книг гражданскаго состояния, а также лишение его всех прав и привилегий, вытекающих из параграфа 14 распоряжения Президента Польской Республики от 22 марта 1928 г. об отношении Государства к Старообрядческой Церкви, происходит в силу распоряжений Высшаго Старообрядческаго Совета: а) по требованию воеводы (параграф 15 распоряжения Президента Республики от 22.III.1928 г.), b) в случае удостоверения Высшим Старообрядческим Советом факта совершения духовным наставником преступных действий; c) в случае утверждения Высшим Старообрядческим Советом постановления общаго собрания членов соответствующей общины об увольнении духовнаго наставника (параграф 47), d) по постановлению решения Духовнаго Суда; е) в случае вошедшаго в законную силу приговора правительственных судов при совершении духовным наставником проступков, предусмотренных в п. d, f, g и в случае п. h параграфа 57.

Высшему Старообрядческому Совету принадлежит право временнаго приостановления от исполнения обязанностей виновных духовных наставников, в отношении которых производится еще дознание и до окончательнаго определения, предусмотреннаго в настоящем параграфе.

Ст. 62. Лишение канонических духовных прав, присвоенных духовным наставникам, происходит на основании: 1) приговора Духовнаго Суда или 2) постановления Всепольскаго Собора. Приговоры эти и постановления подлежат объявлению Высшим Старообрядческим Советом (ст. 25, п. h).

Ст. 63. Каждый духовный наставник может одновременно быть преподавателем Закона Божия во всех школах своего прихода, в которых обучаются дети старообрядческаго вероисповедания. Полномочия на право преподавания Закона Божия духовные наставники получают от Высшаго Старообрядческаго Совета. В случае необходимости подобныя полномочия могут получать религиозныя светския лица.

Ст. 64. К обязанностям утвержденных духовных наставников относится ведение книг гражданскаго состояния лиц старообрядческаго вероисповедания, причем за эти обязанности они могут получать из Государственной Казны соответствующее вознаграждение».

Сотрудничество старообрядцев Прибалтики и Польши межвоенного периода, определившееся уже в 1920-е гг., в значительной степени обусловливалось общностью проблем. К ним относилась и проблема чтения церковнославянской литературы, проблема понимания и владения церковнославянским языком, обучения ему старообрядческой молодежи. «В народных школах, где позволяют это законы страны, желательно приобретение небольшого навыка в церковном чтении и усвоения форм языка. Гораздо успешнее может развиваться процесс церковнаго чтения в школах домашних или церковно-общинных, что принесет благие плоды лишь в том случае, если параллельная церковная школа не будет мешать общеобразовательной школе и если почин открытия и содержание такой школы будет принадлежать самой общине, как духовной семье» [18]. В старообрядческой периодике межвоенной Польши появляется множество статей, посвященных этим вопросам. Одна из лучших, «О пользе чтения книг священнаго Писания», принадлежит перу П. И. Киселева [19].

«Равнодушное отношение к духовной литературе, — писал П. И. Киселев, — замечается уже не только среди подрастающаго молодого поколения старообрядцев, но и среди некоторых, убеленных сединою, старцев, отцов семейств и даже духовных наставников.

Многие современныя семьи старообрядцев не только не имеют у себя в доме книг священнаго Писания, как св. Евангелие, Апостол и Псалтырь, но даже небольших молитвенников, с необходимыми для каждаго христианина повседневными молитвами и псалмами.

В старое доброе время, истинноверующие христиане любили духовную литературу, с великой духовной радостью приобретали, запрещенныя к продаже русским правительством, древние книги св. Писания, с благоговением изучали таковыя, укрепляли ими свой дух и живую веру и хранили их в домах на „горнем“ месте — под образами, в красном углу.

Эти книжные накопления у многих старообрядцев превращались в ценнейшия библиотеки религиознаго характера, которыя передавались из поколения в поколение и считались своего рода священными реликвиями и гордостью каждаго владельца таковых.

Однако, тяжелые годы войны и беженства, а также события последних лет, связанныя с гонениями на св. Церковь в нынешней России, разбросали ценнейшия хранилища св. Писания по городам и весям и лишили большинство старообрядцев возможности дальнейшаго собирания книг духовнаго содержания.

Вместе с тем трудность приобретения книг св. Писания на книжном рынке, из-за полнаго отсутствия их в продаже, способствовало тому, что нынешнее старообрядчество стало постепенно отвыкать от чтения книг духовнаго содержания, появилось равнодушие к Слову Божию, а вместе с сим уменьшилось и стремление среди христиан к приобретению и накоплению названных книг... Горя искренним желанием возможно полнее подготовить молодое поколение старообрядцев к восприятию истин веры Христовой, передовое старообрядчество Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Румынии стало в последнее время весьма заметно пробуждаться; появилось стремление направить старообрядческую и церковную жизнь в надлежащее русло, дать ей определенную форму — в виде устава св. Церкви, устроить ея внутреннее управление, приступить к изданию книг и журналов духовнаго содержания и учебных пособий по изучению Закона Божия.

В указанных выше странах учреждены были центральныя управления св. Церковью, созваны старообрядческие съезды и Соборы, которые своевременно приступили к разработке основных положений Церкви в каждом государстве и вопросов, связанных с религиозным воспитанием молодого поколения.

Высший Старообрядческий Совет в Польше также не остался равнодушным к общему пробуждению старообрядчества и, принеся в жертву значительную часть своих скудных сбережений, ревностно приступил к изданию книг духовнаго содержания, одновременно выпустив в свет и ряд учебных пособий».

Следует помнить, что «славянская азбука, часовник, псалтырь, шестоднев, канонник, четии-минеи, Страсти, Златоуст» [18] продолжали тогда составлять «основной материал обучения» молодых старообрядцев. Однако всего этого в новых условиях уже было недостаточно. Необходима была специальная учебная литература, одним из творцов которой, наряду с другими видными старообрядческими интеллектуалами, для «польских старообрядцев» стал и И. Н. Заволоко.

* * *

Православная церковь в межвоенной Польше проявляла большой интерес к некоторым сочинениям старообрядческих авторов. Среди духовенства и верующих Православной церкви в Польше необычайной популярностью пользовались книги и брошюры известного старообрядческого начетчика, уставщика старообрядческой церкви в Кишиневе Ф. Е. Мельникова, который до своего отъезда из СССР «вел, с большой опасностью для себя, ожесточенную идейную борьбу с большевицкой идеологией» [20, с. 92]. Секрет подобной популярности был в том, что Ф. Е. Мельников, обладая несомненным писательским талантом и даром проповедничества, весьма успешно и бесстрашно полемизировал не только с отдельными видными идеологами атеизма в СССР, причем открыто, на публичных диспутах, собиравших множество слушателей, но и всей советской атеистической системой в целом, практически всегда побеждая. «Острие его блестящей диалектики, отточенное раньше в долголетних бесконечных спорах с беспоповцами, сектантами и миссионерами господствующей церкви, сейчас почти исключительно направлено в защиту основ человеческой религиозности вообще», — писал о нем, также находясь в эмиграции, потомок известного рода старообрядцев-поповцев В. П. Рябушинский.

«Защите основ человеческой религиозности» прежде всего и были посвящены произведения старообрядческого книжника Ф. Е. Мельникова, широко разошедшиеся среди православных в межвоенной Польше. Священный Синод Православной церкви в Польше постоянно рекомендовал их для чтения верующим, большое число экземпляров этих книг находилось на Синодальном складе в Варшаве, купить их можно было и в приходских церквах, а также получить во многих церковных библиотеках[9]. Наконец, несколько книг

[9] Помимо произведений Ф. Е. Мельникова, таких как «Мир по единогласному учению великих авторитетов науки создан Богом», «Ответ на вопрос безбожников», «Откуда взялся Бог?», «Современное безбожие опровергаемое им самим», «О человеческой душе и ее происхождении», «Отвергает ли наука веру в Бога», «О безбожнических и христианских догматах, таинствах и обрядах», «Нужна ли вера в Бога?», «Спутник Христианина» и других, напечатанных в Кишиневе в 1930-е гг., среди православных в межвоенной Польше расходились и

Ф.Е.Мельникова переиздала в Польше Варшавская Синодальная типография. В 1933 г. в Варшаве были перепечатаны его «Безбожники сами верующие, хотя и бессознательно: Непредвиденный диспут при приеме на пчеловодческие курсы в Советской России», «Основы безбожия», «Безбожие недоказуемо», а в 1934 г. даже «О сектантском священстве».

Столь заметный интерес к сочинениям Ф.Е. Мельникова еще одно свидетельство возможности взаимопонимания и сближения старообрядцев и новообрядцев, о котором писал потомок старообрядческой династии Рябушинских В.П.Рябушинский: «Теперь нам время подойти к важнейшему вопросу, который всегда приходит в голову, когда говорят о старообрядчестве. Почему оно продолжает быть, почему братья не сойдутся?

Думается, потому, что у них пока все еще разная тональность, разный характер религиозного чувства. Это — первопричина, а различие в обрядах — лишь следствие.

Снятие клятв собора 1666–7 года — великое дело, но это еще не все.

Однако нужно сказать, что сближение происходит. Старообрядцы не только умом, что было и раньше, но и чувством живей воспринимают вселенский, не русский только, характер православия...

С другой стороны замечаем, как господствующая церковь сбрасывает многое навязанное Петром I-м: видим патриаршество, видим и другие признаки возврата древнего духа, например, — точно под влиянием тайного подсознательного действия старообрядческих идей, — происходящее какое-то естественное, никем не приказанное, почти повсеместное водружение восьмиконечного креста, и предпочтение, оказываемое нередко по-старому написанным иконам перед образами итальянского пошиба.

Чуем дух древлего благочестия и во многих писаниях современных авторов, особенно у Шмелева. Ему это впрочем легко, ибо стихия, его породившая — мужичья стихия, создавшая московское купечество, из которого этот писатель происходит.

сочинения других старообрядческих авторов, например, лекции известного старообрядческого епископа Кишиневского, прежде Нижегородского, Иннокентия, «В защиту религии», печатавшиеся в те же годы в Кишиневе.

Однако, несмотря на такие благоприятные признаки, есть одно обстоятельство, которое может сильно задержать или даже помешать сближению: — сильно развивающееся в последнее время пристрастие в богословскому блужданию на гностической подкладке в интеллигентских кругах великороссийской церкви, считающих себя преданными православию» [20, с. 92].

Сближение это было тогда тем более возможно, а отчасти, в чем-то, как видим на примере литературного обмена, и осуществлялось, что и старообрядцы и новообрядцы во многом оказались в одинаковых социально-политических условиях. И если в СССР все они гонимы были одинаково, а господствовавшая ранее Русская Православная церковь сама теперь превратилась там во всемерно гонимую, то в межвоенной Польше старообрядцы попали почти в привилегированное положение, в то время как Православная церковь испытала на себе силу государственного диктата, включавшего порой настоящие военные погромы и постоянное варварское разрушение сотен храмов, включая крупнейшие городские соборы, в том числе замечательнейшие памятники мирового искусства, такие, например, как Александро-Невский кафедральный собор в Варшаве, уничтоженный властями в 1920–1926 гг.[10].

Гонение во многом объединяло тогда русских старообрядцев и новообрядцев. «Свидетельство того, что дух старых ревнителей древлего благочестия возрождается сейчас и в нестарообрядческой среде, — писал В. П. Рябушинский, — находим во многих теперешних даже печатных источниках, уже не говоря о тайных, рукописных.

„Наступили времена выполнения предсказаний Господних. Антихрист властвует над Русью“.

Другое: „Постоим, православные, за веру христианскую, не дадим восторжествовать антихристу“.

---

[10] Гибель этого памятника, часто называемого «восьмым чудом света» [21], создававшегося по проекту Л. Н. Бенуа и расписывавшегося лучшими художниками России, сравнима лишь с разрушением храма Христа Спасителя в Москве. Аналогичная судьба постигла в межвоенной Польше сотни православных храмов, в их числе и величественный православный собор Воздвижения Честного Креста Господня на Литовской площади в Люблине (построен в 1873–1876 гг., разрушен в 1924–1925 гг., ныне на этом месте фонтан) — первую епископскую кафедру св. патриарха Тихона.

Можно думать, что это взято из „раскольничьих“, выражаясь казенным слогом, „тетрадок“ XVII и XVIII веков — язык тот же самый, но так напечатано в современных большевицких журналах, где описывались случаи сопротивления верующих, принадлежащих к бывшей господств. церкви, при закрытии церквей, снятии колоколов и т. д.

В России идет сейчас отчаянная борьба за душу, борьба еще более грозная, чем та, что шла при Петре: тогда удалось только частично искалечить душу русского народа — теперь хотят ее добить окончательно. Явление это настолько важно, что все остальное, происходящее в России, ничто перед ним. И вот можно сказать: одолеет в этой борьбе, отстоит свою душу, русский народ лишь тогда, если во всем нем возродится и разгорится тот старообрядческий дух, об отдельных случаях проявления которого было только что сказано...

Думается, что и сейчас призвание старообрядцев состоит в том, чтобы находиться в первых рядах тех русских людей, которые и в подъяремной России, и за рубежом, кому как Господь посылает, кровью своей и муками, или же безропотным несением креста и безбоязненным исповеданием веры христианской, спасают русскую душу от заполонения ее сатанинской прелестью» [20, с. 95–96].

1. *Б.А.Пимонов.* О нуждах Восточных воеводств (Польши «Б»): Речи депутата Б. А. Пимонова, произнесенные в Сейме в 1937–38 гг. Изложено по газетным отчетам и официальным стенограммам. Вильно, 1938, с. 15.

2. *И. Н. Заволоко.* История Церкви Христовой. Рига, 1937, с. 154–155.

3. Календарь Высшего Старообрядческого Совета в Польше на 1938 г. Вильно, 1938, с. 40.

4. Dziennik Ustaw. 1928, № 38. (26.III).

5. Monitor Polski. 1928. 12.IX.

6. Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше, 1929, № 1.

7. *В. Пиотрович*. Старообрядцы в Польше // Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше, 1933, № 1–3, с. 7.

8. *W. Jakubowski*. Z historii kolonii staroobrzędowców rosyjskich na Mazurach // Slavia Orientalis, 1961, № 1, с. 81–103.

9. *E. Iwanec*. Z dziejów staroobrzędowców na ziemiach polskich. Warszawa, 1977.

10. *Z. Jaroszewicz-Pieresławcew*. Starowiercy w Polsce i ich księgi. Olsztyn, 1995.

11. Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше. 1929, № 5–6.

12. *И. Парфенов*. Родной язык // Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше, 1931, № 4–5, с. 4.

13. *О. М. А.* Похороны р. Б. П. И. Киселева // Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше, 1933, № 1–3, с. 5.

14. *П. И. Киселев*. Столетие Виленской Старообрядческой Общины 1830–1930 гг. Вильно, 1930.

15. Календарь Высшего Старообрядческого Совета в Польше на 1936 г. Вильно, 1936, с. 36.

16. *Ф. Кузнецов*. Слово к духовным наставникам старообрядческих общин древлецерковного святоотеческого благочестия и предания, находящимся в Польше // Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше, 1929, № 2, с. 9.

17. Календарь Высшего Старообрядческого Совета в Польше на 1939 г. Вильно, 1939, с. 49.

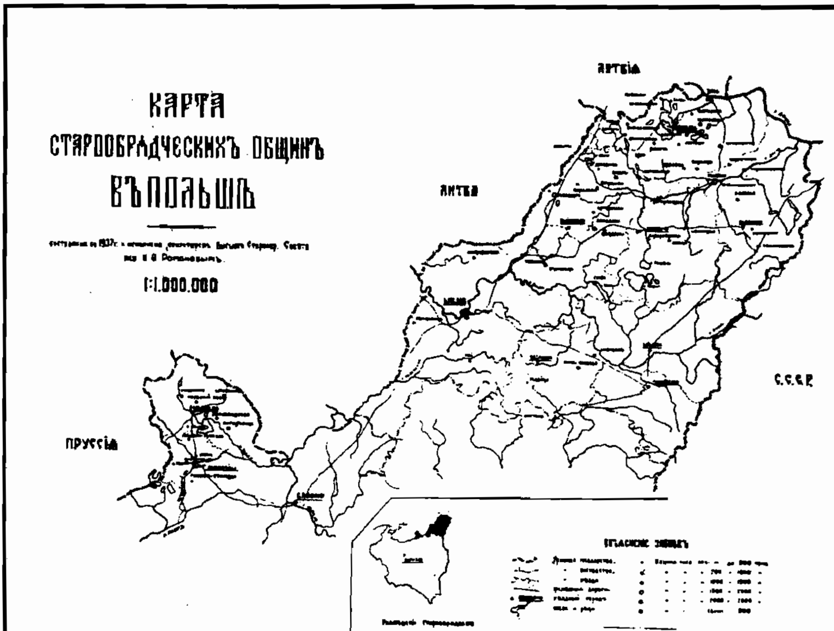
18. Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше, 1931, № 6, с. 8.

19. Вестник Высшего Старообрядческого Совета в Польше, 1929, № 4, с. 13–15.

20. *В. П. Рябушинский*. Старообрядчество и русское религиозное чувство. Б. м, б. г. [Шапирограф, 1930-х гг.].

21. *Л. Этенко, С. Иванова*. Пришло время спокойно и взаимоуважительно обсудить проблему Варшавского собора // Сов. Белоруссия, 23 мая 1996, с. 4.

Илл. 9. Карта размещения старообрядческих общин во II Речи Посполитой по состоянию на 1937 г. (по К.Романову)

Илл. 10. Председатель Высшего старообрядческого совета во II Речи Посполитой А.М.Пимонов

Заветы русских старцев

«Там Божии звоны гудут...»
Из народного песнопения
о Леснянском монастыре

Влияние православного монашества на весь уклад жизни православного населения межвоенной Польши, особенно основной его части — крестьянства, было значительным. Даже закрытые польским правительством монастыри, преимущественно на Холмщине и Подляшье, несмотря на их физическое исчезновение, продолжали, по словам очевидца, нести «то Божие, истинное, доброе, которое оглашалось, насаждалось, внедрялось... в этих обителях в человеческую душу» [1, с. 97]. Все это «не пропало бесследно, не могло исчезнуть» в продолжение целых десятилетий после того как «исчезли т[ак] наз[ываемые] внешние объекты» [1, с. 97]. Наряду с Почаевской лаврой и другими действовавшими во II Речи Посполитой православными монастырями de facto продолжали свою духовную миссию и ликвидированные обители, прежде всего женские, основанные в конце XIX — начале XX вв. по благословению оптинских старцев. Выделялись среди них Леснянский, Вировский, Радочницкий, Красностокский и Турковицкий монастыри. Первый из них к моменту эвакуации в период I мировой войны стал подлинной «женской Лаврой» [1, с. 92], а затем возрождал женскую монастырскую жизнь в Сербии[1] .

Митрополит Евлогий (Георгиевский), так много сделавший для православного населения Польши, за что почитается здесь и по сей день, вспоминал в 1936 г.: «Женские монастыри в Холмщине

---

[1] Ныне Леснянский монастырь находится в ста километрах от Парижа в городке Провемон (Provémont).

имели огромное значение для местной народной жизни. Их было несколько, но монастырем-колыбелью всех остальных была Леснинская обитель. Она была основана в 1884 году игуменьей Екатериной (в миру графиня Ефимовская)... С течением времени он стал... тем культурно-просветительским центром, который матушка Екатерина задумала создать. Она основала приюты для сирот, школы для младшего, среднего и старшего возраста, высшее сельскохозяйственное женское училище, церковно-учительскую школу (церковно-учительную семинарию). В школах ее обучалось до тысячи детей. Можно сказать, что весь народ холмский проходил через ее приюты и школы, вся сельская интеллигенция: учителя, учительницы, волостные писаря, агрономы, псаломщики... — в большинстве были ее воспитанниками... Народ отвечал Леснинской обители благодарной любовью — тянулся к ней за просвещением, за моральной помощью, за материальной поддержкой... Матушка Екатерина любила свой родной великорусский народ, хотела ему послужить, а Бог привел трудиться среди иного народа, душевно изломанного долголетней борьбою за свою веру и народность, но этому бедному народу она сумела послужить с великим усердием... В женских монастырях... установилась внутренняя дисциплина: каждая монахиня сознательно относилась к своему долгу, понимая всю серьезность своего призвания. Монастыри были обвеяны одним духом, связаны единством духовно-просветительных методов монашеского труда — и стали для холмского народа необходимой и крепкой опорой» [2].

Духовное наследие того давнего монашества живо в Польше и поныне. В межвоенное же двадцатилетие связь с еще недавним прошлым как бы не прерывалась вовсе — одно из характерных свидетельств тому большое число сохранившихся до сих пор списков различных паралитургических, назидательных, учительных и иных произведений, созданных в монастырской среде и переписывавшихся крестьянами, мещанами, священниками во II Речи Посполитой.

Особняком среди всей этой литературы стоят рукописи, связанные с традициями русского старчества, явления все еще очень мало изученного, как впрочем и вообще история православного монашества XIX–XX вв. Рукописи эти переписывались в межвоенной Польше в основном, видимо, представителями интеллек-

туальной элиты, духовной и светской, и ныне сберегаются среди потомков русских эмигрантов, у православного духовенства, старообрядцев. Для публикации мы отобрали четыре монашеских сочинения, написанных в России в первой трети XIX в., относящихся к сокровенной литературе для немногих, ныне почти неизвестной, имевшей хождение в основном в рукописном виде. Примечательно, что все публикуемые списки непосредственно восходят к авторским рукописным оригиналам. Не случайными среди них оказываются поучения и писания преподобного старца Василиска, пустынника Туринского (†29 декабря 1824 г.) и «ученика его» — преподобного старца Зосимы Верховского (†24 октября 1833 г.). Они были первыми среди старцев, взявшихся за руководство духовной жизнью русских женщин, за создание женских православных обителей [3].

Публикация осуществляется с некоторыми графическими и орфографическими изменениями относительно оригинала, общепринятыми при издании подобных текстов.

1. *И. Б.* К истории православного женского монашества на Холмщине и Подляшьи // Православный церковный календарь 1966 г. Варшава, 1965.

2. *Евлогий (Георгиевский), митрополит.* Путь моей жизни. М., 1994, с. 104–108.

3. См.: *Пимен (Мясников), архим.* Монашество и современные о нем толки // ЧОИДР, 1874, кн. II, с. 295–310.

Наблюдения почерпнутыя из опыта

Наблюдать за самим собою — тщательно примечать движения духа и плоти, имеет непременную обязанность каждый. В потребности сего произведения, кроме повсядневных опытов, уверяет и Св: Писание: блюдите, како опасно ходите т. е. для осторожности замечайте ход ваших дел. Сей благодетельный совет оправдывали отцы в наземной жизни, и в назидание наше оставили незабвенный свой памятник под имянем деятельных главизн состоящий из краткаго изображения мыслей, повсядневно ими приобретаемых — поверенных опытом. — Естли ограничившись ими, не брать перо для изткания одежды собственному порождению: значит, не пещись о нравственных отрослях; что не только в сем виде, но даже и в естественном смысле весьма предосудительно; и — наконец, дав пищу лености, лишать себя полезнейшаго приобретения от собственнаго сокровища износимаго; а что паче всего не делать подражания, толь достойному подражания примеру Святых и богоугодных отцов: как непременно довлеет быти ученику яко же и Учителю его!...

I

Бог — единое благо на земле и в небе: кроме Его нет истиннаго блаженства, щастия, и покоя. Опыт души человеческой не могущей довольствоваться ничем преходящим, и ищущей верховнаго — вечнаго блага, ясно сие доказывает.

II

Погружение — вхождение в самаго себя открывает, что душа устроена для высшей цели, и непрестанно общится с духовным миром. — Кроме сей внимательности приметить показанное действие почти не можно.

III

На основании сказаннаго общения можно утвердить предчувствия: ибо душа увлекшись в горний мир, из области его может прозирать в будущность; следствием сего есть ощущение в душе необыкновенных явлений, которыя разкрываются во времени.

IV

Духовная мудрость есть чистое созерцание путей промысла во всех и во всем.

V

Тогда я уверюсь, что ты признаешь промысл и суд божий на земле, когда боясь восхитить онаго, никого и ни в чем осуждать не станешь.

VI

Естли хощешь быть спокоен ни во что не касающееся до тебя не входи; ограничь любопытство, и все неизключительно приписывай божией воле.

VII

Изыскание средств к спокойствию духа, или обретения внутренняго мира

Духовная жизнь христианина наполнена безпокойством, скорбями, печалями и горестию. — Кроме повсядневных опытов, Священное Писание на многих местах подтверждает сию истину говоря, что хотящии благочестно жити во Христе гонимы будут (а) и сущии в теле сем воздыханием отягчаеми (б). Не редко случается, находящемуся, в сих обстоятельствах унывать, безпокоится, сетовать и скорбеть: хотя — конечно сие последствие весьма соестественно причинам; однакоже чрезмерная преданность оному, дая силу врагам, являет воина побежденным, и разстроивает предположенную цель благочестия. И так, что бы не быть побежденным, но счастливо побеждать о Хр[ис]те, следует не скорбеть во время горести — быть покойну при возмущении — находить сладость в несении креста! Сие с перваго взгляда представляется вовсе не возможным и противоестественным; но разсматривая Св: Павла радовавшагося в скорбях (с) и утешавшагося при хулениях (д), должно согласится, что таковая участь может быть присвоена и прочими верующими; а как достигнуть оной, займемся изысканием к тому средства, кои разложим на общия и частныя.

(а) 2. Тимоф. Гл. 3. Ст. 12. (б) 2. Кор. Гл. 5. Ст. 4.
(с) 1. Кор. Гл. 4. Ст. 11, 12 и 13. (д) 2. Кор. Гл. 11. Ст. 23 и 30.

Общия:

Естли хочешь иметь спокойствие духа и душевный мир, наблюдай:

1. Смирись всеконечно чрез подробное познание небрежнаго твоего жития; и всякую скорбь, всякую обиду, возмущение и насмешку признай тебя достойными. Убедись, что естли не будешь сетовать и роптать в сем случае, то скорби послужат к очищению души твоея.

2. Разсуди, что возмущение и безпокойство происходят без всякаго сомнения от гордости, которая составляет подлую страсть, и никогда и ничем напитана быть не может. Отринь гордость и — всегда будешь покоен; чтоб скорей достичь сей цели, побуждай себя являть уничижение в мыслях, словах и делах.

3. При скорбях вообрази, что они приносят тебе величайшую пользу: 1. учат терпению; 2. деляют познания твои опытными и совершеннейшими; 3. они смиряют тебя и невольно направляют к исканию внутренняго мира.

4. Представь, что время быстро летит — все мгновенно проходит; все как приятное, так и скорбное на земле, должно вскоре миноватся.

5. Разсуждай, что нет в мире сем ни одного места, ни одного состояния, кроме самоотвержения, которое было бы блаженно: все имеют свои скорби, вытекающия из дальнейших пожеланий. — Всякое видимое удовольствие представляется только до тех пор сладким, пока его не вкусим; после же сего в самую первую секунду делается обыкновенным, после скучным, а наконец и совсем теряет цену. Напр: летняя прогулка до тех пор нравится, пока в природе зима....

6. Приметь, что скорбение при горести, не помогает, но еще и усиливает оную; напротив мужественный дух умеряет скорбь.

7. Старайся сколь можно веровать, что все случающееся с людьми, протекает чрез промысл. Естли птицы, власы и пр: неизключены из круга промысла то кольми паче человек и все случающееся с ним?

8. Имей пред глазами непрестанно примеры Христова страдания и терпения, каковыя он начал предлагать тебе в уроки, от первых минут плотскаго своего явления.

9. Чаще взирай на него и прибегай к нему чрез молитву; высший степень которыя не только делает скорби не чувствительными, но и питает душу непрестанно небесною сладостию.

10. Читая Св. Писание, вникай в те места кои разсуждают о терпении, о внутреннем покое и самоотвержении; а так же пользуйся и твердостию Св. Отцов в сем случае.

11. Ежедневно наблюдай за собою ход твоих душевных движений, и опытом дознанное, старайся употреблять в свою пользу.

12. Воспоминай непостоянство мира, падение сильных, пагубный конец участи счастливцев, и разрушение целых царств; видя сию непрочность, ничего не будешь желать на земле; а от сего и будешь покоен.

13. Чаще всего поминай о смерти — ея не известности и скорости. А вечность, — ея последствие, должна тебя устроить так, чтоб с истинною преданностию слушая гласа ея, быть самоотверженным.

Вот общие средства ко внутреннему миру!

Частныя:

14. В обществе, где ты живешь, отдавай всем должное почтение; старайся в каждом примечать что-либо благое; худому же нескоро верь, и как можно старайся таковый слух обращать в добро.

15. Имей мир и святыню со всеми, однакож без человекоугодия; ни кому не противоречь и удаляйся споров.

16. Естли хочешь всех любить, то елико можно от всех бегай — по слову Св. Арсения. Неведение злобы, рождает любовь — говорит Св. Исаак.

17. Более молчи. Естли в обществе услышишь не полезное, или двух, или трех празднословящих, положив поклон беги — так учит Св. Симеон.

18. Естли куда придешь, ежеминутно истязуй свою совесть, не имеет ли она лживости; старайся говорить всегда полезное, и никого не осуждай, да не впадешь в его участь.

19. Ни о ком худо не говори отнюдь; даже старайся и ни чего худаго не мыслить; естли увидишь в себе войну, приложи воздержание в пище.

20. Не любопытствуй о братии, с которою живешь: кто каков, из какого звания и каких способностей. Лучше тебе не знать их даже и по имени, нежели узнав, на каждаго соблажняться.

21. Без нужды ни в чью келью не ходи, кроме старцевой, или единаго брата, от коего получаешь пользу. Пред изшествием

всегда приуготовляйся к неприятной встрече, моля Бога о управлении пути, о сем учит Св. Лествичник. — Естли идя за пользою, ее не получишь, не сетуй но почти себя недостойным внимания и признай в сем волю божию.

22. Берегись на словах оказывать себя знающим; сие рождает гордость, а напоследок глупость, и подрывает душевный мир.

23. Умей пользоватся и утешатся настоящим, и нежелай явить себя мирови: помни, что алмазы и драгоценные металлы до тех пор только растут, пока они сокрыты в земле; и пшеничныя колосья закрыты мякинными усиками для того, чтоб не оклевали зерен их птицы. Сие сказал Св. Василий Великий.

24. Не желай начальства и высоких чинов; но будь уверен, что чести переменяют нравы; и каков ты теперь есть, то без сомнения таковым уже не будешь получив земное достоинство.

25. Во всех случаях и о всем благодари Бога, и вся яко от его руки приемли, и не оставляй непрестанной молитвы.

Естли сия будешь старатся сохранять, обретешь спокойствие духа, душевный мир и внутреннюю небесную радость на земли, будешь всегда весел, спокоен, доволен, щастлив и во всем благополучен о Хр[ис]те Ии[су]се Г[оспо]де нашем.

VIII

В болезненном состоянии тело лишается сил и способов для подвига; а в здоровом — страсти разстлевают душу: когда находишься в первом — думаешь, что гораздо выгоднее второе; когдаже в оном, то о первом воздыхаешь. Вот, как не постоянны желания человеческия!

IX

Всякая материальная и внешняя добродетель не без пользы: она хотя не приобретает неба, но приуготовляет дух к приятию благодати.

X

Будь уверен, что смириться на высокой степени гораздо труднее; или и совсем неудобно: ибо таковый иногда не вольно увлекается от самопознания....

XI

Ни сколько и ни когда на себя не надейся: ибо всегда по слабости человеческой более делает перевеса грех, нежели добро; поелику зло соделывает человек по влечению сердца; а добро по убеждению разума; кои оба испорчены, а между тем сердце всегда побеждает разум.

XII

Помни, что всякая обида снесенная тобою в терпении, доставляет спокойствие совести а всякое отмщение мучит дух.

XIII

В случае внутренняго в духе разстройства, одно токмо духовное любомудрие, сильно привести паки к спокойствию; допущение себя до веселостей в то время, хотя бы — казалось нам — и доставляет некоторое утешение, но в самом-то деле оно бывает распространением вышесказанной заразы.

XIIII

По обозрении разных страстей, душевных и телесных следует изыскать: каковыя из них в особенности делают вечное препятствие изучению умной молитве — в следствие чего, заключается, что плотския — чувственныя страсти, сколько бы ни свирепствовали, как то: блудная, чревоугодная и леностная; однакож при прохождении молитвы от достижения ея цели запинать не могут; но повремяни, молитва их поглощает и во-вся искореняет. Напротив того злоба, гордость и зависть никогда, не допустят достичь умной молитвы; поелику они преимущественно образуются в душе... Ясный сему пример можно видеть в событиях Евангельских: злоба, упоившая сердца фарисеев и книжников недопустила им признать Искупителя их истинным Сыном Божиим, хотя они и часто с ним обращались; напротив того блудница, в теле которыя разлита была Скверна блуда и сладострастия, не только с верою Его познала, но и учинив переворот жара и любви Своея к нему излила у ног Его Свою душу...

XV

Любовь к ближнему не есть то, чтобы при встречах показывая ласковость, представлять пред ним человекоугодие и с при-

ятностию вовлекать его в общение с собою; но совершенная любовь к ближним есть внутреннее желание всем спастися и смиренное со всеми обхождение, сопряженное с бегством от всех; а так же и искренняя келейная молитва не только о всем мире, но и о врагах подрывающих честь нашу.

XVI

Естьли спросил бы кто: можно ли найти человека, который бы переламывал мое произволение к худому; и посредством суждений и слова, мог владеть и располагать душею моею без всякой моей подготовки? — Сему следует отвечать, что не можно — кроме Бога; естли допустить сие обстоятельство: то уничтожим человеческую свободу, и лишим его мзды за подвиг, а между тем естьли и случится найти на некоторое время показаннаго руководителя, однакоже вскоре за сим следует ожидать против него брани, наносимой от врага.

XVII

Многие удивляются разсуждая о том: что за таинство, что иныя при сильных волнениях людских бывают спокойными? — Таинство сие сокрыто в приверженности ко Иисусу Христу; и привязанности к нему ума, сердца и непрестанной памяти. Естли чье сердце погружено в оном: тот и в жестоких смущениях размышляя о вездесущии Божием, щитает себя всегда находящимся близ неизменнаго стража и мощнаго защитника.

Изложение мыслей, приобретенных любезною во Христе нашею монашескою беседою (Арсения с Дионисием) в 25 число сентября 1831-го в продолжении нощи, по памяти преподобнаго Сергия, в Пешноше.

Брат от брата помогаем, яко град тверд и высок.

Явственно есть воистинну, яко ниже по Богу умно дело, и видение и горе простертие подобает удержавати во уме неписано, но и писанию предавати и назнаменованию общия ради пользы за любовь.

Каллист. Антиликуда, Гл. 110.

Да наставит нас Г[оспо]дь Ии[су]с Хр[ис]тос ради Матере своея, нашея Владычицы Пресвятыя Богородицы.

Из опыта.

Д: Часто случается монаху впадать в уныние, которое будучи возведенным на высокую степень, рождает охлаждение не только к духовным, но даже и ко всем вообще предметам; каким образом воюя с ним, побеждать его?

А: Дух уныния, при всяком случае нападающий на монаха, побеждается во первых, чтением замысловатых и высоких книг, кои завлекают внимание; во 2-х рукоделием, в 3-х телесным утруждением; а паче советом опытнаго человека. Некоторые же из Отцов, в совершенном охлаждении духа, старались приводить себе на память подвиги прежде их бывших отцев, принаравливая скорби свои к их терпению, а из сего и снискивали себе утешение и завлечение к добрым подвигам. Иные же дух уныния побеждали послаблением на некоторое время постояннаго их воздержания; они сим способом познав пустоту и суетность светской развлекательности, получали теплое разположение к нудничеству.

2. Рожденная с нами чувственная страсть, ратует — как я вижу — силнее прочих на душу нашу; к истреблению которой, какое бы удобнейшее найти средство?

Средство к отсечению телесной страсти, состоит в удалении предметов раздражающих душу в сем смысле, и воздержание

соединенное с безмолвием. — Тщетно предприятие наше, дабы можно было уцеломудрствоватся среди мирскаго шума; ибо воспоминание плодов пагубнаго Вавилона, взросших в праведном Лоте, оправдывает мысль сию. А наконец тленность, и скорое приближение смертнаго часа к отвращению сего полезно! Тленность, т.е. воображение скаредности блудной страсти, которая кроме отвлечения души во все от любви божией (что гибельнее всякаго греха) и сама в существе своем есть гнусна и бедственна: сколько можно видеть людей обладанных Ею, поверженными в неудобь изцельныя болезни, сведенными с ума, лишившими себя жизни, изнуренными ревностию, пронзенными вероломством и изменою; мучащимися прежде смерти во аде страсти Своея? — Приближение смерти. Можноли описать участь того человека, который разтлив душу и тело? Сколь мучительно для него воображение смерти, которая скорее всего начинает представляться в сем случае по вражию действу?

3. Часто побеждаются — ищущие спасения, желанием честей и славы мира сего; чрез какое средство можно сделаться к сим равнодушным?

Как многие древние отцы, подобно им и в наши времена спасения ищущие, нижеследующие средства к истреблению тщеславия находят: твердо о себе заключать 1-е, что оне неразумевая благодеяний Божиих ежеминутно лиющихся на него, вместо благодарности, законопреступствует, щитая дарования Божии собственными своими; за что не похвалы, а порицания бывает достойным, 2. что естли безумно услаждается хвалою человеческою, то презирает Божия щедроты, наградившия его единственно по человеколюбию; при том знать должно, что тот, который наградил оными, без сомнения может и лишить их, 3-е. что хвала и честь напыщающая мысль нашу истекают более от лести нежели от прямаго к нам уважения; а потому достойны быть отвергаемыми, как дары подносимыя с презрительным видом, 4-е, что примеры Отцев, которые не токмо убегали чести и славы, но и будучи возведенными на степень оных, равнодушно с себя свергали, — предохраняют от сей страсти: так Исаак Сирин пробыв полгода Епископом, и презрев его, ушел на безмолвие; так Святый Ефрем влекомый в сан Архиерейства, к избежанию онаго притварил юродство; так Дамаскин, ученый мудрый

и сановитый муж, охотно променял всю славу свою на покорение простому монаху.

4. Живущие в общежительных монастырях, желая пустынной жизни, и по многим неудобствам не обретая оной; каким образом могут усовершенствоваться в умозрительности, одним токмо безмолвием постигаемой?

Желающие безмолвия, и находящиеся в невозможности по обстоятельствам жизни, не должны отчаиваться и преставать от толь потребнаго желания; при чем да просят с надеждою Бога, могущаго устроить спасительный путь. Доколе же находится в невозможности, да терпеть со благодушием, непресецая моления и веруя, что естли полезно для вечности исполнение их плана, то Господь во един час совершить может их благое намерение в настоящее дело. Далее: утешать себя упованием таковым, что Бог зряй вся ясно, хотя и не исполнит таковаго желания по сокрытым в Его премудрости судьбам, человечеству недоведомым; но когда желание не ослабно пылать будет до смертнаго часа, увенчает славою подвижников, перенесших все тяготы уединеннаго пребывания; ибо он часто одно намерение награждает, как и самое того исполнение.

5. Как побеждать леность к Спасительным подвигам?

Помни, что ты при торжественном собрании ангелов и человеков в присудствии самаго Бога произнес обеты, что бы готовым быть к исполнению всякаго дела блага. Крепко содержи в памяти твоей оный обетов твоих день. Таковая память, расширяющаяся в мысли породит ревность к стяжанию дел благих; противоположная же оной тягота духа изженется как тать, скрывшийся в углу чуждаго дома; к сему же потребно и маломерное употребление пищи, пития, и удаление от людей, ищущих телеснаго спокойствия.

6. Всякую ли сердечную тайну должно открывать духовному отцу, не моею собственною совестию избранному, но поставленному общими желаниями братства.

Самоотвержение готово пред целым миром исповедать грехи свои. Когда же сего не достигли, то можно соответственно своей доверенности избравши благонамереннаго человека, делить с ним все тайны.

7. Чем ободрять себя при трудности в прохождение подвига?

Опытом дознано, что противу всякаго рода скорбей облежащих душу, нет полезнейшаго и отменнейшаго врачевства, как благоговейное размышление о спасительных страстех Ии[су]са Хр[ис]та, нашего искупителя; обдумай постоянно: предание его иудеям руками невернаго ученика, премудрое с скромностию молчание пред дерзким вопрошением Пилата о точном произхождении Его, жестокое ударение по ланите, безчисленныя раны на чистое тело Его наложенные, надетый на главу венец пригвождение ко кресту, и прободение ребра; и все сие страдание его оконченное молитвою, ясно доказавшею крайнее незлобие: «Отче! Не постави им в грех сего». Мысль скорбящая, странствуя по сим спасительным следам, конечно скажет: недостаточны страдания мои, против страданий любителя моего, всесладостнейшаго Ии[су]са.

8. Что есть самолюбие; как оно входит в человека и чем истребляется?

Самолюбие, взятое в смысле страсти, есть недостаток самопознания, или излишнее к самому себе уважение; возрастает в душе посредством невнимания и похвалы людей, от корене прирожденной гордости. Уничтожается самолюбие внешним и внутренним смирением, памятованием смерти и изследованием посредством разсуждения своих поступков.

9. Чем предостерегать душу от влюбленности в тленныя вещи, и на основании чего умерять высшую степень веселости в характере?

Представь себе как на картине всю обширность земли, и разсмотри безпристрастно все вещества наполняющие ее; сколь они ничтожны в сравнении с достоинством души человеческой, возведенной Божиим человеколюбием, по некиим таинствам выше степени ангельскаго? Из сего видно, что всякая вещь, несравненно есть худшею пред высоким благородством души христианской; несравненно же хуждшее, недостойно любимо быть преизящно лучшим, т. е. тленное вещество, нетленною и безсмертною душею; противный же поступок есть весьма гнусен и никак не позволителен. — Что бы не вовлекатся в восхитительность, при созерцании вещественности, то нужно ежеминутно устремлять желание души своея к свойствен-

ным ей безтелесным, чистым и тонким естеством, и погружатся в размышление о благодатной вечности, по Св: Апостолу Павлу: о сем воздыхаем, в жилище наше небесное облещися желающе.

10. Как умирить себя с братиею, т. е. соблюдая благоговейную учтивость, смотреть на каждаго не приразительными глазами, какого б он низкаго состояния ни был?

При встрече каждаго человека и взгляде на лице его, воображать в себе: се ближний мой хранящий в душе своей подобие Бога, моего Создателя. При разговорах с ним естли замечательны будут, какия-либо недостатки, ограничить проницательность свою сим, что есть и в нем важные таланты, но они другаго рода, и не всякому приметны: или усердное стремление к послужениям или тайное желание всякому спастися, или сокровенная и непрерывная к Творцу благодарность, или то и другое достойное Божияго о нем благотворения, и любви к нему человеков. Чувствовать должно и то, что каждый человек облочен тоюжде плотию, и есть естественный наш друг; соестественное же себе любит каждая вещь в природе.

11. Полезноли отдаляться от людей возмущающих душу не стройностию своего нрава, и похвальноли таковое бегство?

Непременно должно; поелику частое обхождение с безполезными людьми может повреждать душу, ибо належить человеку помышление на злое от юности его, и потому весьма похвально всеми мерами от таковых знакомств удалятся и не подавать вида на содружество с ними, дабы не променять любовь Божию на любление человека приятнаго для страстей наших.

Прод: 28 числа О. П.

12. Чем разогреть хладную душу в отношении к духовным предметам?

Во первых: представлением сладчайшаго плода спокойствие духа, снискиваемаго посредством подвига, 2-е. познанием себя и натуры, 3. понуждением к терпению, 4. посредством коих напряжением духа к тварению заповедей, и наконец 5-е. памятствованием сокрытой в правосудии Божием вечной казни, и неизъяснимой небесной награды; а при том чаще воображать, что в натуре все произтекающее от известной точки бытия своего, паки имеет

к ней непрестанное направление; а как бытие наше вытекает из божественнаго пункта, то существеннаго его блага и спокойствия ни что иное, кроме Бога составить неможет; сближение с коим совершается посредством подвига и добродетели, то кто отречется понести временный труд дабы получить вечный покой?

13. Страсть дерзости, тончайшую между страстьми известными каким образом надлежит замечать при начале, как она вкрадывается в душу, и какия находить средства к отражению ея, и совершенному уничтожению ея действий?

Дерзновение, или вольность входить в душу посредством лености, которая охладив, побуждает вместо скромности наскучившей проходившему, искать суетнаго занятия в пустых предметах; к сему способствует своеволие, которое затмив истинные обязанности, приводит к безстыдству. К отражению сих непременно прежде всего должно покорить волю отсечению, или посредством благоразумнаго совета, или политичиским нравом, потом присматриваяся, наблюдать за собою ошибки и падения, производящия тугу в совести; наконец смирить себя как можно более и помнить Ев[анге]лское Слово: что должно непременно отдать ответ за слова и помышления.

14. Чем подкреплятся опечалившемуся в безмолвии?

Тот час поставить навиде пред умным оком псаломское сие слово: «Смутихся»; т.е. внял ухом своего произволения гласу врага, пад многими предлогами вызывающаго от безмолвнаго места к обозрению и наслаждению вещами, которых он решился быть чуждым; потом зазрев свою слабость, отразить врага и предлоги его последующим словом: «не глаголах»; что и означает погружение в молчание снова. Во 2-х. представлением разпростертых вне келлии сетей на опутание ума его; оплетение коих, при всей бдительнейшей осторожности избежать не можно. В 3-х. изследованием, откуда возникло и возросло таковое вредное влечение к свободе, которое состоит из безчисленных препятствий к соединению с искомым предметом (Богом). 4. Укарением себя в непостоянстве несвойственном воину держащему в руках знамение Иисусово. 5. Протяжением себя к таковому же безмолвию, полагая оный день брани, основанием новаго безмолвия, с торжественным духа произнесением: ныне (точию) начах!...

15. Как поселить в душу свою печаль, еже по Бозе, и чем оградить постоянную существенность ея?

При телесном воздержании посредством разсуждения, и переборки от юности своея жизни.

16. Что должно делать, дабы удержать на некоторое продолжение, теплоту ощущенную в душе по действию Божия благодати?

Вначале изследовать вину возникшия теплоты; естли она окажется порожденною или посредством разсуждения, или чрез какую либо благую деятельность, то устремить все внимание к ея разширению, т. е. к умножению того средства, которое окажется материю согрения. Естли же никаковых из сказанных причин не окажется, и потому должно будет положить справедливое заключение, что ощутившаяся теплота единственно последовала чрез вдохновение благодати, то как можно более надлежит смириться, признав себя не по достоинству, но истинно туне приявшим, толико драгоценнейший дар Божий. Присем нужно заметить, что часто получаемая теплота духа остывает и прохлаждается и тем, когда ощутивши ее, приписываем к числу плодов нашего подвига. Наконец к поддержанию теплоты полезно и то, чтоб блюсти всяким хранением свое сердце от страстных помыслов, и молвистых случаев, при посредстве коих любовь чувственная преодолевая небесную, заставляет сердце изменять сладчайшему Ии[су]су. Далее, естли кто ощутил хотя единою возхищение духа, при охлаждении может подогревать себя и приведением на память тех златых минут, кои разверзали в душе его небесный мир. А так же и божественное рачение с твердою надеждою пресильно есть возгнещать погашенный огнь.

17. Случается иногда, что присредственно шумных разговорах, или делах, нечаянно ощущается, или ясное уразумение важнейшей тайны Священнаго Писания, или неизъяснимое желание положить твердое основание духовному житию, или возбуждение к созерцанию божественныя славы; не можно же напротив того по некиим причинам утещи в сокрытое место, что бы распространить свое размышление об оном благодатном действии; что должно делать, дабы воспользоватся оным благодеянием и в полном смысле посвятить его своей пользе?

При движении благодати человеческим сердцем, прежде всего обратить следует все внимание на блюдение ума, и естли можно сие произвести, то ни какой народной шум небудет силен пресечь духовнаго разсуждения; будеже сие окажется не удобным, то непременно под каким-либо изветом следует уклониться хотя на несколько времени, ибо сдесь и ложная причина к удалению ни мало не предосудительна, а еще и похвальна, по причине предпочтения беседы с Богом беседе с человеками. — Вспомни Лествичникова старца, который в беседе с духовными мужами ощутил теплоту и разположение к молитве, тотчас ничего не сказавши выбежал, и в отхожем месте пав на колени совершил молитву — излил горящий дух свой пред Богом!

18. Какой удобнейший способ, чтоб приобучить себя к всегдашнему тварению Ии[су]совой молитвы?

Опытом дознано, что ни что так не укореняет в человеке молитву, о которой мы дали Богу обещание, как с верою крепко пред убедится в том, что понуждение к безпрестанному ея тварению весьма удобно доводит к предположенной цели; почему и должно с твердым терпением нудиться безпрестанно и при всех делах ее глаголать, дабы удобно научится. (Се положение простое...)

Имуще брат брата советники благи. Вопроси Старцы твоя и рекут ти. Негде писано есть. Да и подлинно! Многими опытами изведано, что нет толь сильнаго и врачебнейшаго обстоятельства, во всяком душевном недуге, как при истинном его исповедании другому, благоразумный и в вере совет и искреннее наставление, ибо здесь действуют вера и сам Бог. Таковое христианское общение, можно замечать возникшим издревле: Апостолы вопрошали Хр[ис]-та, древние иноки каждодневно открывая совесть другому, получали спасительныя решения; в особенноже важных случаях даже хаживали и в отдаленныя места к доверенным старцам, что можно видеть из книги Аввы Варсонофия, которая вся составлена из мудрых его решений на предлагаемые вопросы. — Созерцая сказанное, простремся в духе веры и впредь врачевать душевныя болезни сим наиполезнейшим средством!

Пища духа, служащая к его подкреплению, и врачеванию немощей онаго; изготовленная деяниями Святых Отцов.

Дивен бог во Святых своих — бог Израилев!

Проходящему путь спасения не редко случается впадать в уныние, так что иногда хлад объемлет его душу; иногда скука отягчает ум; иногда ропотливость гнездится в сердце; иногда возстают какия-либо безполезныя для духа пожелания. — Хотя врачебным противу сего средством и полагают отцы смиренную бодрость духа: но самое оное средство должно быть составлено из каковых-либо известных вещей. — Итак, иной производил его из занятия рукоделием; иной составлял ношением в худой кошнице песка; иной созиданием и разметанием кучи камней; иной послаблением постояннаго воздержания; иной благоразумною беседою; и иной благочестивым разсуждением и воспоминанием подвигов прежде бывших отец. — Всяк свойственным ему способом, снискивал пищу и отраду духу своему, который так часто утомлялся гладом внутренняго ощущения благодати! Так — может быть — говаривал сей последний к самому себе: Возпомяни, О, душе моя, пророков, Апостолов, мучеников, святителей и преподобных; найдешь ли хотя единаго из них неповинувшаго плоть духу; не страдавшаго в борьбах и скорбех жестоких? Возришь ли на пророков? Они гонимы, побиваемы камением, ввергаемы в пропасти на снедение зверям. Вопросишь ли Апостолов? Павел тебе отвечает: «Аз в трудех множае, в ранах преболе, в темницах излиха, в смертех многащи». Воспомянешь ли преподобных? Сколь много они пострадали понуждаяся всяким образом: иной попрал тело свое как врага; иной гладом и жаждою изнурил его; иной морил его жестокими трудами, дабы немешало оно свободе духа; иной недавал себе сна; иной смирил себя до последняго степени; иной объюродел бога ради; иной охотно претерпевал зной и мраз; иной за веру и правду умер в заточении; иной скитался в пустынях как дикой зверь, и иной ограничась стенами пещеры под землею безмолвно кончил дни свои. — О! Прискорбное питие разтворенное в чаше самоотвержения....

Может быть, сей последний — говорю — возносил дух свой в область Святых, и созерцая оправданныя ими планы, возклицал: «Возпоминай душе моя! Терпение и подвиги богоугодивших и в ветхом и в новом времени....

Возпомяни душе моя! Адама Праотца, и умились взирая, на положение, в которое он сам поверг себя преступлением творческой заповеди: сим падением, богозрительство его пременилось на созерцание бедственнаго его состояния; вкушение ангельскаго хлеба, — на питание с тернием растущим зелием; богосветлый ум — на нравственную порчу; любовь Божия — на гнев; чистота — на посрамление. О бедственная участь! Воззри душе моя на него изгнаннаго и седящаго пред вратами потеряннаго рая; биюща руками лице свое и глаголюща: Увы мне! Прослезися и прииди в покаяние.

Возпоминай душе мой! Ветхозаконных праотцев: Авеля праведнаго, любителя безмолвия; проведшаго всю жизнь в чистоте и девстве, и не желай суетствия и сладострастия. — Сифа богозрителя, проходившаго внутреннюю молитву, и созерцавшаго истины небесныя; а ты ленишся и чувственно воззреть на небо. — Мельхиседека царя Салимскаго, жившаго в пустыни, и питавшагося вершием древесным, и подражай ему воздержанием. — Иосифа девственнаго, истиннаго примера терпения, незлобия и чистоты. — Иова праведнаго, просиявшаго в терпении, единственнаго в поднебесной. Возпомяни: безмолвие и пустыню пророка Илии, и ученика его Елисея. Монашескую прискорбную жизнь детей пророческих близ Иордана. Твердость веры пророка Даниила и трех отроков. Пустынную, чистую и самоотверженную жизнь Св: Иоанна Крестителя. — Таковое воспоминание, да укрепляет дух твой — да подает изсыхающему сердцу твоему пищу и отраду.

Воззри душе моя! На крест — и на нем претерпевающаго жестокия болезни Господа Иисуса Христа Сына Божия: воззри на язвы Спасителя, предающаго дух Свой в неизреченных мучениях; воззри на Бога, между двоих разбоиников простертаго на древе. Дивное чудо! — Внемли взывающему со креста! Он говорит тебе: «Воззри О человек! Что я за тебя терплю? Умираю за тебя — за грехи твои я умираю! Виждь мучения, коими я отягощен; гвозди и терние, коими я изъ язвлен, и познай мою к

тебе любовь. Наружная моя болезнь тяжка, но внутреннее прискорбие не описанно, видя тебя столь не благодарным!». — Воззри далее на пронзенное скорбями Святое Сердце Марии Матери Божия, и слезы Св. учеников, и научися сим златым примерам терпению, и благодушному несению внутренних крестов!...

Уже, сим спасительным примерам множество находилось и — находится подражателей. Преемники ученичества Христова, и благословенные подражатели креста его сколь многое подадут тебе подкрепление, естли ты чаще возпоминать их будешь.

Итак,

Возпомяни душе моя! онаго Старца, который мужественно затворившись в своей келлии, пребывал в ней не изходно слишком двадцать лет. Но дабы более усугубить свое смирение и сокрушение; он возложив на себя тяжкия железныя вериги, как безсловесный скот приковал себя к стене; нощь и день пребывал в молитве, вкушая однажды днем самую сухую пищу. Тому же образу жизни последовал и ученик Его, доколе наконец у сего последняго от тяжести железа претерлась плоть до самых костей; ноги затекли и разселись, и извсех ран текла в изобилии кровь, так, что ужасно было и смотреть на сие. Вкушал однажды днем, и до того изсушил свое тело, что одне кости и жилы в нем остались. — Взирая на них; не извиняй себя, что ты не имеешь к таковым подвигам силы: — здесь не сила; а одно жаркое произволение и — помощь божия. Они не такие ли же были люди как и ты? А может и слабее.... Не тою же ли они были облечены плотию? Не теже ли имели страсти? Не тели же худыя наклонности и немощи? Не тели же имели неудобства и препятствия на пути Спасения? А может быть еще и гораздо более. — Но они все сие терпением и твердою решимостию превозмогли — попрали, и теперь соделались ангелами. Не извиняй себя невозможностию, но смирись представляя леность твою и небрежение всякой подвиг, превосходящим твои силы показывает тебе дух тьмы; но естли ты отвергнув его представление, твердо решишся Бога ради умучить плоть свою, то вскоре — на первом шагу к подвигу, почувствуешь поддерживающую тебя руку божию. И так сокрушайся. И плачь о твоей лености и хладности!...

Возпомяни душе моя! Монаха Анастасия, который чрез все церковное пение, не преходя с места на место стоял не подвиж-

но и ни когда не садился, от чего ноги его до самаго пояса утончились как дерево.

Возпомяни Максима блажен: Василия и Исидора юродивых, которыя во время жестокаго мраза, когда даже земля разседалась, — ходили и наги, и босы и гладны. Максим не чувствовал ни мраза ни зноя. Василий будучи вопрошаем: как он терпел сию нужду, ответствовал; естли взалчем, или вжаждем, или озябнем, тогда должно терпеть; ежели же жажда и глад и стужа усилятся, то опять должно терпеть, и таким образом скорбь и мучения уменьшались. Исидор же утешал себя сею мыслию: Терпи душе моя, ради Царствия Небеснаго.

Возпомяни душе моя! Великих постников: Моисея Боговидца, Илию Пророка, Николая Чудотворца, Памву Великаго, Савву Освященнаго, Евфимия Великаго, и прочих постников коликую они переносили алчбу и жажду, и как строго изможддали плоть свою, — как бы в чуждем телеси подвизаяся. Ты же и мало не хощешь поалкать — и кратко ленишся по поститься.

Возпомяни великомучеников: Георгия, Иоакова Персиянина, и четыредесять; Ирину и Екатерину мучениц. Перваго обували в сапоги с набитыми внутри гвоздями, колесом разтирали и железными ногтями терзали. Втораго по составам разсекали и обрезывали как лозу; третии в лютейшем мразе озера сподобились восприять венцы. Четвертыя железом были стужаемы и различными муками утомляемы.

Воспомяни Димитрия Прилуцкаго, который братиям поставлял на трапезы утешение; а сам только одну воду с малою просфорою вкушал. — Александра Свирскаго, который во время седмилетняго пустыннаго жития не видал ни одного человека, и во все сие время ел одну траву, какая там произрастала, но иту смешав с землею; иногдаже по нескольку дней ел одну землю. Зосиму Соловецкаго, которому во время оскудения пищи, за твердое его упование Бог послал двух юношей привезших ему масла, муки и рыбы. Евфросинию Суздальскую, которая постилась прежде от вечера до вечера, потом чрез день, наконец чрез два и три дни; иногдаже и всю седмицу без пищи пребывала принимая только мало воды, и говорила телу своему во время блудных помыслов: я тебя укрощу как безсловесное, и не только чрез одну, но и чрез две седмицы буду подавать тебе пищи и пития, и

трудами уморю тебя, дабы ты не питало в себе худых помыслов; и наконец постом, бдением, трудами и непрестанною молитвою, до того изсушила свое тело, что едва в нем могли держаться кости.

Возпомяни душе моя! Преподобнаго Сергия Радонежскаго строгое воздержание в пище и питии, превышающее даже силы человеческия. Во время жесточайших морозов, когда птицы померзали и земля разседалась, он как безплотный ходил в единой летней ветхой одежде; дни препровождал в трудах; а ночи в бдении и молитве.

Возпомяни Симеона Столпника, и нестерпимыя раны его покрытыя червями. Он во всю неделю пребывал без пищи, участок же своего хлеба отдавал нищим. Некогда будучи изгнан из монастыря вверг себя в безводный кладязь, наполненный разными гадами: аспидами, ехиднами, змиями и скарпиями, которыя при появлении его, все разбежались. Воззри на четыредесятолетнее его стояние на столпе, где он будучи без покрова, претерпевал все воздушныя перемены: дождь, снег и ветры. Летом опалялся солнцем, зимою померзал от стужи. Вспомни двухлетнее его стояние на одной ноге, от чего она толико загнила, что черви изпадали из оной, которых он собирая говорил: яждьте, яже вам Бог дал.

Возпомяни Архиппа, иже в хонех. Он 60 лет не вкушал ни хлеба, ни вина, и никогда не омывал тела своего; пищаже его была полевое зелие вареное без соли; но и сие вкушал однажды в неделю; мерою пил воду, но и то при крайней жажде; острые камни служили ему вместо постели. Не даждь ми Господи — говорил он — парадоватися на земле ни единаго дня, во все продолжение жизни моей.

Возпомяни душе моя! Антония и Феодосия Печерских. Феодосий никогда не возлегал на одре, но сидя принимал несколько сна; Ты же, краткаго своего правила, не можешь исправить без лености и дремания. — Пищею их были хлеб и вода. — Феодосий сверх келейных подвигов трудился для братии, шил клобуки, молол, рубил и носил дрова.

Возпомяни Паламона: сей, в который день ел, в тот непил воды; а когда пил, тогда уже не ел. Ианнина Преподобнаго, который нередко вовесь великий пост, и до самой Пасхи ни чего не вкушал. Григория Акрагантийскаго, который кроме суббот и недель ни чего не вкушал; безпрестанно занимался чтением Святых книг, и часто ночи проводил без сна. Стяжал великое смирение, дар

умиления и Иисусову молитву. Алексия человека божия, который оставя супругу и все имение скрылся и в рубище сидел с нищими в притворе церковном; постился от недели до недели; а иногда и чрез две ни чего не вкушал, и все нощи провождал в молитве. В доме отца своего 17 лет претерпевал от рабов своих разныя насмешки, поругания обиды и побои.

Возпомяни Феодосия Великаго, безпрестанно пребывавшаго в бдении, молитве и посте. Дорофея трудника Фиваидскаго, и подивись его жестокому житию: он 60 лет препровел в единой пещере; ночь и день находился в трудах. Днем, даже в полдень во время палящаго зноя собирал попустыне камни, делал из них келлии, и раздавал их неимущим. Когда же из сожаления к его древности убеждали его успокоиться и более не убивать своего тела, то он ответствовал: я для того убиваю свое тело, дабы оно не убило меня. Пищею его было: сухой хлеб и вода мерою. Ночи провождал в плетении кошниц, и тем доставал себе пропитание; никто его не видывал спящаго, или по обыкновению лежащаго на одре, разве только дремлющаго во время рукоделия, или во время вкушения пищи, так, что иногда и хлеб изпадал из уст его. Когдаже ученик просил его возлечь и хотя несколько принять сна, то он ему ответствовал: ежели ты убедишь когда уснуть ангела, то и я послушаю твоего совета.

Возпомяни Исаакия Печерскаго, коего пищею была едина просфора, и та чрез день, и вода мерою. Семь лет пребывал он не исходной в единой пещере, не видя дневнаго света, на одре не возлегал, но сидя принимал несколько сна. Когда же взят был из пещеры для служения братии, то он пожелал трудится на поварне. В церкви в жестокия морозы стоял не обутым, так, что и ноги его иногда примерзали к камню. Ты же душе моя, не можешь и единаго дня в келлии безмолвно посидети, и ежедневно ложась на одре, не можешь сна насытиться.

Возпомяни Иоанна Пустынника, который три года пребывал в непрестанной молитве, и во все сие время никогда не садился и не ложился; разве только стоя принимал несколько сна; когда же ноги его от долговременнаго стояния разселись, и начал из них истекать гной то Ангел Господень явившись изцелил его. Питался пустынным былием, и каждую неделю приобщался Святых таин; кроме же сего, не имел другой пищи.

Возпомяни душе моя! Иоанна Безмолвника, иже в лавре, который сорок лет провел в единой пещере не вкушая хлеба. Он некогда собирая зелия для пищи заблудился, и от изнеможения пал; Ангел же Господен перенес его опять в свою пещеру. Видишь ли, как ангелы Божии служат и вспомоществуют подвижникам, всем сердцем предавшимся в любовь Божию?

Где сила Святых изнемогает: там сила Божия их подкрепляет.

Возпомяни Дамиана пресвитера Печерскаго, который до самаго скончания своей жизни ничего не вкушал, кроме хлеба и воды. Иоанна препадобнаго, который затворившись в темной уединенной пещере, пребыл в ней в великом воздержании 30 лет, удручая себя постом, и ношением на всем теле своем тяжких желез. Сей будучи томим блуднаю страстию, чего не предпринимал для укрощения своей плоти? Постился чрез два и три дни; а иногда и чрез всю неделю не принимал пищи; не однократно томил себя жаждою, ночи проводил без сна; и в таких жестоких подвигах препровел три года; но чрез все сие блудным помыслам, и телесному разжению ни малаго не приобрел облегчения; наконец изкопав глубокую яму, засыпался землею до самых плеч и пребыл в ней 40 дней. Здесь попущением Божиим на пал на него страшный и лютый змей, дышущий пламенем и пожигающий искрами, стремяся пожрать его; и сие нападение делал злой дух не один, но многие дни, намереваяся изгнать его. Видишь ли душе моя! Сколько понесли трудов Святыя Отцы, для порабощения плоти своей духу? Ты же един день поста считаешь за неделю, и малейшия труды представляешь великим бременем.

Возпомяни Марка Печерскаго, который много пещер изкопал своими руками, износя землю на своих плечах. — Феофила, который принаступлении дня, говаривал сам себе: не знаю! доживу ли я до вечера? При наступлении же ночи, увы мне! с плачем вопиял: доживу ли я до утра? Многие вставши по утру, вечера не достигли; иные же возлегши, не вставали более с одра своего, но почили на оном вечным сном. С сею-то памятию смерти он каждый день сретал, безпрестанно пребывая в молитве, посте и слезах, и ежеминутно ожидал дня и часа смертнаго и от тела разлучения; от многаго плача лишился зрения, и наконец безмерным воздержанием толико плоть свою истощил, что даже можно было перечесть все кости его. В таких то подвигах он пребывал до

скончания жизни своей. А ты безпечная душа моя! Не только сама ни когда не подвигнешся возпомянуть о смерти, но и от других слышать об ней ужасаешься!

Возпомяни душе моя! Твердаго страдальца Гаведдая, и ужаснись слыша о его терпении, превышающем естество человеческое. Когда он приведен был пред мучителя, то сей повелел его бить четверым суковатыми палками, по изнеможении же биющих — начали бить другие. Святый же будучи биен по всему телу, твердо стоял в вере в Господа Иисуса, и велегласно проклинал ложную веру отцев своих. Тогда разъяренный мучитель повелел два ремня содрать от ног до главы его; по том разжегши железо, пронзить сквозь уши, от единаго до другаго и так бросить его в темницу. Где молящемуся святому явился Ангел, и изцелил его и изъял из ушей железо. На другой день мучитель увидев, что он здоров, более возпылал гневом и повелел железныя удицы вонзить в плеча его, с которыми святый пребыл до шести часов, и при всем том остался жив. Потом мучитель велел содрать кожу с главы, и покрыть оною лице его; исторгнуть зубы и ногти ручны и ножные, и повергнуть его в темницу как умершаго пса. После повелел извертеть ему вертежем ноги, и железными разженными молотами сожечь все мышцы его. На таковыя-то лютыя мучения изводили святаго из темницы пятнадцать дней; но не смотря на сие, мученик был жив, цел и здрав, что видя, ужаснулся даже и сам мучитель. Не вразумившись же сим чудом, но более распалясь гневом, велел ввергнуть святаго в разженный котел наполненный серою и смолою. Святый по ввержении воззрел на небо, и по молитве — святаго котел разселся; а он вышел из него здрав и невредим. После велел обнаживши святаго разпять его на древе, и стрелять в него; Но о! Великое чудо! Пущенныя стрелы, ни мало не вредя святаго обращались на самих стрелявших и уязвляли их. По снятии с креста, велел связать ему руки и ноги, и повергнуть в конское стойло, дабы в продолжении ночи попран был ногами коней; но и здесь он силою Христовою сохранен, и остался не вредим, На другой день, видевши его развязанным и здравым все удивлялись и для утоления своей ярости пронзали и опаляли разженными рожнами. Мученик — как был еще не крещен — видя приближение своей смерти, помолился Богу о крещении; и — се, явилось над ним облако на подобие тумана, и излило на главу его воду и масло. Из облака же слышан был глас: Се приял еси крещение рабе божий!

Наконец, мучитель истощившись в изобретении мучений, велел все тело святаго уколотить острыми деревянными гвоздьми. Святый пребыв несколько времени в сем мучении, предал дух свой Господу. Ты же, окаянная душа моя! При малейшей скорби, или болезни, смущаешся, сетуешь, изнемогаешь, и изыскиваешь все средства, как бы получить себе облегчение и отраду. Гаведдай, не такой ли же был человек, как и ты? Не тот ли же Бог существует и ныне, который помогал Гаведдаю переносить все скорби и мучения?

Возпомяни Феоктисту Лезвийскую, которая 35 лет провела в пустыне, претерпевая глад и жажду, мраз и солнечный зной; и во все сие время ни одного лица человеческаго не видала. Пищею ея было одно пустынное зелие и вода.

Возпомяни постника Стефана Цареградскаго, который в начале своего подвига единожды, или дважды в неделю вкушал одно зелие без соли, и в без престанной пребывал молитве; потом очистившись молитвою, и удостоившись приятия святительскаго сана; оставил его — скрылся в некую разселину горы, на подобие гроба, и там препровел 12 лет. В продолжении сего времени, спали власы с главы его и брады, выпали зубы, и все тело в совершенное пришло разслабление, так, что когда от туда изшел, то более был подобен мертвецу, нежели живому. В последствии пищею его было, по совершении божественной литургии едина ягода из овощей и не много воды. В таком строгом постническом подвиге, и жестоком умерщвлении тела, пребыл он 55 лет.

Возпомяни преподобную Афанасию, питавшуюся единым ячменным хлебом, и то по захождении солнца; масла же, рыбы, вина и других сладких брашен никогда кроме Рождества Христова и Пасхи — она не вкушала. Во весь пост всенощное совершала стояние на молитве, и более двух раз не принимала пищи; постелею ея были мелкие камни.

Возпомяни преподобнаго отца Виссариона, который 40 лет не возлегал на одре, но стоя и седя спал. Так же 40 дней и нощей ради некоего помысла пребыл совсем без сна. Виждь, и поревнуй душе моя! бдению, и не ссылайся на свои немощи.

Возпомяни великомученика Феодора Тирона, котораго после жестоких мучений распявши на кресте, стреляли ему в лицо, и вонзившияся стрелы исторгали с телом и глазами.

Воспомяни Мельхиседека, который 7 лет прожил в густом лесу без одеяния; от чего хребет его отвердел и оброс на подобие львиной кожи. Пищею его были дубовыя желуди, питие же — небесная роса, которую он лизал во все 7 лет для утоления жажды. Ты же сластолюбивая душе моя! Хлеб и воду считаешь для себя самого скудною и не достаточною пищею, и нетоль 7 лет, но и 7 дней не решаешься быть на хлебе и воде.

Возпомяни душе моя! Разговор двух учеников Афанасия Афонскаго о преподобной Евпраксии, как она будучи юною и слабою отроковицею сорок пять дней и нощей простояла и во все сие время не приняла пищи. И — как один из них удивляяся толикому ея терпению, решился поревновать ей. И так, когда он простоял день и ночь, то почувствовал, что вся внутренность его до самых колен разслабела. Он же, приметя здесь козни вражии, не покорился своим помыслам, что бы оставить предприятое, но начал продолжать стояние. Тогда по прошествии пяти дней и ночей стояния его, он почувствовал, что вся внутренность его изцелилась и укрепилась по прежнему. И таким образом он совершил трудное сорока-пяти-суточное стояние и во все сие время не принимал пищи. Ты же душе моя! Краткаго своего правила неможешь исправить не переходя с места на место!

Возпомяни, как Павел пришел к Антонию Великому и не отступно стучался у дверей его три дни; когда же Антоний вышел и спросил его, что ему нужно; то Павел ответствовал: что хочет принять монашеский образ. Антоний же ему: я здесь живу один; в пятый день принимаю пищу; ты же стар и не в силах понести таковых подвигов. Но естли хочешь иметь во всем послушание, без котораго не возможно спастися, то стой здесь и молись, пока я выйду к тебе и принесу рукоделие. Павел стоял неподвижно целую неделю, опалялся солнечным зноем и во все седмь дней пребыл без пищи; наконец Антоний вынес ему рукоделие. Павел после толикаго поста, как бы не чувствуя глада, принялся за рукоделие и сплел кошницу. Но Антоний не одобрил его рукоделие, и опять велел расплесть. По том велел сесть ему за стол, но пищи не касаться, хотя Павел и чрезвычайно был изнурен гладом. После велел служить братии и наблюдать строгое молчание; потом опять велел говорить; и так различными образами искушал его, до тех пор, как уведал, что он уже усовершенствовался, и начал производить

великия чудеса. — Вникни душе моя! Как драгоценно и необходимо для спасения послушание; тыже ни единаго послушания не исполнишь без роптания и отговорок, и ни единаго искусительнаго слова, не претерпишь от братии с молчанием.

Возпомяни душе моя! Св. Лествичника, сего мудрейшаго и ученнейшаго мужа. Подивись высочайшему и любомудрому его воздержанию: он при не описанных трудах своих и многих достопримечательных подвигах, хотя и все то вкушал, что постническаго жития уставом было не возбранно, однако, чрезмерно мало; и сим премудро сломлял рог гордости. Совершенное имело не стяжание; леность прогонял памятию смерти; тщеславие — редким изхождение из келлии. Сна толико принимал елико довлеет только к сохранению ума, за непрестанным бдением его не погубить. Прежде сна много молился и сочинял книги. — Вся же жизнь сего премудраго отца была непрестанная молитва, и чистая любовь к Богу, коею он чем больше насыщался, тем еще паче насыщатися желал.

Возпомяни Авву Варсонофия, который в монастыре, затворивши себя в келлии, проходил совершенное безмолвие — лица человеческаго не видя, и непрестанною молитвою с Богом беседуя. Когда проломали верх его келлии, хотя увидеть сего затворника, то изшедший огнь опалил любопытных. — Назидайся сим, и виждь, что ни место, ни пустыня, а сердечное разположение, составляют безмолвие.

Возпомни Исаака Сирина, который будучи сделан Епископом града Ниневии, и возшедши на престол свой, в самоскорейшем времени отказался от пастырскаго сана, и ушел в глубокую пустыню, где умозрительствуя, достиг до высшей степени духовной жизни. Подивись решительному его духу и утвержденному в боголюбии.

Возпомяни Петра Дамаскина, который обнищавши Христа ради, до толикой степени в нищете сей достиг, что не имел даже ни одной собственной книги; но прося у других, провождал в бдении и чтении целыя ночи.

Возпомяни Иоанна Дамаскина, глубочайшее смирение и самоотвержение. Он будучи сенатором, и ученнейшим мужем, жил в без условном послушании простаго и невежливаго старца, и великодушно претерпевал грубое обращение и укоризны братии. А ты, не только не пременил высокаго произхождения на униженную жизнь; но и простое хочешь возвеличить, и украсить любочестием.

Возпомяни душе моя! Василия Великаго, который кроме книг, единой рясы и власяницы ни чего не имел; частое имел бдение; спал на земле, и ни когда не умывался; пищею его было хлеб и вода. — Он царю, грозящему ему своею могущественною силою, так благоразумно ответствовал: «Я в житии моем со всем безопасен. Ссылки я не боюся, ибо всякую страну мира сего почитаю моею; имения меня лишить не можно, поелику у меня та власяница, в которой хожу, да несколько книг: разве ты потребуешь? мучить меня нельзя, ибо я почти совсем не имею тела, разве первый удар назовешь мучением? (смерть для меня не страшна, ибо я давно уже умер!)». — Вот мужественный дух святаго иерарха!....

Возпомяни Иоанна Златоустаго, который жил в толиком нестяжании, что не имел даже переменной одежды; нощи и дни проводил в сочинении книг; пищу по слабости своего здравия употреблял самую легкую; аимянно: мерою вкушал чрез день столченный и процеженный ячмень. Ни когда не пил вина — не езжал ни к кому на обеды, и не делал их у себя. Еженедельно по дважды говаривал поучение к своей пастве, в каковых изъясняя все непорядки, каковыя он усматривать мог, наконец беседовал однажды, о развращении женщин: враги его донесли о сем императрице Евдоксии, в таком виде, что Иоанн все слово свое обратил на ее щет. Сколько за сие нанесла она ему неприятностей и скорбей; а наконец была пружиною его изгнания и заточения, в коем он окончил непорочную жизнь свою? — Сколь много сей святый иерарх претерпел мучений в путях из заточения к заточению? На пути из Никеи в Кукуз, от чрезмернаго зноя и усталости в пути, и от безпрерывнаго почти лишения сна, он изнемог, и получил силную лихорадку. Не смотря на сие, ему должно было итти до глубокой ночи; притомже он имел совершенный недостаток в самонужнейших вещах, хорошем хлебе и чистой воде. — Также вели его под безчеловечною стражею в Пинтиунт (на берегу Чернаго моря) то вовремя несноснаго солнечнаго зноя, то во время дождя, и заставляли его итти не смотря на то, что платье его насквозь промокло. В таковом пути находился он без отдыха и перемены платья целыя три месяца. Почему здоровье его совершенно истощилось в Комане; однако стража не остановившись на месте, заставила его еще итти более двух миль: но он не мог итти далее, и слабость его так увеличилась, что надобно бы-

ло непременно возвратиться к месту, в котором почивали мощи Св. мученика Василиска. — На следующую нощь явился ему здесь Св. Василиск и сказал: «Не унывай брате Иоанне! Завтра мы будем вместе». По сем видении, Св. Иоанн просил стражей оставить его тут до одиннадцати часов; но неумолимые приставники, принудили его еще пройти несколько миль; при чем болезнь его увеличилась до того, что надлежало возвратиться к месту, с котораго пошли. Когда прибыли сюда — Св. Иоанн надевши белое платье, приобщился Св. Тайнам, и произнесши обыкновенную молитву свою: Слава Богу за все! И сказавши амин, почил о Господе, и преселился ко Иисусу Христу из изгнания своего, в коем терпеливо страдал три года и три месяца!

Зри на сие да поучаешися великодушному несению скорбей и гонений налагаемых во зле лежащим сим Миром!

Возпомяни душе моя! Макария Великаго Александрийскаго, который, о каком бы трудном подвиге не услышал, все то начинал сам исправлять. Семь лет назначил он себе ничего не вкушать такого, что приготовляется на огне, но в сие время ел одно зелие, или сочиво. Услышав также об одном черноризце, что он один фунт съедает хлеба в день, разломал свой хлеб, и вложил его в кувшин, дабы оттуда брать не более, что рука его могла вынуть по узкости отверстия кувшина. И таким образом питался три года, преодолевая тело свое в пресыщении. Потом вознамерился преодолеть себя во сне, вышел из келлии и 20 дней не входил в оную, пребывая хладныя ночи, и жаркия дни на открытом воздухе; но естли бы — как он сам говорил я еще несколько умедлил бы, и не вошел бы в келлию для принятия сна, то вскоре изсох бы мой мозг, и я не минуемо сошел бы с ума. Однажды Макария укусил комар: он почувствовал боль, убил его. Но после размыслив, разкаялся о содеянном, говоря самому себе: для чего я злом за зло заплатил, и отмстил насекомому за укушение, что бы легко можно было мне перенесть. За сие в наказание самому себе, вышел из келлии, и раздевшись сел в болоте, где комаров, и больших шершней, могущих нанести нестерпимую боль даже и диким вепрям, находилось безчисленное множество. Просидевши там шесть месяцев, и будучи изъ язвлен от главы до ног, и покрыт как бы некою корою, возвратился в свою келлию, где только по голосу узнали, что он Макарий. — Услышав некогда Макарий о строгой

жизни тавенисиатских иноков, возжелал видеть их подвиги и поревновать им. Для сего переменил свое монашеское одеяние на мирское дабы кто не узнал его, и пошел в упомянутый монастырь с тем, чтобы остаться в оном. — Когдаже он пришел к игумену (а игуменом там был Пахомий Великий, муж святый, искусный и имеющий дар прозрения — но в сие время Бог не открыл ему Св. Макария) и стал просить его, чтобы он принял его в монастырь и сделал иноком; игумен ему ответствовал: нет брате, ты уже стар и слаб; поститься не можешь — к трудам и подвигам не способен, а здешная братия ведут жизнь самую подвижную, и так, я наперед тебе сказываю, что ты не понесешь здешней жизни и в скором времени от сюда удалишся с ропотом и злословием. Макарий слыша таковой отказ от игумена, не отступал от него с своею прозбою; в 1-ю, 2-ю и даже до семи дней: и во все сие время находился без пищи. Приими меня отче! говорил он; ежели же я не понесу поста, или подвигов как твоя братия, тогда повели меня с безчестием из монастыря выгнать вон. Наконец игумен по советовавшись с братиею, принял его в свое общежитие, где находилось 1400 человек. Макарий по вступлении в монастырь, первым долгом для себя почел разсмотреть различныя подвиги каждаго инока; и увидел, что иной принимает пищу по захождении солнца; другой во второй день, иной в четвертый и пятый; иной стоял всю ночь, а день сидел и занимался рукоделием, и многие разные подобные сим проходили подвиги. Макарий же как наступила великая четыредесятница, заготовил себе прутьев, и став в едином угле своея келлии, во все 40 дней, даже до самой Пасхи ни хлеба не вкусил, ни воды не пил, ни колена приклонил, ни отверз уст своих для какого-либо слова, но только стоял и плел кошницы, внутренне моляся Богу. Постники увидевши таковыя не померныя его подвиги, возстали с негодование на игумена и говорили: откуда ты привел нам на осуждение сего безплотнаго? Или его вышли из монастыря, или мы все разойдемся. Игумен услышав о житии, не давно принятого им мирянина, вопросил в молитве Бога о сего имени; узнав же, что он Макарий, взял его за руку и ввел в церковь. Для чего ты говорил ему — сокрыл от меня свое имя? Сколько времени я желал тебя видеть, слыша о твоей жизни? Благодарю тебя, за твое благонамеренное к нам пришествие, и за твой назидатель-

ный пример, которым много смирил мою братию, кичущуюся своею подвижною жизнию. Теперь поди с миром в свое место, и молися о нас грешных.

Ты же душе моя! Ни мало не противишся сонной сладости, но как только почувствуешь дремоту, тот час делаешься ея пленником, и отводишся на одр свой. Комары и шершни, не могли отторгнуть Макария от собеседования с Богом, ты же, от укушения единой блохи смущаешся и безпокоишся.

Возпомяни душе моя! Св. Арсения Великаго, из очей коего, как из двух источников безпрестанно изтекали слезы. Вспомни глубочайшее его безмолвие, возхитительную молитву, не изреченное смирение, умозрительную и воздержннейшую жизнь, и конечное боголюбие, ибо когда его останавливали для собеседования, то он ответствовал: как я могу оставить Бога и беседовать с человеками!

Возпомяни и о сем, как Пахомий Великий, при многом воздержании, бдении и труде 15 лет сидел посреди келлии, не приклоняя к стене хребта своего; и с того времени, как принял иноческий образ, не ел в сытость хлеба, не пил воды, или иного чего от земных.

Возпомяни Макария Римлянина, питавшагося дубовыми верхушками, и многих раивских Отцев, темже питавшихся.

Возпомяни Илариона Великаго, как он постом изнурял тело свое, и крепко в молитве бил перси свои, дабы отгнать безчинныя помыслы. По пятнадцати смоквей вкушал на день по захождении солнца; но видя мало пользы от сего поста, говорил телу своему: я тебя как безсловесное животное умучу, дабы ты не производило более скотских помышлений; не хлебом уже буду тебя кормить, но травою; жаждою и трудами умарю, зноем и мразом изнурю. Потом уже не каждый день, но чрез три дни вкушал несколько былия, и меньше пятнадцати смокв; дабы изнурительным постом и тяжкими трудами совершенно истощить телесныя свои силы, и недействительными зделать скверныя помыслы; наконец копал землю, подобно Антонию Киево-Печерскому, и до того изнурил свое тело, что едва кости могли держаться в изсохшей плоти. Сим оружием от побеждал страсти и худыя помыслы, с коими война, во всяком богоугождающем, простирается до гроба; и нельзя иначе соединиться с Богом, покуда не умертвится совершенно плоть; что

и производится самоотвержением и изнурением жестоким. А ты душе моя! Едва почувствуешь какую болезнь, и изнеможение, или увидишь, что тело твое худеет, то сколько скорбишь и безпокоишся? Как будто ты в нем лишишся не только временной но — и вечной души.

Возпомяни Иова многострадальнаго, в самое краткое время лишившагося детей, скота и всего имения своего; наконец самого пораженнаго лютою болезнию, сидящаго на гноищи, не имеющаго дневнаго пропитания. Кто б на его месте не поколебался в вере? Кто б не возстенал и не возроптал? Но он, при всех сих нашедших бедствиях за все благодарил Бога и утешал себя сими словами: наг изыдох из утробы матере моея наг и отъ иду. Господь даде, Господь отъять: буди имя Господне благословенно в веки.

Возпомяни Филимона отшельника, который в продолжении ночи прочитывал весь Псалтирь, Песни пророческия и единаго Евангелиста; днем же читал по уставу из Евангелия и Апостола. Таким образом все время проводил во чтении и молитве; от чего во многих бывал видениях, во время коих даже не помнил на земле ли он был, или нет. Вкушал чрез день один хлеб и соль; об теле же не имел никакого попечения. Может ли — душе моя! человек мятущийся и занимающийся житейским попечением, понести такое правило?

Возпомяни Симеона Дивногорца, который совершенно вознерадел о своем теле, ангельское провождая житие. Он прочитывал иногда по 50 псалмов, иногда по 80; иногда же и всю Псалтирь; и так весь день провождал в славословии божием, и молитвах к Богу и пречистой его матери Св. Деве Марии. От безпрестаннаго стояния согнили и возсмердели ноги и бедры его. Наконец чрез преспеяние в постническом подвиге, сподабился причащаться в каждую неделю от самаго Ангела.

Возпомяни душе моя! Антония Великаго, который от чрезмерной любви к Богу, стенал по вся дни о небесных Его селениях, не радя же опродолжении своей жизни, вкушал однажды по захождении солнца, иногда чрез два, и часто чрез четыре дни, один только хлеб и воду. Спал на рогозине, или на голой земле. — Македония, который уклоняяся шума и мятежа мирскаго, 45 лет не входил в хижину, но жил на открытом воздухе в глубоком рве. Под старость, когда уже силы его ослабели 25 лет жил в

небольшом шалаше. — 40 лет питался одним ячменем и водою. Всего же времени подвижничества его 70 лет.

Возпомяни Иоанна Крестителя, сего великаго светильника, и разсмотри, что его возвело на толикии степень совершенства и ангельской чистоты, что он сподобился крестить по плоти самаго Господа славы Иисуса Христа? Ни что иное, как уединенная и строгая постническая жизнь. Он жил в пустыне дикой и безводной, где не произрастало ни травы, ни каких либо произрастений и овощей, но единые возвышались камни и горы. Укрывался в пещере, им ископанной под камнем, где вместо стола и постели, служила ему голая земля; одеяние его было: власяница и кожаный пояс; пища — акриды и дикий мед единожды в день, питие — из камня текущая вода.

Возпомяни душе моя! Марию Египетскую, и подивись решимости и твердости духа жены — сего слабаго сосуда. С тремя хлебами удалилась она в пустыню Иорданскую, и 47 лет скиталась по ней как дикий зверь, не имея ни пищи, ни одеяния, ни постояннаго убежища; и во все сие время не видала ни единаго человека. — Когда я начинала вкушать пищу — говорила она Зосиме — то приходили мне на мысль мясо, рыба и вино, коими я пресыщалась в Египте; но как здесь я ни чего сего не имела, то в горести и терзании повергалась на землю, плакала и рыдала целые дни и ночи. И в таких-то мучениях провела я 16 лет, безчисленныя претерпевая озлобления от плоти своей. По прошествии же шестнадцати лет, даже до сего дня, не отступною моею помощницею соделалась Пресвятая Богородица. Откуда ты доставала себе пищу, спросил Зосима? В 16 лет я питалась тремя оными хлебами; а когда оные изошли — я питалась былием, или что только находила в пустыне. Одежда, в коей я пришла, вся изодралася и изтлела. Ах! Сколько я претерпела нужды во время жаркаго лета и хладной зимы: летом погорала от солнца, и изтаявала от жажды; зимою померзала и тряслася от стужи и дождей. Часто случалось, что я от нестерпимой стужи падала как бездыханная на землю, и долго лежала без всякаго движения. — Увы! Безпечная душе моя! Не легко достается царствие небесное, как сама ты видишь из повествования преподобной Марии. — Падала ли ты когда от изнеможения, нужды и скорби, царствия ради небеснаго? Ах! Ты иногда только падаешь на одр от лености

и пресыщения, щадя свою плоть, дабы она не истощилась и не изнемогла. Но для чего ты нежишь ее, покоишь и сберегаешь? Остерегайся, что бы она разсвирипев не возстала на тебя.

Возпомяни Андрея Христа ради юродиваго. Он однажды по молитвах за снув, увидел сон: будто он находится в царских палатах, где царь подозвавши его к себе, говорит ему: «Хощеши ли мне работати всею душею, и сотворю тя, да будеши ты един от славных в палате моей?». Андрей отвечал ему: кто отрицается от добраго; я с охотою желал бы служить тебе. — Царь: и так, естли ты желаешь, то приими снедь, которую я сам приготовлял. Сказав сие, дал ему нечто белое на подобие снега. Андрей взял и съел; и почувствовал толикую сладость в устах своих, что даже и объяснить сего не возможно, или уподобить чему либо. По снедении просил у царя еще тагоже. Царь и еще ему дал не много, только не того же, но другаго. И когда он съел, то почувствовал такую горечь и противность в устах своих, что даже и прежняя сладость начала возмущаться во чреве его. Царь увидевши, что я возмутился, сказал мне: видишь ли как трудно претерпевать горькую снедь, которую я тебе дал для того, что бы ты чрез нее выразумел совершенное мое служение. Это-то и есть узкий путь, в водящий в царствие небесное. Нет владыко! Сказал блаженный, горька сия снедь, кто может вкушая такую пищу работать тебе? Ты только горькое помнишь — сказал царь — а о сладком не упоминаешь. Я дал тебе прежде сладкое, а по том горькое. Так владыко! Но ты сказал, что горькое изображает скорбный и узкий путь в Царствие Небесное? — Нет, не чрез одно горькое лежит путь, но между горькаго и сладкаго: Например, когда ты борешся со страстями, или претерпеваешь болезни и скорби, то это есть горькое; а когда ты чувствуешь в себе радость и успокоение, это есть сладкое, посылаемое от меня для облегчения страждущих. И так не всегда бывает одно горькое, и не всегда сладкое, но по переменно, то горькое, то сладкое. И так, дай верное слово, хочешь ли служить мне? Что бы я твердо уверен был. Андрей будучи в нерешимости, обещаться, или нет, наконец сказал ему: дай мне опять вкусить тойже снеди, и я отведавши скажу тебе. Царь ему дал прежде горькое, а потом сладкое. Андрей боясь горькаго сказал ему: не могу владыко служить тебе, естли служение пред тобою так горько и тяжко. Царь улыбнувшись вынул из недра своего нечто блестящее на подобие огня, весьма благоуханное и прекрасное

видом, и сказал ему: возьми и съешь, что бы забыть тебе все, что ты здесь видел и слышал. Когда же он съел, то почувствовал неизъяснимую сладость и веселие в сердце своем и от сильнаго благоухания пришел на несколько времени как бы в забвение и изступление. Потом пришед в себя, пал к ногам великаго царя и умолял его: помилуй мя владыко всеблагий, не отрини мене от себе — раба твоего! Яко уразумех воистинну, что вельми сладок есть путь работы твоея; кроме убо тебя, не подклоню выи моея никомуже. Наконец царь сказал ему: Сему ли ты вкушению удивился? Поверь мне воистинну, что сия сладкая снедь, из благ моих есть самая худшая. Но ежели будешь мне служить всем сердцем, то все мое твое будет, и соделаю тебя моим другом, причастником и наследником Царствия моего Небеснаго. После сих слов Андрей блаженный проснулся. — С сего времени начал проходить Св. Андрей труднейший подвиг своего юродства; когдаже начал юродствовать, то все презрел и остался почти наг; не имея ни одеяния, ни обуви, ни пристанища. Случилось тогда настать самой лютейшей зиме, так, что все жители той страны от жесточайшаго мраза и сильнаго ветра, не знали куда скрыться, и были под опасением неминуемой смерти; а Андрей всие время без обуви и одеяния не имел, где главу приклонить! О! Сколь чудно сохраняет Господь своих угодников! Андрей на то время обмер, и восхищен был верай, где видел красоту райскую и сладкое пение птиц. По прошествии двух недель, когда утих сильный ветр и мраз, он опять ожил и пришел в себя. С тех пор все ночи начал он провождать без сна, немолчное принося славословие Богу. Во весь день скитался по торжищу — шатался как пьяный. В полдень, при наступлении палящаго зноя валялся на дороге, показывая себя безчувственно пьяным, но в самом деле, томился гладом и жаждою; иные попирали и толкали его ногами иные палками пробивали ему голову, другие терзали его за волосы, иные влачили его за ноги и разныя тому подобныя наносили ему побои и оскорбления. А ты душе моя! Не только наготы, жажды глада и ран не претерпеваешь, но даже и единаго оскорбительнаго слова перенесть не хочешь. Как же ты намереваешься спастися и получить жизнь вечную? Обманываешь себя окаянная!...

Возпомяни Петра Афонскаго; он изыскал себе пещеру самую дикую, темную и неприступную, заросшую кустами и деревьями, где гадов и пресмыкающихся гнездилось безчисленное множест-

во; а вместе сними и бесы водварялись, как обитатели пустынных мест. Но Петр Афонский не взирая на все сие вселился в ней и начал возсылать ко Господу Богу теплыя свои молитвы. Когда же он по входе своем в пещеру неделю и более не вкушал пищи, то сатана возненавидя подвиг его терпения, собрал все свое бесовское воинство вооруженное стрелами и луками и вошел к святому в пещеру, дабы устрашить его привидением. Между тем другие, находившиеся вне пещеры, с шумом и сильным воплем катили на него с верху огромнейшие камни; иные стреляли в него; другие оглушали громогласными криками, иные устрашали зверообразными видами. Взирая на все сие святый, и не теряя присудствия духа, возкликнул громогласно: Господи Иисусе Христе Боже мой, не оставь мене! И вдруг все слышанное и виденное им утихло и исчезло. По прошествии 50 дней, бесы вооружаются опять и воздвигают сильнее прежней противу его брань, и уже сатана не одних собирает бесов, но берет в пособие и гадов и пресмыкающихся и зверей находящихся в горе той, и вместе с ними приближается к пещере; иные из них подходили с сей стороны, другие с другой; иные разверзали пасть стремяся живаго пожрать праведника; иные скакали и прыгали, иные свистали, другие устрашали сверкающими глазами. Но праведник сотворивши молитву, прогонял их знамением креста, пред коим вся сила вражия как дым и мгла исчезала. В таких-то подвигах препровел он 53 года не видя ни одного человека. На конец и мечтания бесовския все изчезли от него. Пищею его была манна, показанная ему от ангела; прочаго же ни чего не имел; ни одеяния, ни обуви для защищения от нестерпимых жаров и жестоких морозов. — Дикая, темная, глубокая, сырая, обросшая мохом и тернием пещера, избранная Петром Афонским, наполненная заразительным воздухом, и преисполненная ядовитыми гадами, и пресмыкающимися, не обличает ли тебя душе моя! В выборе веселой, сухой, светлой, теплой и пространной келлии твоей, которая должна быть знаменованием гроба? Сухое, отверделое, очерненное, обгорелое от солнца тело, не имеющее почти образа человеческаго, не обличает ли тебя в пресыщении, изнеженности опрятности и врачевания твоего тела? — В ношении дорогих, теплых покойных и нарядных одеяний? Увы! Душе моя! Воздержись хотя несколько в твоих прихотях и попечении о теле твоем; ибо наружность имеет великое влияние на внутреннее.

Возпомяни сверх естественные и не слыханные подвиги Св. Марка Фраческаго. 95 лет провел я — разсказывал он о себе Серапиону — в малом и темном сем вертепе; и во время сие не видал ни зверя ни птицы, ни какого-либо животнаго, ни пищи человеческой вкушал, ни одеянием человеческим не одевался. Первыя 30 лет провел я в великой тесноте и нужде, претерпевая глад, жажду, наготу и козни диавольския. Не находя здесь ни источника, ни древа, ни былия, ни какого-либо корня принужден был есть землю, от нестерпимого глада, и горькую — морскую пить воду, для утоления жажды. 20 лет из тех, ходил я совершенно наг и бос. Солнце пожигало меня до того, что я не редко падал ниц на землю, и лежал как мертвый; от мраза же даже отпадали составы от плоти моей. И собралось на меня полчище бесовское даже до тысящи, намереваяся потопить меня в мори. Влекли и били меня так что содрали кожу, и растерзали всю плоть мою: изыди, громко восклицали все, изыди из нашей земли! Здесь от начала мира никто не обитал; а ты как дерзнул вступить в наши пределы? По прошествии тридцати лет, и до селе, Божия благодать не отступает от меня, и пища не оскудно приносится мне от ангела каждый день. — Всех лет жития его было сто восемь.

Возпомяни Онуфрия Великаго. В начале моих подвигов, как он сам о себе поведал — сколько я претерпел нужды от алчбы, солнечнаго жара и нощнаго мраза; от чего даже плоть моя изменилась, и я ежеминутно ожидал смерти. Во все шести десяти-летнее мое здесь пребывание, я не видал ни одного человека. Пищею моею были финики, кои я вкушал с пустынным былием. Сие финиковое дерево, каждый год приносит мне 12 ветвей с плодами, на каждый месяц по ветви.

Возпомяни Темницу, и тех добровольных осужденикoв, о которых пишет Иоанн Лествичник: иные из них чрез всю ночь, до самаго утра не подвижно стояли, горесно со сном и естеством боролись, не давая себе ни малейшаго покоя; при малейшем же ослаблении ругали себя, безчестили — злословили и тем пробуждали себя от сна; иные смотрели на небо, и от туда со стенанием и воплями, просили себе помощи; другие стояли на молитве с связанными назад руками и с преклоненным к земле лицем, считая себя недостойными возвести очи свои на небо, или провозгласить какую либо молитву, ради недостойных своих мыслей и угрызе-

ния совести; иные сидели на полу во вретище и пепеле, и закрывая лице свое коленями, челом своим ударяли о землю; одни из них орошали слезами пол; а другия не имея слез сами себя били; иные о душах своих, как по мертвецах рыдали; иные на подобие львов, сердцем своим рыкали, но вопль и стенание удерживали в устах; иные зноем себя изнуряли, другие мразом себя мучили; иные несколько воды непив, переставали от пития, дабы только от жажды не умереть; другие вкусивши не много хлеба, отвергали оный своею рукою, считая себя .недостойными пищи человеческой; у иных от частых и жестоких коленопреклонений видны были на коленях жесточайшие мозоли, очи у них были померклые, ресниц лишенные, и глубоко впадшие, ланиты уязвленные, лица сухия и бледныя, не разнствующие от мертвых, перси от ударов посиневшие, так, что от крепких по оным биений извергались чрез уста кровавыя мокроты. — Где было уних врачевание? Где была тамо постеля? Где чистая или твердая одежда? Все одеяние их было раздранное и гнусное, и скнипами покровенное. — Сколь ничтожно злострадание беснуемых, в разсуждении оных страстотерпцев? Сколь малорыдание, бываемое над мертвыми, в сравнении здешних слез? Колико разнствует их состояние от изгнанников? Колико превышает самых тех, кои в уголовном деле повинны? Поистинне, всякое таковаго роду людям наложенное против воли их мучение, всякая казнь есть ни что, вразсуждении здешних добровольных страданий.

Внимай сему душе моя!...

Сказание о дивных случаях, монаха Василиска, при прохождении внутренной Иисусовой молитвы, писанных в оное время учеником его — монахом Зосимою.

Оный монах Василиск — простейшии старец Сибирской пустыни, достигший во глубину внутренной молитвы чрез научение симоновскаго иеросхимонаха Алексия. Имел при себе ученика из дворян монаха Зосиму, кончившаго жизнь 1833-го года в лесу под Боровском, который и написал сии видения старцевы, собственным достовернейшим образом и штилем...

Повествование ученика о старце, то есть о духовном его наставнике, и о внутренних молитвенных в нем действиях.

Благословением, и благодатию, и человеколюбием, Господа нашего Иисуса Христа, спадобихся аз грешный от уст старца моего слышати, еже он (любве ради моея к нему) не утаевая открывал ми грешному, о действиях с ним бывающих во время сердечной Иисусовой молитвы, в ней же он пред успе о Господе нашем.

О первом действии

Егда он мой старец познав о сей сердечной молитве, зане прежде о ней не веде, вельми порадовася яко таковое внимание есть средство удержати ум в молитве и в единых Божиих размыслех коснети. И тако нача вней подвизатися, до толика, яко многащи в великое изнеможение от долгаго в ней понуждения приходити ему. И чрез то наводя сердцу болезнь велию, до толика, что уже невозмогая более не токмо в сердце производити молитву, но ниже ходити, ниже стояти, ниже сидети, от несносныя боли сердца. Но долго время лежа на одре едва болезнь от него отхождаше, и пришедши мало в силу паки в ней же сердечной молитве упражняшеся зельне нудяся. И виде чрез то упущение чтению, и пению псалмов, и недоумеваяся: угодно ли сие Богу таковое его моление в седении. И вельми о сем смущашеся. Зане не имел другаго стаинника, с ним же бы имел о сем разсуждати, токмо единаго мя грешнаго. Приложил великое воздержание в пище, и сне. И усердно

помолився о сем, дея паки по обычаю, и абие внезапу излияся в сердце его неизреченная сладость и любовь к единому Богу, и забыв вся века сего. И вельми о сем необычном утешении он удивился, яко же сам поведа ми недостойному. Толико рече: бых услаждаем и утешаем, яко не мнех быти более в царствии небесном, и оттоле бысть ему разныя действа и чистая молитва.

2-е. Иногда при чистой молитве яко что весма хорошее ясть.

3-е. Иногда яко что изливается вон со сладостию из сердца.

4-е. Иногда кипит в сердце от чрезмерной сладости.

5-е. Иногда чувствует себе тако легка яко воздушна, и яко бы летающа утешно.

6-е. Иногда разсуждая о сладости и утешении яже бывает ему, и непщева яко сам себе только утешает, а не Богу молится. Зане ум его в сердце, а не в небесах пред Богом предстоит. И абие восходит к Богу вознести, и се зрит ум свой яко облак подобием. И возлетающь на небо к Богу, и тогда в сердце уже нет молитвы дондеже ум возвращься паки в сердце внидеть. Но точию едина сладость утешительная в сердце ощущалась.

7-е. Иногда размышляя о словесах Господних во Евангелии яже жене самаряныне глагола: иже пиет от воды юже аз дам ему невозжаждеть во веки: будет в нем источник воды текущ в животе вечный! И от сего размышления сладость велия изливается в сердце его.

8-е. Иногда и о других во Евангелии повествуемых словесах размышляя ощущает подобныя же сладостныя действия. И потому ради множества оных и сходственности незаписывах.

9-е. Иногда чувствует всего себе в молитве. То есть во всех у десех и частях, и членах молитву саму о себе творящуюся. И внимах действию оному не отторжен был от простертия к Б[о]гу. И о сем удивляяся утешашеся. И таковое действие бывало с ним неоднократно.

10-е. Иногда седя долгое время в единой точию молитве углублен яко часа четыре и должае, и абие внезапу возчувствует не приуподобленную радость, услаждающую, таковую что уже более и молитвы не творит, но только чрезмерною любовию ко Христу пламенеет.

11-е. Иногда от великаго внутренняго духовнаго о Бозе радования и многия чувствуемыя в сердце сладости и любве безмер-

ныя, чувствует ко Христу, недоумевает коими словесы именовать Господа нашего Иисуса Христа. Ибо сею молитвою глаголемою Иисусовою, мнится ему мало именовати тако, и о сем жалея и болезнуя, яко не весть како именовати, бывает без молитвы, то есть: глаголы молитвенныя утаеваются, и не видятся, а только едина сладость зельно кипит, и обуревает внутри сердца его, и от чрезмернаго врения преизливается вон из сердца подобием аки рекою.

12-е. Иногда потщится вообразить в сердце Христа Господа младенцем, и абие весь сладостию исполняется.

13-е. Иногда от великия молитвенныя сладости, и за утешение многое пребывает седя во внимании умнаго чистаго моления до шести часов, и более.

14-е. Иногда, от чрезмерной любви ко Господу Богу, и свое помышляя недостоинство сами из очей слезы умилительныя точатся.

15-е. Иногда, нестерпевая многия внутренния сладости: и аки оживотворительныя некия духовныя радости внутри сердца слезы испущаются обильно.

16-е. Иногда приходит сицевая сладость, не токмо сердце наполняет, но и все члены и сотавы преисполняет, и вовсей крови аки кипит, и несть того места, в немже бы не чувствовалося таковая чуднодействующая непостижная сладость, до толико что сердце от нестерпения делается трепетно.

17-е. Иногда не токмо сердце трепещет от таковыя безмерноумноженныя неизреченныя и нестерпимыя сладости, радости, и распаления любве к Богу, но и все тело трепещет и колеблется подобием именуемыя трясавичныя, и лихорадочныя болезни но безболезненно: и так сильно колеблется всем телом, что едва сидети может.

18-е. Иногда при таковой вышесказанной утешительной сладости и трепете сердца, и всего тела, уже не имеет молитвы, и уже силы молитися, или власти ее производит. Кольми паче тогда отрешен от всех помышлений века сего. И бывает уже без всего, токмо единою утешительною сладостию весь аки облиян, или аки погружен. И тако весь чисте превзять и углублен в любовь Божию.

19-е. Иногда сам дремля, или по обычаю спя, но молитва сама собою в сердце усладительно действует, и явственно, сиречь чисто в сердце гласит.

20-е. Иногда со иными разглагольствует, и разсуждается некое уважительное, такожде когда ясть, и пиет, сидит ли или ходит, а молитва непрестанно услаждая в сердце сама творится.

21-е. Аще когда вопрошах старца: како имать молитву, и извествоваше тако сказуя: ныне не вем аще бы когда молитва в сердце не творилася.

22-е. Толико ему от Бога сия молитва даровася, яко единожды восхоте искуситися, и пребысть в ней 12 часов, не востая и не преставая бодрственно, и не только не отягчися ниже изнеможе ниже стужи ей: но сладость молитвенная может быть еще продолжаяся удерживала бы его долее, естлиб я ему не прервал приходом моим. И видел его лицем измененна, умиленна и обрадованна.

23-е. Иногда толикая радовательная сладость и утешение палящее любовию Божию впадает в его сердце, так что недоумевает: какими словесы изъяснить; или к чему привменить; потому и утаенно от меня недостойнаго.

24-е. Иногда наивеличайшею любовью ко Христу, и сладостию объят будучи от сильнаго онаго действия, ощутительно чувствует яко самаго Господа во образе младенца Христа в сердце своем, его же умне обзирая обьемлется умилительне радовательным утешением.

25-е. Иногда от превеликия ко Христу любве, и от неизреченныя сладости, радости со утешением и от таковаго совокупления из сих сильных ощущений действия, уже немладенствующаго но в совершенном возрасте, яков бе пребывая на земли, чувственно обьемлет в сердце яко други Христа Господа. И сие действие находит не от воображения: ибо он будучи вельми смирен, никогда не дерзал помышлять о сем: что бы явился ему Христос Господь Б[о]г.

26-е. Иногда из всех жил и составов и костей, зело ощутительно и явственно яко некия источники безмерной сладости текут в сердце, со извещением: яко сие ему от благодати милостию Божиею. И хотя от великаго своего смирения не принимал, но и отвергал оное, но и не вольне ощущал таковое извещение.

27-е. Иногда из сердца подобным образом изливается таковая же, и с таковым же ощущением во все члены жилы и составы.

28-е. Иногда седя углубляяся в молитве побеждается естественным изнеможением. И усыпает тонким сном, бывает в видениях различных духовных, от них же из многих сии памяти достойныя. Зрить яко носит младенствующаго Господа нашего Иисуса Христа,

и повелевается ему едино сие имети дело еже носити Христа, дондеже возрастет, то есть: во всю жизнь до смерти, хотя и прияти имать его ради поношение, но он Господь хранит его. И тако пробудяся от радости и любве и благодарности к Богу, многия надолзе проливает слезы. Иногда созерцает яко рай, то есть; утешныя несказанныя красоты, жилища, и домы, и места; и возбудившись умилительнейше много слез испущает.

Такожде иногда видит страшныя разновидныя позорища и мучительная места, и муки. И возбудясь сокрушенно печалуя, на долзе плачет.

В таковых сонных видениях, иногда зрит аки откровением будущая быти имущая грешным, и праведным воздаяния, но обоя зная недоумея изъяснить: сказуя неисповедимы та быти. Грешных за страшную ужасть, и нестерпимую мучительную лютость. А праведных за пречудную славу и неизреченную сладость. Иногда же пред'узнавал, и некоторые перемены в своей жизни, и других отцев, которыя по времени и исполнились.

29-е. Иногда от долгаго седения возболит сердце, и сам весь изнеможет и уже не чая получити некоего действия бываемаго от молитвы, ниже возмогая долее молитву продолжать. И се вдруг нечаятельно нападет действие молитвы с неизреченными утешении, и ту абие вся болезнь изчезает, а бывает здрав в сердце и мужествен во всем теле. И молитва чистейшая истекает с ясным выражением молитвенных слов.

30-е. Иногда весьма жадает и крайне тщится изобрести сицевое некое божественное размышление, имже бы возмог произвести в себе молитвенное действие. И того ради усильным вниманием чистейше внемлет умне простертием к Богу внутрь сердца своего но все таковыя усилия свои видя тщетными, извествуется: что бываемыя с ним действия происходят не иначе как по милости Божией.

31-е. Бысть единожды яко свет осенял над главою его и распространяясь простирался к небесам и по оному свету аки цветы являлися на подобие прекраснейших польных маковых цветов. Ибо не весть чему оныя приудобити [и не возможе отнюдь тогда молитвы производити] но оть чрезмерно усугубленной сладости, аки сильно вреющейся и кипящей в сердце и во всем теле, и от нестерпения, великия сжимания творит. И не стерпевая оной сладости множества аки в изумление прииде, ожидая: что после сего

последует. И нача утихати и умалятися видение света. И по утишии всего света, паки аки во время мраза нестерпевая иной нападшей сладости, но все тело и в сердце такожде крепкия сжимания производил. И се вящше, и вящше нача услаждать умножаяся и сердце аки бы распространилось в подобие великаго горна, и наполнилось аки жара огненнаго. Чему удивляяся и недоумевая что творити, и приложил перст правыя руки к сердцу. И абие перст приложенной опалився весьма болезненно, того ради отьяв руку прочь. И размышляше в себе что будет далее, и думая о сем, абие аки овлако мрачное нача около онаго жара находить. И се видя, тако помышляшеся ему, видно уже более мне от милости Божией ничего недается, и отнято все от меня грешнаго. И тако стала более умножатся темность, и по сем все изчезло, и молитва со сладостию преста, и долго седя нетворилась молитва. И едва паки пошла по обычаю, но и по востании от молитвы несколько времени дней чувствовал болезнь в персте подобием от опаления бываемаго от приложения чему нибудь разженному. Но не токмо бывшей в сем действии сладости отменной ни к чему невозможно приуподобити, или как изъявить и наименовать, но и в прочих действиях бываемыя услаждения иначе изъяснить не может, как только именует сладость.

32-е. Во время услаждающей молитвы чувствует иногда аки некое благовоние, хотя и тупое обоняние имеет по естеству: но во время молитвы ощущает весма благоуханно, наподобие некиих благовонных духов, и ароматных цветов, и ягод, или благовоннаго меда. И еще явственнее хотел бы изъяснить ощущаемое им благовоние, но не весть к чему приуподобит. И бо показуется ему душистее и приятнее многоценнаго мира, и сие по часту ему бывает.

33-е. Толико дадеся ему от Бога в сердце действовати сей молитве, тако почти все время, в нощи, и во дни, в ней провождает того ради и всякое рукоделие остави и умали.

34-е. А иногда потребы ради некия востает от седалища, хотя окончати стоя свое моление обычным малым чтением: и тщится вниманием ум свой удержати во глаголех прочитываемаго, но не может. Понеже сама собою молитва, Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй мя грешнаго, говорится внутрь сердца, явственно и часто со услаждением и нечувственне, аки не вольне отводя память от чтомаго им влечет ко вниманию своему.

35-е. Иногда бывия празден, и стоя думает кое бы дело делать. И абие чувствующуюся в сердце со услаждением молитву и аки влекущую, ею единою занимается.

36-е. Бысть единожды пожела от любви мучим быти за Христа. И во оное время на действии в молитве воздремав, и видит яко сего довлеет ему, аще будет плакати и скорбети.

37-е. Иногда таковой бывает во всем телеси, а наипаче в сердце трепет от великаго кипения, в сердце и во всем теле, аки волнующейся сладости, так что едва от сильнаго колебания возмогает седети на своем седалище. И до толико умучится чрезмерным колебленным трепетанием действующимся от несказанной оной сладости и радости и утешения происходящаго от любви наичувствительнейшей ко Христу, и от иных недоуменных новых чудных, и уму непостижимых и не вместительных услаждений, так что уже и главы своея не в силах содержать на выи обычно, так же равно руце и нозе от слабости по престатии трепета имать ощущенныя: глава же аки привязанная и лишенная собственныя силы отнюдь не может быть утвердительна в своем положении, но от слабости на все страны опускается. Но поутишии вскоре, и аки вдруг отходит слабость оная от него, и делается во обычном положении своея силы и крепости.

38-е. Иногда будучи одержим безмерною сладчайшею ко Христу любовию, ощущает аки чувственно самаго Господа нашего Иисуса Христа, в подобии человеческом во своем распространенном сердце, и аки его лобзанием утешиется, и тем прохлаждает страждущее необычно сладостию сердце свое.

39-е. Иногда бывает аки поражен нестерпимою сладостию так что неведая каковыми словесы изъяснить свое страдание. Рече: яко бы копием пронзенно сердце. Сколь же несносна таковая болезнь и нестерпима всем известно: столь нестерпимую сладость, и радость самоутешительную ощущает он во своем сердце. От чего и приходит во оно время вне себя.

40-е. Единожды лежа на обычном своем прискорбном одре, со вниманием по обычаю своему производимой от него молитвы. И внезапу вдруг возчувствовал в сердце, и во всем себе паче всех прежде бывших ему сладостей, сладчайшую сладость, от чего и усумневаяся о таковой необычной сладости, и сице стремительно во множестве нападшей на него. Того ради востал на седение, но сидя не ощущал таковой.

41-е. Иногда будучи превзят обычным утешением в сладости. Зрит: яко два источника текущия сладости, един в сердце от правыя страны текущий, а другий из сердца лиющийся на подобие чистаго меда, и аки бы под оный изходящий из сердца источник подставляем был стакан: и по наполнении онаго сею сладостию подобствуемому желтому меду, другие стаканы были подставляемы. Пременяяся един по единому, и прочь отставляемы сами о себе. На все же сие он умне с трезвенностию смотря со удивлением, был духом в благодарности ко Господу Богу, и утешался.

42-е. С начала седения его в час един времене ощущал он разнообразныя движения и действия со обычною сладостию но потом прииде множайшая сладость и утешение. И иже не он молитву соблюдал, но не в сказанной сладости сама молитва его держаше со отъятием от него всех света сего помышлений. И таковая умноженная сладость продолжается яко ни час: и по утишии оной, и молитва нача преставать, и сладость умалилась. По престатии же всего аки дыхание некое, или ветра, или воздуха подобие напихивало на сердце.

43-е. Иногда сидя и внимая молитве, и всеусильно понудится заключить свой внимательне ум углубляя внутрь, единаго сердца своего. И тако держа его неослабно, отнюдь не попущая ему парити, ниже изъитти из сердца своего: от чего сердце нестерпевая начнет аки трепетати, и колебатися и метатися во все страны. И от таковаго великаго возмущения, аки обливается сердце зельною сладостию, и посем нападает аки вретище кипение, и иная необычная, уму недоуменная, и ко изъявлению неизъяснимая, и недомыслимая. А по сему и именова тако: точию необычною сладостию, в которой столько же пламенел любовию к Богу.

44-е. Единожды бысть тако: долгое время сидя и восхоть уже востати для посещения своего ученика содружественнаго с ним. Но внезапу возчувствова необычное в безмерной сладости подвижение во всем себе а наипаче в сердце. И молитву необычно чувствительну, и весьма явственно творящуюся, чего ради и стал наипаче внимати. И се вскоре нача являтися в сердце множая сладости, которая аки крепко сгущенная покоемуждо изречению в сердце молитвы Господи Иисусе: разсыпалось внутрь сердца. И долго смотря на сие со удивлением, и утешением ощущал более увеличивающуюся в нем оную необычную сладость. От чего и прости-

рался весь горящею любовию к Гоподу Богу. И размышляше в себе: чему бы уподобить оную разсыпающуюся сладость. Но не найде сходственнаго уподобления, но тако рече ми: якобы на подобие ореховаго ядра откусания разсыпающагося тогда же егда оная сладость разсыпашеся, и сердце еще более распространяшеся, и около молитвы аки бы свет стал находити, и умножатися, сердце же еще пространнее распространялось, и толико усладиша его сие странное действие, якобы привело его в забытие, и не уведа: како и сам весь вшел в сердце, и в свет оный. Ибо сердце его чрезмерно разпространенным ему показалось.

45-е. Иногда сидя, сон одолеваше его, так что и молитва утаися. Пробудясь же, зрит паки молитву о себе гласящуюся, и душу со услаждением обычным.

46-е. Бывает иногда тако: что вдруг молитва умолкнет и сердце утишится, и толико утаится сердце, аки бы вовсе его нет, даже и естественное его биение престанет. И тако умне в сердце смотря, хощет молитву произвести: но несть молитвы, не показуется, и не чувствуется, точию единою сладостию бывает весь объят.

47-е. Единожды, аки болезни подобно при великом трепете чувствовал кипение сладости в своем сердце. Но вскоре вдруг остановилось оное трепетное движение и молитва, и сердцу трепет преста и утих; на подобие аки бы кто в ладии на гребях плывя вдруг грести престанет. По утолении же всего, то есть: молитвы, сладости и трепета, нача аки пламень некий охватывать сердце непостижною сладостию, или аки бы некий воздух намахивал то есть: надувал сею неизреченною и недомышленною и утешительною о Бозе сладостию. От чего и все тело сильно разтеплелось, до толика, что даже и на все тело пот многий найде.

48-е. Седя долгое время со тщанием понуждаяся и ища внимательнейше великой молитвы. И се нача умножатися, и являтися более; и более, и вскоре объя действие с сильным трепетом и колебанием всего тела, и с неизглаголанною сладостию а наипаче в сердце, и персях. Сильное чувствовал аки терзание, но ни малаго не принося оскорбления, и ни коего возболения, от таковаго сильнаго трясения персей, равно и прочим членам тела, не нанося ни малейшаго стужения, или ослабления. Яко же бываше иногда по великом трепете, всем телом быти во изнеможении и разслаблении: но здраво, легко, и радостно услаждая новым уте-

шением, но вдруг остановясь стало разделятися на пол в теле его: то есть: в одной половине правой стороны, головы, персей, и руки и прочее даже и до ноги мало чувствовалися сладости. Напротив же сего в левой стране всего тела, негли от сильнаго в оной стране трепета сердечнаго наипаче углубилось чрезмерное аки обуревание и волнение тако трепет найде. В сердце же умножилось до толика аки бы нестерпимое рвение и терзание, и сосец до толика нача двизатися от онаго сладкоутешительнаго о Бозе радования на подобие как бы кто рукою его хватал, хотя прочь отторгнуть, и по сем нача утишатися мало помалу. И сие действие должие всех прежде помянутых продолжалося с ним, от разсветия даже до трапезнаго времени.

49-е. Толикое бывает иногда сильное двизание сердцу от произнесения словес молитвенных со сладостию в радовании о Господе Бозе, так что сердце ужо аки нестерпевая хотя тело не двизается, но и оно на толико от сладости оныя трепетно мятется и мечется и толкается биением великим в перси. От чего вся грудь как окруженная зрится и от сильнаго двизания сердца необычно взимается до толика так что рукою сильно прижимая хотя удержати но не может. Ибо яко бы прочь отделяется тако грудь высоко вздымается до толика усиливается не попускать, что даже и кожу яже на персях имать в руке сжатую.

50-е. По прошествии некоего времени, еще мне объяви недостойному понеже любовен Бог, и аз любим ему бех. И сего ради не утай от мене, глаголя тако: ныне совсем изменилась, но иная во мне молитва, ибо в начале и прежде теперешняго времени действовала более со услаждением, а ныне при усугубленном услаждении, и трепет всегда бывает. Аз же вопросих его: в которой чувствует более превосходства. Он же сказа мне, глаголя: несравненно которая с трепетом, чувствительнее и умилительнее, хотя и без слез: но сладость несказанная и по престатии трепета бывает, и сердце сладостию обливается аки некиим маслом, или миром, и — весь пламенею, и аки таю с неизреченным чувствованием великия любви ко Господу Богу нашему Иисусу Христу.

51-е. Бысть неколико разов таковое действие, сидя с чистейшею молитвою весь умне вперен к Богу в сладчайшей сладости, и трепетом сильным весь содержим, и светом некиим весь окружен. И так во свете сидя зрит полевую страну создателя своего

Господа Иисуса Христа, на кресте висяща, и пред ним предстоящую Матерь Его Пресвятую Владычицу нашу Богородицу. Зря же сие сильно воспламеняется несказанным желанием и горящею любовию и сам весь ко Христу Господу Иисусу Богу нашему. Но скорбит и болезнует, яко тако в отдаленности от него зрится: зане крайне желает поклониться ему, и лобызати пречистыя язвы его. И тако объят будучи сим великим и нестерпимым желанием, невесть и сам, како приближается к нему, и осмеливается прикоснутися пресвятым и животворящим язвам Его. Едину по единой ощущая объемля и лобызая, яже в руку его и ногу: и яже в пречистом его ребре, уже и рукою осязает, и неустнами токмо прикасается, но и сердце свое к язве его прилагает. Негда прикоснется сердцем своим к язве его, яже в пречистом ребре его, и абие нестерпимо закипит и возчувствует сильнейшую недоуменно действующуюсь сладость зельно возвреющуюсь в сердце и аки пронзающую оное, и бывает уже тогда вне себя аки изумленной в чувствии точию единыя своея чрезмерныя любви ко Христу. Но видя яко чрез свое дерзновенное ко Христу приближение, еже бысть приложения ради своего сердца, к животворящей его язве, яже в пресвятом его ребре, Божию Матерь позади себе стоящую, и сего ради болезненно опечалися, яко он сему причиною, еже не стояти ей пред лицем Христовым. И от таковаго размысла и соболезнования начать приходити мало помалу в память. И зрит паки в отдаленности на кресте висящаго Господа, дондеже совсем утихнет и отъидет сие действие. Сие несколько раз с ним бывало в непродолжительном времени.

52-е. Бысть еще по некоем времени подобным же действием будучи объят, такожде и чувствует и зрит все по всему подобию как пред сим изъявлено. Но только во время прикосновения, то есть приложения сердца своего к язве Христовой, яже в пресвятом его ребре. Тогда о! Чудо: ощутительно чувствует и видится ему яко бы некий источник струй благодати истекающий из Христова сердца лился в его сердце. И егда уже сию струю, паче же рещи милость Божию ощутит вшедшую в его сердце: тогда по истине бывает вне себя, и невесть како изъявить, и к чему уподобить бывающую ему тогда радость, с прочими непостижимыми и не изглаголанными утешениями.

53-е. Иногда размышляя и удивляяся неизреченному и непостижимому Божиему к человеку благоволению. Яко от страшныя

своея славы и величества, восхоть быти нас ради человек, и таковая лютая в страдании своем претерпел нас ради, а наипаче ужасашеся видя его Создателя нашего дотолика к нам своею любовию простершагося яко уже неимея что больше у себе еже бы даровати нам, да возлюбим Его, предаде божественное свое тело ясти, и святую кровь Его пити, и яко агнца всему миру предложи себе в снедь верным, да всячески будет с нами совокупно и неразлучно на веки безконечныя. И от сицевых размыслов и чисто сильно действующейся молитвы со всеми прежде сказанными действы, и зря себе на подобию прежняго светом окруженнаго, и от нестерпения прежде описанных оных пречудных и недоуменных равнообуревательных великих ощущений в трепете действуемыя сладости Божияго любления, приходит аки в забытие на себе. И тако бывши уже без всякаго помысла, паки зрит Спасителя нашего Господа Иисуса Христа пред собою на кресте висяща, видом зело умиленна. От сего возчувствовал во всем себе сильно вспламененную ко Христу любовь, и устремился с крайним желанием, еже бы такожде с поклонением любезне лобызати пречистыя его язвы. И лобызая распростре и себе предним крестообразно, и тако прилагая себе самаго к нему Спасителю. Что ж чрез сие последовало по сем! О! Чудо благодати Божией, и его снисхождения! Зрится ему весма явственно, и чувствуемо аки в точности исязаемо и по мале непостижно совокупленно с собою! И абие зрится весь вмещающься в нем, и уже неста его на кресте. Но с собою всего совокупленна и смешанна; и тогда что? И каковое объяло его утешение, и каковая во всем своем аки разженном телеси и в сердце и во всей внутренности чувствовал действующия сладости. Воистинну неизглаголанны, и непостижимы, и недоуменны чудныя обуревали в нем утешения. И сие поведал ми грешному тако кратко глаголанными словесы.

54-е. Иногда сидя, и весь простерт молитвенным умным взыванием со услаждением к Богу. И вдруг охватит его множайшая сладость с стремлением во внутренность. От чего всю внутренность превращенную аки возволненную чувствует.

55-е. По некоем времени откры мне: что уже ныне в нем не таковым подобием, и не прежним обычаем молитва действует, то есть: прежде иногда просто с малым услаждением и утешением бываше, а иногда с величайшим ощущением сладости. Но теперь бывает другим действием, с непрерывным трепетом, и не

токмо сердце трепещет, но и тело все всегда бывает колебленное и трепещущее, хотя бы и весма малое ощущал действие, но сердце и тело и от таковаго бывает трепетно.

56-е. Иногда прилучашеся ему быти с прочиею братиею посещающих его или с некоторыми в беседе. И невозмогая скрыти трепещущаго своего тела подобнаго колебанию, а наипаче колебания главы. Ибо яко бы волнуемой молитвенною сладостию от чего невольне тако колеблется. Того ради при таковых случаях многократно тщится пресекать и удерживать самую о себе действующуюся непрестанно молитву. Но и тако не возмогает совсем утолити любительнаго своего к Богу простертия. От коего бывает в нем сладостной трепет, словес же сих молитвенных: Господи Иисусе Христе Сыне Божий помилуй мя грешнаго, в сердце гласящихся отнюдь не может удержать. Чего ради и умысли к вопрощающым сице отвещавать: яко бы он ныне ослабе главою, то же и во всем теле чувствует ослабление. И мне заповеда: да тако всем сказую о нем.

57-е. Разглагольствуя некогда со отцы о действиях молитвы. И некоторый из отцев поведа ему о себе: яко бывает ему молитва тихая и мирная, кроме помысль и всяких действий, услаждающая, и к любви Божией влекущая. И о сем старец мой похвали Бога, и ублажи и о добри поведавшаго онаго отца, признавая его преуспевша о Господе. И по разлучении со отцы, и сам потщася моля Бога да сподобить его познати ону, и тако седе стал внимати единой тишине, и миру помысле яже вскоре подаде ему Господь познати, и почувствовати ю. Но извести мне глаголя: яко не ощущал толикой распаленной ко Господу любви, и сицевой сладости во оной мирной и тихой молитве, яковою объят бывает во время трепетнаго действия в молитве. Ибо сию тихомирную старец мой производил крайне внимая сердцу от всех чувств с великим усердием. Но трепетная именуемая великая не инако нападает, как только от крайнейшаго понуждения, не точию умнаго к Богу простертия, но и от всех чувств яко же рещи душевных и телесных, и от многаго озлобления и небрежения о своем телеси. Ибо он не внимает тогда и болению главы своея, и рамень. И всякому бываемому телесному озлоблению. Иногда с таковым понуждением станет творити, тогда уже мирная и тихая отходит, а наступает трепет, не разрушая мира и тишины; но с неисповеди-

мыми действиями влекущими всю душу в любовь к небесному Отцу, и от нестерпимаго жара таковыя пронзающия вся чувства, желает в нем душа аки вон от тела изъити.

58-е. Единожды прилучися ему быти вкупе со мною во обители богодухновеннаго отца, его же имя повеле ми утаити понеже тако изволися оному отцу, зане же еще в сем житии обреташеся. Но ныне аз открываю об нем: бе он отец Василий в монастыре именуемом Белые Берега строителем. Иже от любви и живущим в нем святым духом много ко спасению души нам изрек: объяви же прикрытно и о себе тако, сказуя: вем таковаго, у него же бывает сицевая любовь божественная паче же страдание любовное ко Господу Богу, яко мнит в той час всего себе истаеваема и в мале неразлучающуся душу от тела. Еще и сие не утаи глаголя: во время великаго действия молитвы весь бывает воскрилен к Богу, и зрит себе явственно стояща возвышенна на воздусе яко на лакоть высотою от земли. Сей боголюбивый Авва услыша, что старец мой действует молитву крайне тихо то есть не спешно, усумнеся о сем мало и нача старца моего любезне учити по обычаю, дабы мало поспешнее произносил глаголы молитвенныя. Сказуя: яко чрез то не имать быти вмещение суетных помысл; но и находящыя на ны отражаются от мысли нашея и без вести погибают. И тако свою руку прилагая к сердцу моего старца, внимал биению и движению сердца в произношении словес молитвенных: Господи Иисусе Христе: но ничто же мог ощутити. Потом повеле старцу моему дабы по своему навыку стал производить молитву. И абие воскипе сладость благодати в сердце, и вострепета сердце биением во все страны, яже ощути той отец, и похвали о сем Бога. Глаголя старцу моему: блажен еси отче, добре твори и подвизайся тако яко же Господь Бог дарова. Мне же на едине откры: яко старец мой благодатию Божиею преуспел в сей молитве, и достигл в мир помыслов, и блаженным мя нарек: яко таковаго имам у себе отца, и наставника духовнаго, и смиреномудреннаго. Но мне повеле ради помысл поспешнее творити словеса молитвенныя: Господи Иисусе Христе: дондеже во успеяние прииду и сподоблюся от благодати чистыя молитвы.

59-е. Паки прилучися отцу моему в некоем времени быти в Москве, и пребывати у духовнаго отца своего старца Адриана, который после в схиму пострижен и наречен бысть Алексием, и

умре в Симонове монастыре. И живе же той отец Адриан в тое время в Москве для монастырских нужд в дому христолюбцев благодетелей своих, понеже любим бе ими, и служаху ему жены. Яже виде мой отец, нача смущатися яко неподобно иноческому житию он жительствует, и зельнии помыслы начаша о сем одолевати его до толика, яко и молитвенной сладости нача лишатися. Но Божиею помощию понудися противу вещати помыслом, глаголя: мне не подобиет о сем судити, Господь сердцеведец зрит яко сей отец преуспе о Господе, и достиг верх совершенства и безстрастия. И будущее ощущает блаженство яко же Господь во Евангелии яви глаголя: в будущем веце будут яко Ангели на небеси. Так же и Апостол: несть мужеский пол, и женск, но нова тварь о Христе. И прочиими противу вещаниями от Божественнаго Писания отрази, и посрами сей находящий хульный и смущенный помысл. И бысть ему тишина по сем, мир и радость в душе, и молитва прииде с зельным действием всего изменяя в божественную любовь. Благоухание же необычно сладящее душу и вся чувства зельне ощути, яковаго еще не бысть ему прежде сего николи.

60-е. Не стерпевая мой старец почитаний и славы, удалился со мною в сибирские пределы, и озимехом мы во внутренней пустыни, во единой келийке, и правило вкупе совершахом, аз читах, а он стоя слушал. Единою воспрянувши от сна прииде ему великое действие молитвы. И быв аки вне себя с чудным дыханием, и презельным трепетом всего тела. И тако оне пребывал, аз же ждах. Долгое время слушая и внимая необычному двизанию трепещущаго его тела, и прерывающагося его дыхания, подобне страждущаго, яже происходило ему от нестерпимыя сладости с несказанным о Бозе успешением во всем телеси его и во всей его внутренности, яко же сам мне после поведа. И в таковом действии по мнозех часех едва возмог рещи ко мне: отправляй един правило, и уже день наста. Сие бысть в ианнуарии месяце, в начале прибытия нашего в Сибирь. И едва возмогох разлучитися с сим молитвенным действием, какое он тогда почувствовал, что яко бы мало уменшалося, и потому он едва встал от седалища. Аз же воззрев на него видех лицем его измененна вельми, аки изнемогша и увядша с небольшим червлением.

61-е. Паки живяхом в той же стране на ином месте в особных келиях. И в неделю то есть в воскре[се]ние, для слушания часов прииде ко мне старец, и поцеловании седохом на одной

дасе разглагольствуя о знаемых нами иночествующих отцах како они подвизаются. А напаче о том великом отце делателе умной молитвы иже в предпомянутом 58-м действии, и в таковом разглагольствии между нами, найде на моего старца действие молитвы, паче же благодать Божия. И уже не возмог более к тому со мною грешным беседовати, но умолча и абие приять его молитва с зельным трепетом, тако: яко оная дска на ней же седохом вся движашеся, купно же и аз сидя на ней движахся, и удивляяся внезапному изменению старца моего, и таковому сильному действию яже бысть в нем. И абие от нестерпения зельной сладости, яже ощущах воскричал гласом. И помале паки возмича. И бысть ему сие, яко час един времени. Аз же по сем вопрошах его: где был отче теперь? Он же отвеща прости, тебе соблазних, но не могох стерпети, ибо Божие нестерпимо. Аз же благодарих Бога, яко сподобил мя самолично зрети, в каковой благодати мой старец обретается.

62-е. Такожде жительствуя, в разныя времена поведа мне: овогда улыбаяся, и аки жалуяся, яко в сию нощь в тонком сне беси его озлобляли разнообразно устрашая, а иногда нестерпимо хватая за ребра, и щекотя, иногда ножем заколоти хотя. Овогда зрит подобно преставлению света. И прочее разновидное во умиление и зельныя слезы приводящее. С сим же поведа ми, глаголя: егда ты отшел от меня по утреннем пении, аз же седох да по не мало пребуду в молитве. И абие нача некое опасение нападати на мя, дабы ты не пресекл приходом своим моея молитвы. И по мале, содеяся в несказанном действии молитва распространяющая необычную божественную сладость аки во всех персях, и аки наполняющая некоею безмерносладостною и горячею пищею с благоуханием весьма чувственно услаждающим. И мнех рече: аз яко таковое долго пребудет, но в мале и преста. И тако к тебе пришед для слушания Часов. Сие бысть в неделю сиречь в воскре[се]ние.

63-е. Паки не по многих седмицах прииде в неделю, старец мой ко мне по обычаю, и по окончании утрени седохом, и еще разглагольствуя между собою, уже возчувствовал в себе пламень любви к Богу, а в сердце яко жжение молитвенныя сладости, сие сам послежде поведа ми, и всеми силами рече, тщахся удержатися и утаитися но невозмогох. Ибо абие от нестерпения аки пораженной воскричал гласом подобно болезнующему. И о сем аз грешный востревожихся, поелику возмнех не болезнь ли кая

внезапу поразила его? И вопросих его, глаголя: отче, что необычно, и тако странно воскричал? Но он не мог ми возъответствовати, того ради и аз умолчах и начах внимати ему, и видех многое волнение, сиречь колебание во всем его телеси. И слышах дыхание его подобно ужасным страхом объятаго. И еще двакратно тихо-гласно возгласил умильно зане немогий совсем удержатися. И тогда аз разумех, яко от действия молитвы, и от нестерпения яже от благодати, и божественныя сладости, тако воскричал. И бысть сие ему, яко полчаса, по сем нача паки со мною глаголати: аз же вопросих его паки: почто тако внезапно воскричал? Тогда он ми исповеда, глаголя: как токмо седох, то и возчувствовах, аки некая стена, или облак тако зжение любви ко Спасителю, и утешительныя сладости привалило в сердце. И всячески хотел удержатися, и до толика крепихся, яко вкупе с сим моим вскричанием гласом, абие яко звезда облистала предо мною. И по сем уже не могох возъобладать собою, и утаитися в себе.

64-е. Еще рече ми: старец мой глаголя: яко в той день по вечеру бысть мне на подобие таковаго же сладостнаго и любительнаго ко Господу распаления. И мнех яко такожде имать оное возъобладати мною, от нестерпения коего стану такожде кричати. И много нудихся дабы стяжати сие но не получих, и абие преста и уразумех: яко то действие тебе ради Господь ми даде. Но сие рекл старец мой от глубокаго смирения своего.

65-е. В той день, егда бе обуреваем страстными помыслы, и по отгнании оных и утишии плотскаго движения приспе отцу моему правило поклонное отправляти, но немощь и пренемогание нападе на него. И сугубым противуположенным помыслом одержим бе: един помысл представлял ему: яко немощен, и не может отправляти: и второй: облыгал яко более от лености. И нудим бе от помысла благаго изведати свою немощь, по не немногими поклонами и тако повинувся нача класти, и по совершении поясных, нача класти и земныя. И абие по первом поклоне почувствовал сладость в своем сердце, а по втором более, а по третьем еще множае, и толико сладяща и облегчавающа его всего, яко забыватися ему и правилу внимати и богородичныя уставленныя между поклонов молитвы пропущати. И аки летающаго вне себя чувствовал от сладости, радости. И легкости бываемая от великаго к Богу простертия. И со удивлением благодарил за сие Бога,

понеже никогда прежде сего не чувствовал сердечнаго услаждения во время поклоннаго правила. А поутру бысть ему таковое же услаждение, и легкость при поясных поклонах, равно и приземных. И чудихся, рече: како внезапу претворяет благодать Божия, из лености в бодрость, из тягости в легкость, и из немощи в крепость: а ктому еще во утешение и радование о Господе с безмерною любительною кнему сладостию.

66-е. Паки разглагольствуя, и между прочим душеполезным, и сие речи ми: ныне уразумехом Апостолово слово: яко никто не может рещи Господа Иисуса токмо Духом Святым. Ибо воспоминание его имени ныне никогда не бывает во мне без действий, и услаждений, а наипаче сие, Иисусе. Ибо с сим словом аки взрынет сердце сладостию хотя бы и без приуготовления к молитве был или просте воспоминая. И понеже старец мой всегда во оной памяти пребываше, то и действие сие всегда бе, отчего и глава его в безпрестанном бе колебании.

67-е. И еще поведа ми глаголя: егда бывает ми обычне сладящая молитва, от нея же колебание телу бывает, и егда же удержусь дабы главою и телом недвизатися. Тогда бывает такое биение сердцу, и молитва, и аки некое миро, или пара сладости собирающаяся и разливающаяся по всему сердцу. Понеже неисходит оная сладость в тело, а егда попущу и дам ослабу сердцу моему то абие оная сладость из сердца и во все тело пройдет. От чего и бывает двизание в жилах и членах моих, и явственно глава колеблется, и тело аки волнуется, и таковое действие бывает чувствителнее и во умиление более подвижущее, того ради и не удерживаюсь от телеснаго колебания. Егда же приидет сильное действие, тогда уже немощно ми удержатися от телеснаго трепета, сиречь главы колебания, и прочаго тела движения, понеже аки обладан вне себя бываю.

68-е. В день великия субботы, седищ ему по обычаю на молитве, нача ощущати сладость. И сердце его вкупе с сим ощущением сладости происходящей от зельныя любви ко Господу, нача не обычно скоро метатися и трепетати. Но в начале весма тихообразно, и помалу возрастающу и множащися сладости, вкупе и сердцу более и более двизающуся, и силнее трепещущу. И до толико умножися сладость в любви Божией, яко от нестерпения станет зельне всем телом колебатися, но вскоре аки бы вдруг начнет сие уменшатися и

укрыватися, и аки отъидет. Но совсем еще не угасши, паки начнет происходить таковым точно действием. И аще безпрестанно происходило то крайне утихая, то зельно умножаяся. Иждах, рече что имать воспоследовати далее но не мог, рече дождатися совершеннаго конца, за не уже времени много прейде. И многоглагола ми: яко двадесять крат сице изменялось во мне, и тако по утишии востах.

69-е. По отшествии единаго от нас брата, на другой день по утреннем пении, седох аз поблизу старца моего, и разглаголствуя нечто о житейском, мало умолчах. И абие внезапу воскрича мой старец от нестерпения зельныя сладости воскипевшой внутрь сердца его, и паче меры крепце действующейся. Ведая же старец меня близу себя седяща, тщашеся всячески удерживатися: еже бы не двизатися и не колебатися всем телом сильно. Но невозможе, за не вмале бысть вне себя от зельнаго к Богу простертия и безмерныя сладости еже бысть в сердце его. Тем же и паки воскрича, аз же недостойный, сидя много дивяхся, и радовахся, зря таковое в нем дивное и ужасное от божественныя любви страдание. Егда же мало утишися в нем таковое действие с движение, паче же рещи страдание. Тогда аз вопросих его, глаголя: отче, от коея вины бысть таковое нечаянное действие молитвы? Понеже разглагольствие наше бе о житейском. Он же любя меня не утаевая, рече ми: егда престахом с тобою беседовати, невем, когда прииде размышляти ми аще: како всякое Божие дело есть нестерпимо и велико: [сиречь, огнь нестерпим, мраз подобне нестерпим и от сего] снидох в размышление о Божией великой любви, яко нас ради, колико себе умалил! Сделался младенцем, и ручки и ножки име себе пеленами связанные! От чего аки ужаснухся таковому его великому к нам люблению, и дивихся во уме моем и от сего размысла, абие воскипе сладость в сердце и во всем теле и во мгновение ока поразило нестерпимостию, за не подобно огню нача со утешением жещи любовию ко Господу нашему Исусу Христу в сердце моем, того ради и воскричах! И аще бы [всею силою моею не удержахся, но попустих бы] по воле себе сладости действовати в сердце, то всячески нужда была гласити! Зане некое жжение, тако оную сладость ощущал во мне: сим действием познах: яко в Бозе все нестерпимо и непостижимо и неисповедимо, и недомысленно, и утешение и любовь его к нам безпредельна. И тако по сицевой чудной беседе востахом, и мене ради нача старец правило по-

клонное гласно отправлять. Еже есть: Боже милостив: и не возможе, за не действие в нем еще бе: иже и паки в нем подвижеся, и пресече ему гласное вещание молитвы и не имеяше силы еже бы удержатися. И паки, неколико возмичах! И умолчах. И тако на долзе стоял безгласен, и едва возможе паки гласно, но не совершенным гласом глаголати молитвы, и не совершенно оконча правило.

70-е. По прошествии многаго времени, в течении котораго много было с ним разных и обычных действий и утешений, коих я не описывал, случися единожды во святую четыредесятницу, при наступлении недельнаго бдения. Седящу старцу моему на молитве, и бе ему молитвенное действие обычное с трепетным услаждением. И тако на долзе седя, восхоть ради наступающаго бдения, опочити. И ляже, мысля в себе: еже бы с молитвою уснути. Тем же и лежа внимал молитве своей: и абие прекратися обычное трепетание. И некое иное неизглаголанное нача происходити действие, без трепета. Чего ради наипаче потщася во внимание вперитися: ово за необычное действие, ово за многоумноженную сладость и сильнейшее к Богу влечение. Ибо отворилось ему сердце, и нача тамо светле, и чисто созерцати, и явственне видети. Понеже в сердце сделалось яко бы некое тело, показующееся извне темно, внутри же бело, или светлокрасно. И тако более делалось действие молитвы, вкупе и сладость приумножилась. И абие нача из онаго тела показующагося внутрь сердца аки благовония дух испыховать. Потом же яко бы наподобие меха сжимаемаго брыск с великим стремлением исходил. Но не вдруг а един по единому: и оной брыск ударял, паче же рещи поражал сладостию во все стороны сердечныя. И от таковаго брискания претворялось в сердце аки некое обливание нестерпимыя сладости от любви Божественныя. И посем нача по часту яко от некоего сильнаго сжимания, или крепкаго угнетения сице из онаго тела излетели борзосладостныя бризги, и пронзали сладостию своею неточию самое сердце, но и всего самаго исполняли сладостию. По сем пойде подымаяся над перси, и дух с дыханием стало захватывать, и удерживать от сильныя и многия исходящия сладости. И уже не мог более молитвы производити: и абие оной виде являемый аки тело, вкупе с подыманием своим прелагаяся в пламень, и еще выше подымаяся. И сладость умножи, и охвати все перси, и яко бы задави оныя своею пламенною и непостижимую, безмерною боже-

ственною сладостию, и тогда уже отнюдь не мог дыхать. И тако без дыхания долзе на ту пламеновидную сладость внимательно смотря, едва в память пришел: яко несть дыхания. И нача внимати о своем дыхании, и се истинною зрит, и чувствует яко не производится дыхание. И помыслив в себе: яко не дыша умрешь. И тако внимая нача привлекати изводить свое дыхание, а между сим оная пламенноявляемая сладость нача со изменением умалятися, и помале ничто бысть. И тогда воста от ложа своего, неспя ни мало, но дивяся и недоумевая сей непостижимой утешительной сладости. И паки недоумеваше: како надолзе бысть без дыхания и незатхнухся, и не поскорбе, но паче легко есть! Аз вопросих его глаголя: бысть ли ти отче тогда память к Богу? Он же ми рече: памятию Божиею, и любовию яже к нему сие и составлялось.

71-е. Паки в ине день лежащу ему болезненныя ради своея немощи с обычным углублением в молитву. И абие по прежнему уподоблению нача в нем двизатися сердце, и показоватися молитвенное движение. И воскипе в сердце зельная любовь к Создателю и сладость, яже испыховая потече по всем членам, и жилам, и малейшым жилкам, иже обретаются во всем телеси. Тогда помысли в себе: быти не благоговейно с таковым усердно распаленным стремлением к Богу, и с происходящею сладостию обретатися на лежании, того ради и воста, и седе, и ста крепце внимати, еже бы не лишитися наченьшагося действия. Но обаче не бысть ему седящему оной новоявленной сладости: но пойде обычная молитва, обычным утешение сладящи.

72-е. По прошествии единыя седмицы от вышеупомянутаго действия. Паки ради наступающаго недельнаго бдения, возляже еже уснути, за не случися ему в той день трудитися во исправление келейных потреб, и сице лежа и внимаше своей молитве. И абие вскоре и безнадежно, то есть неожидаемо соделалось действо в сердце. Но не по прежнему подобию, но некиим иным образом, яко же рече, в точности изъявити отнюдь невозможно, яже бысть со многою сладостию и распалением в любовь Божию, и от таковой многоусилившейся радостной, утешительной совокупне и милительной сладости, нача яко бы некий свет над главою облистовати, негли триекратно, или множае, яко бы звездно блистая. И таковое действие зря, помысли еже бы не воспати от лежания, да не паки по прежнему образу не лишитися и сего чуднаго действия. И тако лежаще

с крайним трезвением и бодростию, и нача помышляти и разсуждати подобно сицевая умне глаголати, аз несм достоне ни единаго утешения Господи! Се боюся сицевое любви воспаление, яже бывает к тебе в моем сердце, с неизреченною радостию и сладостию, и мирным с мироуханным утешением восхулити, ибо оныя вся не от моея силы происходят. И паки страшуся, оное вероятно яко благодатное прияти, негли есть не добре. Темже буди Боже мой! По воли твоей святой, сие бываемое во мне. И сице размышляя. Абие нача сие умножатися паче, и наипаче. И с сильным усилием потекла из сердца во все жилы во все тело недоменная сладость. И непросте, но аки с некиим звонцанием, или с некиим непостижным пением. Ибо отнюдь есть непостижно ко изъявлению онаго гласящагося. И сие наипаче чудимо, яко трезвенно чувствовах. Яко во всех членах и жилах таковое напевание и концание и звонцание происходило. А наипаче в руках, и в нозех же нечувствовалось и то напевание и глашение, яко звонцание чувствовалось совокупно с нестерпимою сладостию и радование о Господе. И до толико умножилось сие, яко все члены при оном пении тряслися, и паки от сего пения истекало по жилам и членам, и в телеси расходилось аки некое благовонное масло, зельне и чудне сладящи, и от сего самаго ощущения радостной трепет бысть во всем телеси. И паки исповеда ми, глаголя: поистинне нестерпимо страдал утешно, от сей сладости, и толико зельнее яко уже не чаях себе быти в моем естественном положении, но мнех, яко будет ми некая измена, то есть: или сердце расторгнется, или изшет или конец жизни последует. До толико сильно обуревало мя сие действие, яко всего меня лежащаго многократно подымало от онаго волнения кипящаго божественною сладостию в сердце, и едва на землю неизвергало с ложа моего. Сколько же страдало сердце, того и ум постигнути не может. Ибо ово билось, и сжималось, ово разпространялось, терзалось, колебалось, металось и ударялось во все стороны, и сице долзе происходя, вдруг отъиде все. И почем востах нечувствуя ни коея боли, но токмо малое некое ослабление. И седох. И едва пойде обычная молитва. И паки оная переменилась во иную некую, смиренную и тихою, с некоею иною великою радостию и сладостию влекущего в любовь божественную и благоухание бысть многое. И сие такожде надолзе бысть и вдруг преста все. И не ста молитвы отнюдь, и тако востах и поидох к тебе. Все же сие происходило три часа.

73-е. Прешедшу многому времени, не возвещаше мне старец мой о новых действиях. Аз помышлях в себе, негли умалилася молитва в старце. Яко не поведает ми. И во един день после моего к нему посещения, прииде сам ко мне звати мя на всенощное бдение, и тако седяще со мною беседующе о нужных житейских потребах, и по беседе умолчахом яко намол час. И абие услышах аз действующуюся в нем молитву. Яже тако нача в нем действовати, что даже приведе мя во удивление, и недоумеваяся начах сумнитися, не нападе ли на него болезнь именуемая родимец, ею же ни коли же боле и не бе одержим. Ибо весь не токмо трепетен бысть но и всем телом колебался и метался, не могий владети ни руками ни ногами, а глава аки бы от сильнаго некоего на все страны метаемая и шатаемая, таки прицепленная колебалася, и всем телом подымался и метался и отнюдь не седел, но как бы кто его со всем седалищем на все стороны метал, тако он едва точию не падал на пол. Дыхание же в нем ово удерживалось, ово тяжелоносно испущалося и тут же абие вдруг весьма слышными дыханьми часто стал дышать яко даже и не вероятно, и поверити неможно. Подобно яко бы некое малое животное гонимое и до крайности утомленное часто дышет или того еще частее, и не могий терпети мичал краткими и продолжительными гласы. И таковым тоном яко бы нестерпимою лютостию терзался и страдало в нем сердце, до толика что аз едва удержался что бы не подойти к нему узнати: не болезнь ли некая найде на него? Ибо странно и удивительно тогда было зрети на него, подобно яко бы мучится. И видя его в таковом мучительном действии отнюдь не возможно было поверити: чтоб можно было ему иметь свое здравие не поврежденным, и все члены не утомленными, или вскоре по сем прияти силу. И естлиб и здороваго и молодаго тако продолжительно и столько неослабно колебать, то бы и таковой здравствующий разслабел, и упал бы для отдохновения. Но старец по утишии всего воста здрав, не чувствуя ни малаго разслабления ни во главе ниже во иных членах. И наутрие паки, сицевым же подобием бысть с ним. Каковоеж во внутренности его происходило действие? Тако рече ми, глаголя: егда умолчахом от беседы, в начале помышлях суетная, и за сие осудих себе, по что ни единой молитве внемлю, и абие пойде молитва, и яко бы сердце увеличилося, и соделалося к сердцу гортань, божественной же сладости бывшей тогда, изрещи невозможно, яже бысть в великом множестве, и во множест-

венном количестве аки входила гортанию в сердце. И сердце желая вдруг поглотити, но от множества аки запрется и засядет не могши проглотити. И тут уже не могу ни молитвы глаголати, но все тело исполняется оною сладостию. И выхожу от того из терпения, и тако вырывается гласное мычание, его же ты сам слышал, и видел моего тела колебания. И едва сердце оную сладость проглотит, тогда аки отдохнет. И тако хватает отдохнутие, частыми и краткими дыханьми их же ты слышал. И тако паки таковым же подобием приходит к сердцу аки сквозь гортань. И не могши за великость проглоти ти, паки такожде обладан бываю, яко же ты видел и слышал. Но сердце како колеблется и мятется во мне и биется на все страны, тому я и сам дивлюся! Како не повредит от таковаго сильнаго метания, сжимания, распространения и биения! Ум же чистейше бывает к Богу простерт во все время сих действий.

74-е. Единою услышав от брата: дабы ради уже ослабевшаго своего зрения, вместо чтения Акафиста и Канонов к Богородице, отправлял бы в сердце молитву к Богородице краткогласную, еже есть: Владычице моя Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго. На что старец и согласился, и тако нощию нача исправляти: ово, ко Господу, Господи Иисусе; ово, Владычице моя Пресвятая: и творяхуся оныя молитвы с велиим ощущением ко Христу и Богородице со умилительным услаждением. И бысть низведен в тонкий сон, и зрит одесную страну образ Божия Матери, а ошую, Христа Господа, не яко писанные, но яко в теле несказанныя доброты, яко бы за занавесами. Их же открывал зрил стоящих и молитва к обоим усердно творяшеся, от чего и пробудися, трезвенно имея сердце свое, исполненное духовнаго умиленнаго обрадования, с несомненным извещением, яко есть угодно Богу!... И Богородична молитва, так же яко и Иисусова может твориться и услаждать.

75-е. Бысть единою, сидящу ему по обычаю внимая молитве, и возчувствовал изменяющуюся в вящшую, того ради внимательнее стал с большим усилием понужатися, еже бы еще и от себе приложити старание. И тако весь умно простреся, и воспалися божественною желательностию к самому Господу Богу. Ибо недоумевает как наименовать тогда действующуюся ко Господу любовь, яже бысть в сердце и во внутренности и во всем теле, от радости сладости, и утешения несказанное к Богу любве, и от таковаго ощущения до толико взят ко Господу, что возчувствовал всего себе изме-

ненна, светла, и светом объята, и аки изшедша из тела но како изыиде из тела изъявити того не возможне, ибо тогда от великия радости о Бозе и сладости всего его объемлющия не чувствовал на себе своего телеси. Но видех себе возвышенна на воздусе седяща кроме тела в совершенном памятстве и бодрости, до толика был трезв в памяти, что даже помышлял, и размышлял: како держится на воздусе без тела? Ибо бодрственно и явственно видел свое тело мертво, бездушно лежащее внизу в отдаленности от него. И тако на долзе зрел себе на воздусе одержима, но каковыя в нем были к Богу чувства, любовь, благодарение, и надеяние на него благость, великости ради не мог мне изъяснить. Но тако рече ми: яко сии чувства сами собою производилися, едино другаго пред упреждая и препобеждая. И тем самым всего меня вземля и распаля, в желании ко Христу в любовь и благодарение с недоуменною сладостию. И тако во оных сильных ощущениях аки начнет забыватися: а потом начнет приходити мало в память, и начнет паки сумнитися: како изыде из тела, и тако не чувственне и не приметно, с умалением к Богу любления уменшается и сладость. И тако уже уразумеет себе седяща и не изшедша из тела. Но сердце тоскует аки терзается биением и метанием на все страны: по что оная великая непостижимая, тако всего его совосхитившая к Богу любовь и радование сладящее от иде от него? И от таковых размыслов опечалевающих его сердце, паки воспалится весь к Богу, и тем же подобием зрит себе светла во свете на воздусе без тела. А тело его о себе мертво лежащее, и все оныя прежде объявленныя действия видит и чувствует явственно и трезвенно в полном уме и бодрости как выше изъявленно, каковыя же после сего последняго действия, были с ним действия, а наипаче пред кончиною, и в час скончания, аз недостойный не сподобихся от него слышати или видети. Понеже по некоему случаю невольне был с ним разлучен. Но боголюбивый крестьянин, иже послужи тогда ему, сказа мне тако: что во время болезни, и при кончине своей, много крат воспоминая мене недостойнаго. Не за долго же пред скончанием был яко от некиих истязуем. Однако не опечаляшеся, ниже отчаявашеся, но благодушно надеяся на Божию милость, был в совершенной памяти, и с молитвою почи и отъиде ко Господу, ему же от юности до скончания с любовию смирением и простодушием послужи.

При самом же скончании, вероятно, яко был объят некиим великим действием, и в памятстве совершенном. Ибо в конец уже изнемогшу ему, тогда помятый служитель крестил его его же рукою. Ибо старец сам токмо подымал и от слабости уже не мог до плеча доводить. Того ради помаванием заставлял да руку его обносить. И так обнося его руку видел перси его воздымающияся и трепещущыя колебанием необычно сильно. Того ради приложил руку свою к его персям и ощутил сердце в нем столь сильно биющееся во все страны, что даже почудился сей служитель, и до самаго последняго издыхания был в молитве, и с молитвою испустил дух тако, аки заснул, но по изшествии духа еще долго сердце в нем трепетало. И по смерти своей оставил свою правую руку в показание всем своего благочестия в вере. Яко же крестился, тако и осталися сложены три первыя персты, а последние два меншие пригнуты к длани. Будучи же в живых отнюдь не давал с себя написать портрета от великаго смирения, то уже после кончины, тако как лежаше во гробе, совершенно сходственно написан и с сложенною рукою.

Василиск преставися в Тобольской губернии в городе Туринске, в Святониколаевском девичьем монастыре 1824-го года декабря по 29-е число в 5-м часу по полунощи, и погребен в том же монастыре близ соборнаго алтаря на северной стране.

Илл. 11. Икона Леснянской Божией Матери

Илл. 12. Вировский монастырь (гравюра конца XIX в.)

Илл. 13. Последняя настоятельница Вировского монастыря
матушка Сусанна (фото 1910-х гг.)

Илл. 14. Собор Воздвижения Честного Креста Господня в Люблине (разрушен в 1924–1925 гг.)

Гимнографические сочинения брестского протоиерея Константина Зноско

О. Константин Зноско родился 1 апреля 1865 г. в полусотне километров к востоку от г. Гродно в местечке Острына. Учился в Вильне, где окончил Литовскую духовную семинарию. О. Константин автор большого числа самых разнообразных произведений православной литературы, прозаических и поэтических. Писал на русском и церковнославянском языках. Значительная часть написанного увидела свет в основном в Варшавской Синодальной типографии[1]. Без сомнения, это один из самых одаренных белорусских писателей довоенной поры, имя которого, увы, не упоминается даже в шеститомном биобиблиографическом словаре «Беларускія пісьменнікі» (Мінск, 1992–1995). Будучи настоятелем Свято-Николаевской Братской церкви в Бресте, о. Константин многое сделал для организации в городе «Русского Дома», ставшего одним из крупнейших восточнославянских культурных и образовательных центров во II Речи Посполитой. Особая его заслуга в устройстве в Бресте Русской школы и гимназии, где обучалось свыше 500 детей, преимущественно местных уроженцев[2]. Скончался о. Константин 21 июня 1943 г. в Бресте.

Как гимнограф о. Константин, пожалуй, выделяется среди других церковных писателей межвоенной Польши своим тяготением и умением сочетать древлеправославную восточнославянскую литургическую традицию с местными особенностями. Среди достаточно многочисленных литургических сочинений православного духовен-

---

[1] Среди переизданных недавно книг о. К. Зноско — «Исторический очерк церковной унии: Ее происхождение и характер», впервые напечатанный в Варшаве в 1933 г., а затем через 60 лет в Москве.

[2] См.: Государственный архив Брестской области. Ф. Р–114. Опись 1. Е. х.10. Л. 42.

ства II Речи Посполитой[3] весьма заметны именно акафисты о. Константина, который наряду с митрополитом Дионисием (Валединским), в частности автором «Акафиста преподобному отцу нашему Онуфрию Великому» (Варшава, 1929), может считаться наиболее талантливым продолжателем этого жанра в XX столетии.

Для публикации в настоящем сборнике мы отобрали «Акафист Святому Преподобномученику Афанасию, игумену Брестскому»[4],

---

[3] Подробнее об этом см. в докторской диссертации сына о. Константина митрофорного протоиерея Алексея Зноско, защищенной им в 1959 г. на православном богословском факультете в г. Пряшеве (Словакия) — «Акафистное творчество Русской Православной Церкви» (машинопись, Варшава, 1959), а также в изданной им самим в небольшом числе экземпляров на ротаторе брошюре одноименного заглавия с указанием хронологических рамок темы «(1628–1959)» (Варшава, 1989). См. также новейшую работу краковского профессора А. Наумова «Wiara i Historia: Z dziejów literatury cerkiewnosłowiańskiej na ziemiach polsko-litewskich» (Kraków, 1996, s. 183–198).

[4] Считаем целесообразным привести здесь текст краткого «Жития Св. Преподобномученика Афанасия, игумена Брестскаго», приложенный к изданию «Акафиста»: «Св. Афанасий (Филиппович) родился около 1595 года в окрестностях г. Бреста. В молодости он получил блестящее образование и, как человек просвещенный, принят был на службу к гетману Литовскому Льву Сапеге. Придворная жизнь, полная роскоши, тяготила св. Афанасия, в виду чего он оставил двор вельможи и в 1627 году принял монашество в Виленском Св.-Духовском монастыре. Искание душеспасительных подвигов побуждает св. Афанасия оставить Св. Духов монастырь и поселиться в монастыре более уединенном и более строгом в выполнении монашеских уставов. Так св. Афанасий переходит сначала в Кутеинский монастырь (близ Орши), а затем в Межигорский (близ Киева). В 1632 г. св. Афанасий возводится в сан иеромонаха и назначается наместником Дубовскаго, или Дубойскаго, монастыря, под г. Пинском. Недолго, однако, св. Афанасий пробыл в Дубовском монастыре, так как последний, по распоряжению канцлера Радзивилла, в 1636 г. был передан в руки иезуитов. Оставив Дубовский монастырь, св. Афанасий перешел в монастырь Купятицкий (под Пинском). Здесь, по воле Божией, на долю св. Афанасия выпало тяжелое послушание — произвести сбор пожертвований на постройку в монастыре новаго храма, вместо пришедшаго в совершенную ветхость стараго. По указанию Богоматери, св. Афанасий совершил путешествие в Москву, где от царя, бояр и благочестивых щедродателей получил средства на постройку церкви. В 1640 г., по приглашению жителей г. Бреста и по жребию Божественному, он поставляется во игумена Брестскаго Симеоновскаго монастыря. В 1642 году, повинуясь голосу Божией Матери, св. Афанасий отправился в Варшаву, явился на заседание сейма и пред лицом присутствовавшаго там короля и сенаторов произнес речь в защиту православной веры. За это св. Афанасий был взят под стражу и отправлен на суд к Митрополиту Петру

написанный о. Константином Зноско в конце 1920-х гг. и напечатанный в Варшаве в 1929 г. Помимо «Акафиста» о. Константин является автором «Службы Преподобномученику Афанасию, игумену Брестскому», также публикуемой нами, и «Жития и страданий Святого Преподобномученика Афанасия, игумена Брестского (1595–1648)» (Варшава, 1931).

Могиле в Киев. Митрополит, однако, виновным св. Афанасия не признал и, по просьбе Брестских братчиков, отпустил его обратно в Брест на игуменство. В Бресте в это время шла упорная борьба между православными и униатами. В поисках защиты св. Афанасий отправился в Краков к воеводе Сапеге, но не добился никаких результатов. Не помогли и жалобы, поданныя св. Афанасием королю Владиславу IV. После двукратнаго пребывания в тюрьме, он был отправлен снова к Митрополиту Петру Могиле в Киев, где должен был быть лишен возможности всякаго сношения с миром. В Киеве св. Афанасий пробыл более года и там, живя в уединении, составил свой «диариуш» (дневник), в котором и описал свою многострадальную жизнь и историю борьбы с унией. После смерти Митрополита Петра Могилы св. Афанасий снова возвратился в Брест и был возстановлен в должности игумена Симеоновскаго монастыря. 1 июля 1648 г. св. Афанасий, в связи с возстанием Богдана Хмельницкаго, был схвачен и заключен в подземелье Брестскаго замка, по обвинению в сношениях с возставшими казаками. В заключении св. Афанасий терпеливо ожидал решения своей участи. Наконец, над ним был назначен суд, приговоривший его к смертной казни. Приговор был приведен в исполнение 5 сентября.

Ученики св. Афанасия узнали о месте его погребения и в ночь на 1 мая 1649 года тайно вынули его тело из могилы; так как оно после 8-месячнаго пребывания в земле оказалось нетленным, то перенесли его в Брестский Симеоновский монастырь и с честию выставили в храме для поклонения православным. За святую жизнь, за твердость в вере православной и безстрашное ея исповедание Господь удостоил преподобномученика дара нетления мощей и чудотворений, каковыя и совершались при раке его по молитвам прибегающих к его помощи. Об этом было засвидетельствовано одним русским историком уже через 40 лет после блаженной кончины св. Афанасия. На это указывает в своих проповедях и епископ Белорусской епархии Георгий Конисский через 150 лет после обретения мощей св. Афанасия. Чудеса эти совершались и в последующия времена».

[Протоиерей Константин Зноско]

Акафист Святому Преподобномученику Афанасию, игумену Брестскому

(Варшава, 1929)

Тропа́рь, конда́къ и̂ велича́ніе Свято́му Преподобному́ченику А̂ѳана́сію, и̂гу́мену Бре́стскому.

Тропа́рь, гла́съ в҃.

Блаже́нъ є̂сѝ о̂́тче на́шъ А̂ѳана́сіе, ꙗ̂́кѡ ве́рнѡ пожи́лъ є̂сѝ, стоѧ̀ бо́дреннѡ за свяќую восто́чную ве́ру, со оу̂миле́ніемъ при́снѡ поѧ̀ несѣда́льное пречи́стей, заповѣ́дуѧ нико́муже нару́шати Правосла́вныѧ Вѣ́ры свяќыѧ, пострада́въ за свидѣ́тельство и̂́стины да́же до сме́рти. Мы́ же чту́ще свяќы́ню твою̀, со дерзнове́ніемъ взыва́емъ ти̂: о̂́тче на́шъ преподобному́чениче А̂ѳана́сіе, похвало̀ и̂ оу̂краше́ніе на́ше.

Конда́къ, гла́съ в҃.

Ꙗ̂́кѡ по́стника благоче́стна, и̂ и̂ску́сна, и̂ страда́льца произволе́ніемъ че́стна, и̂ пу́стыни жи́тела сообра́зна, въ пѣ́снехъ досто́йнѡ хва́лимъ, А̂ѳана́сіа присноха́льнаго: то́й бо ѕмі́а попра́лъ є̂́сть.

Велича́ніе.

Оу̂блажа́емъ тѧ̀ преподобному́чениче А̂ѳана́сіе, и̂ чте́мъ свяќую па́мѧть твою̀, наста́вниче мона́хѡвъ, и̂ собесѣ́дниче а̂́нгелѡвъ.

Акаѳїстъ
Свѧтомꙋ Преподобномꙋченикꙋ Аѳанасїю, игꙋменꙋ Брестскомꙋ.

Кондакъ а҃.

Избраннаго Богомъ ѿ юности поборника Православныѧ Свѧтыѧ Вѣры и прїѧвшаго мꙋченическїй вѣнецъ за исповѣданїе еѧ, Св. Преподобномꙋченика Аѳанасїѧ похвальными пѣсньми почтимъ, ты же, ꙗкѡ предстоѧй предъ престоломъ Царѧ Славы, ѿ всѧкихъ насъ бѣдъ свободи, да зовемъ ти: Радꙋйсѧ, Преподобномꙋрениче Аѳанасїе, похвало и ꙋкрашенїе наше.

Їкосъ а҃.

Ангельскїй чинъ воспрїѧвши, ангельское житїе ꙗвилъ еси, дꙋшꙋ твою чистотою добродѣтелей ꙋкрасивъ, непорочнѡ Богꙋ слꙋжилъ еси, словомъ и житїемъ вѣрныѧ

своѧ̑ наставлѧ́ѧ, сегѡ̀ ра́ди прїимѝ ѿ на́съ, Преподобному́чениче, сїѧ̀ оу҆се́рдныѧ похвалы̑: Ра́дꙋйсѧ, и҆з̾ мла́да Бо́га возлюби́вый: ра́дꙋйсѧ, за́повѣди Е҆гѡ̀ вѣ́рнѡ сохрани́вый. Ра́дꙋйсѧ, соблю́дшїй дꙋ́шꙋ твою̀ страстьмѝ непорабоще́ннꙋ: ра́дꙋйсѧ, благода́тїю Бо́жїею просвѣще́нный. Ра́дꙋйсѧ, вѣ́ры Христо́выѧ и҆́стинный побо́рниче: ра́дꙋйсѧ, ѿе́ческихъ преда́нїй нело́жный защи́тниче. Ра́дꙋйсѧ мꙋ́ченическими добро́тами оу҆кра́шенный: ра́дꙋйсѧ, въ свѣ́тлый черто́гъ Госпо́день прїѧ́тый. Ра́дꙋйсѧ, Преподо́бномꙋ́чениче А҆ѳана́сїе, похвало̀ и҆ оу҆краше́нїе на́ше.

Конда́къ в҃.

Ви́дѣвъ сꙋ́етꙋ житїѧ̀ мїрска́гѡ, є҆щѐ ѿ ю҆́ности, въ мі́рѣ пребыва́ѧ, оу҆далѧ́лсѧ є҆сѝ сла́достей житїѧ̀ сегѡ̀, моли́твѣ же и҆ слꙋ́жбѣ Бо́жїей оу҆се́рднѡ прилежа̀ и҆ оу҆́мъ сво́й богомы́слїемъ возвыша́ѧ, при́снѡ воспѣва́лъ є҆сѝ Го́сподеви а҆́нгельскꙋю пѣ́снь: А҆ллилꙋ́їа.

І҆́кос г҃.

Ра́зꙋмъ твóй бжⷭ҇е́ственными оу҆че́нми просвѣща́ѧ, кра́снаѧ мі́ра сегѡ̀, Преподобномꙋчениче, ѿри́нꙋлъ є҆сѝ, сегѡ̀ ра́ди, водворѧ́ѧсѧ во ѡ҆би́тель Ст҃. Дꙋ́ха гра́да Ви́льны и҆ та́мѡ моли́твою и҆ поще́нїемъ во слꙋже́нїе Хрⷭ҇тꙋ̀ себѐ оу҆готовлѧ́ѧ, дꙋшеполе́зное сокрóвище стѧжа́лъ є҆сѝ. Мы́ же, твоѐ высóкое любомꙋ́дрїе оу҆блажа́ѧ, принóсимъ ти̑ похва̑лы сїѧ̑: Ра́дꙋйсѧ, прельще́нїѧ ю҆́нагѡ вóзраста побѣди́вый: ра́дꙋйсѧ, ѿ ю҆́ности житїѧ̀ богобоѧ́зненнагѡ сла́дость вкꙋси́вый. Ра́дꙋйсѧ, велѣ́нїй Хрⷭ҇тóвыхъ и҆з̾ мла́да и҆сполни́телю: ра́дꙋйсѧ, чистоты̀ дꙋше́вныѧ и҆ тѣле́сныѧ оу҆се́рдный храни́телю. Ра́дꙋйсѧ, подви́жниче, оу҆гожде́нїе Бо́гꙋ па́че всегѡ̀ возлюби́вый: ра́дꙋйсѧ, ѻ҆́бразъ ѿверже́нїѧ себѐ на́мъ показа́вый. Ра́дꙋйсѧ, ꙗ҆́кѡ пꙋте́мъ прискóрбнымъ ко Хрⷭ҇тꙋ̀ послѣ́довалъ є҆сѝ: ра́дꙋйсѧ, ꙗ҆́кѡ въ ра́йскїѧ ѡ҆би̑тели возше́лъ є҆сѝ. Ра́дꙋйсѧ, Препо-

до́бномꙋчениче а҆ѳана́сїе, похвало̀ и҆ ᲂу҆краше́нїе на́ше.

Конда́къ г҃.

Си́ла Всевы́шнѧгѡ ѡ҆хранѧ́ющи тѧ̀ непреста́ннѡ въ житїѝ твое́мъ, ꙗ҆вѣ̀ показа̀ тѧ, ꙗ҆кѡ сосꙋ́дъ и҆збра́нный во є҆же слꙋжи́ти Бо́гови и҆ наставлѧ́ти лю́ди ко спасе́нїю, тѣ́мже и҆ мы̀, таково́е Бо́жественное смотре́нїе ѡ҆ тебѣ̀ зрѧ́ще, воспѣва́емъ кꙋ́пнѡ съ тобо́ю хвале́бнꙋю пѣ́снь въ Тро́ицѣ сла́вимомꙋ Бо́гꙋ: А҆ллилꙋ́їа.

І҆́косъ г҃.

И҆мꙋ́щи при́снѡ предъ ѻ҆чи́ма свои́ма же́ртвꙋ Христо́вꙋ, за грѣхѝ людскі́ѧ принесе́ннꙋю, же́ртвеннѡ преда́лъ є҆сѝ житїѐ твоѐ въ рꙋ́цѣ Бо́жїи и҆, взе́мъ кре́стъ долготерпѣ́нїѧ и҆ злострада́нїѧ, Христꙋ̀ послѣ́довалъ є҆сѝ: тѣ́мъ же и҆ мы̀, ᲂу҆блажа́юще христоподража́тельное житїѐ твоѐ, воспѣва́емъ тѝ си́це: Ра́дꙋйсѧ, въ се́рдцѣ твое́мъ ѡ҆́бразъ Христа̀ непреста́ннѡ носи́вый: ра́дꙋйсѧ, Христꙋ̀ рабо́тати и҆ и҆́скреннѡ

є҆мꙋ̀ слꙋжи́ти лю́ди наꙋчи́вый. Ра́дꙋйсѧ, ꙗ҆́кѡ ѻ҆чеса́ми мы́сленными къ свѣ́тꙋ невече́рнемꙋ ᲂу҆стремлѧ́лсѧ є҆сѝ: ра́дꙋйсѧ, ꙗ҆́кѡ къ небесѝ пꙋте́мъ прискѡ́рбнымъ возше́лъ є҆сѝ. Ра́дꙋйсѧ, за́повѣдей Хрїсто́выхъ и҆ завѣ́тѡвъ а҆по́стольскихъ ᲂу҆се́рднѣйшїй храни́телю: ра́дꙋйсѧ, спасе́нїе дꙋ́шъ па́ствы твоеѧ̀ и҆зра́дный рачи́телю. Ра́дꙋйсѧ, житїе́мъ твои́мъ пра́веднымъ Бо́гꙋ ᲂу҆го́дивый: ра́дꙋйсѧ, наслѣ́дїе ца́рствїѧ небе́снагѡ богоᲂу҆гожде́нїемъ себѣ̀ ᲂу҆лꙋчи́вый. Ра́дꙋйсѧ, Преподобномꙋчени́че Аѳана́сїе, похвало̀ и҆ ᲂу҆краше́нїе на́ше.

Конда́къ д҃.

Бꙋ́рю гоне́нїй воздвиго́ша вразѝ проти́во ѡ҆би́тели Дꙋбо́йскїѧ, ю҆́же ᲂу҆строѧ́, содѣ́лалъ є҆сѝ, Преподобномꙋчени́че, ѡ҆пло́томъ Вѣ́ры Правосла́вныѧ, ты́ же ви́дѣнїемъ небе́снымъ ѡ҆заре́нный, ввѣ́ривъ сꙋдьбꙋ̀ бра́тїи твоеѧ̀ Бо́жїю Промышле́нїю ᲂу҆се́рднѡ молѧ́сѧ съ не́ю Бо́гови, взыва́лъ є҆сѝ є҆мꙋ̀: Аллилꙋ́їа.

І҆́косъ д҃.

Слы́шавше насе́льницы гра́да Бе́реста, ѡ҆ богоꙋго́днѣмъ житі́и і҆́нокѡвъ Кꙋпя-ти́цкїя ѡ҆би́тели, проси́ша і҆гꙋ́мена сея̀ ѡ҆би́тели, да і҆збере́тъ є҆ди́нагѡ і҆зъ бра́тїи поста́вити во і҆гꙋ́мена ѡ҆би́тели Бересте́йскїя. Є҆гда́ же бра́тїя недоꙋмѣва́ше, комꙋ̀ вда́ти же́злъ і҆гꙋ́менства, Про́мыслъ Бо́жїй жре́бїемъ ᲂу҆каза̀ на тя̀, ꙗ҆́кѡ досто́йный сосꙋ́дъ боже́ственныя благода́ти. Тѣ́мъ же и҆ мы̀, дивя́ся чꙋ́дномꙋ промышле́нїю Бо́жїю ѡ҆ тебѣ̀, достохва́льнѡ взыва́емъ ти̇̀: Ра́дꙋйся, па́стырю, ѿ самогѡ̀ Бо́га предꙋка́занный: ра́дꙋйся, нача́льниче ѡ҆би́тели, свы́ше и҆збра́нный. Ра́дꙋйся, во правосла́вїи бра́тїю ѡ҆би́тели твоея̀ ᲂу҆крѣпи́вый: ра́дꙋйся, моли́твѣ и҆ терпѣ́нїю житі́емъ твои́мъ вся̀ наꙋчи́вый. Ра́дꙋйся, ѡ҆би́тели твоея̀ че́стныя ѿ вра́жескихъ ко́зней ѡ҆храни́телю: ра́дꙋйся, и҆ насе́льникѡвъ земли̇̀ Бересте́йскїя въ ѡ҆хране́нїи вѣ́ры свѧты́я твёрдый рꙋководи́телю.

Ра́дуйся, въ по́тѣ лица̀ твоегѡ̀ Бо́га ра́ди потруди́выйся: ра́дуйся, вѣ́рный рабѐ, до́брымъ дѣ́лателемъ виногра́да Христо́ва ꙗви́выйся. Ра́дуйся, преподобномучениче Аfана́сіе, похвало̀ и҆ оу҆краше́ніе на́ше.

Конда́къ є҃.

Боготе́чной ѕвѣздѣ̀ подо́бенъ бы́лъ є҆сѝ, Преподобномучениче Аfана́сіе, въ житіѝ твое́мъ дѣ́ѧньми и҆ оу҆че́ньми до́брѣ па́ству твою̀ назида́ѧ и҆ пу́ть и҆́стинный къ го́рнему Іерусали́му є҆́й оу҆каз́уѧ, тѣ́мъ же и҆ ны́нѣ на небесѣ́хъ сїѧ́еши сла́вою вѣ́чною и҆ ку́пнѡ со ли́ки пра́ведныхъ воспѣва́еши хвале́бную пѣ́снь Бо́гови: Аллилу́їа.

Ікосъ є҃.

Ви́дѣвъ, ꙗ҆кѡ въ защище́нїи вѣ́рныхъ ча́дъ твои́хъ не довлѣ́етъ надѣ́ѧтисѧ на си̑лы человѣ́ческїѧ, всѐ оу҆пова́ніе твоѐ возложи́лъ є҆сѝ на по́мощь Засту́пницы ро́да хрїстїа́нскагѡ, молѧ́сѧ предъ ѡ҆́бразомъ

є҆ѧ̀ свѧты́мъ, и҆мену́емымъ Ма́тери Бо́жїѧ Кꙋпатıцкїѧ и҆ въ ча́съ те́плыѧ моли́твы твоеѧ̀ ѹ҆слы́шалъ є҆сѝ гла́съ є҆ѧ̀, повелѣва́ющїй тѝ бо́дрственнѡ за вѣ́рꙋ свѧтꙋ́ю стоѧ́ти и҆ па́ствꙋ твою̀ предъ си́льными мі́ра сегѡ̀ защища́ти. Сегѡ̀ ра́ди вѣ́рнїи наꙋчи́шасѧ воспѣва́ти тебѣ̀ такова́ѧ. Ра́дꙋйсѧ, въ житїѝ земнѣ́мъ слы́шати гла́съ Пречи́стыѧ Влады́чицы сподо́бивыйсѧ: ра́дꙋйсѧ, гла́сомъ є҆ѧ̀ слꙋжи́ти Бо́гꙋ призва́нный. Ра́дꙋйсѧ, въ защище́нїи ѡ҆би́димымъ крѣ́пкое забра́ло: ра́дꙋйсѧ, си̑льнымъ мі́ра сегѡ̀ небоѧ́зненный сꙋда̀ Бо́жїѧ провозвѣсти́телю. Ра́дꙋйсѧ, вождел҄ѣ́нїй и҆новѣ́рїѧ разрꙋши́телю: ра́дꙋйсѧ, пра́вды Бо́жїѧ въ сердца́хъ возстаю́щихъ и҆ враждꙋ́ющихъ на Св. Вѣ́рꙋ ѹ҆тверди́телю. Ра́дꙋйсѧ, па́стырю до́брый, дꙋ́шꙋ свою̀ положи́ти за ѻ҆́вцы своѧ̑ и҆зво́ливый: ра́дꙋйсѧ, за пра́вдꙋ гоне́нїѧ и҆ скѡ́рби претерпѣ́вый. Ра́дꙋйсѧ, Преподобномꙋче́ниче Аѳана́сїе, похвало̀ и҆ ѹ҆краше́нїе на́ше.

Конда́къ ѕ҃.

Проповѣ́дникъ оуче́нія Христо́ва воистинну явился еси, Преподобномучениче Аѳана́сіе, сло́вомъ твои́мъ въ вѣ́рѣ наставля́я, житіемъ во благоче́стіи вѣ́рныхъ оутвержда́я и всѣ́хъ поуча́я съ любо́вію пѣ́ти Бо́гу: Аллилу́ія.

Ікосъ ѕ҃.

Возсія́лъ еси, Преподобномучениче, яко свѣти́льникъ свѣтлѣ́й на свѣ́щницѣ Истинныя Вѣ́ры Христо́вы, высото́ю оума̀ твоего̀ озаря́я ду́шы вѣ́рныхъ и разгоня́я тьму нече́стія и невѣ́рія, сего̀ ра́ди избра́ша тя̀ лю́діе, яко побо́рника вѣ́ры сея̀, предста́ти предъ лице́мъ си́льныхъ мі́ра сего̀ и оградити ю̀ ѿ злоко́зненныхъ навѣ́товъ возстаю́щихъ на ню̀. Тѣ́мже и мы̀ досто́йно оублажа́емъ тя̀ похвала́ми сими: Ра́дуйся, су́щымъ въ напа́стѣхъ ско́рый помо́щниче: ра́дуйся, обидимымъ крѣ́пкій засту́пниче. Ра́дуйся, па́ствы твоея̀ во благоустрое́ніи житія̀

церко́внагѡ му́дрый руководи́телю: ра́дуйся, малоду́шіемъ колеблемыхъ вѣ́рный оукрѣ-пи́телю. Ра́дуйся, враждебныхъ навѣ́тѡвъ достохва́льный ѿрази́телю: ра́дуйся, без-по́мощныхъ при́сный защи́тителю. Ра́дуйся, ѡгра́дою крѣ́пкою ѡби́димымъ ꙗ҆ви́выйся: ра́дуйся, предъ лице́мъ си́льныхъ мі́ра сегѡ̀ и҆зре́щій пра́вду не оубоя́выйся. Ра́дуйся, Преподобному́чениче А҆ѳана́сіе, похвало̀ и҆ оукраше́ніе на́ше.

Конда́къ г҃.

Хотя́й непреста́ннѡ житіе́мъ свои́мъ Бо́гу благоугожда́ти, подвигополо́жникъ бы́лъ є҆сѝ, Преподобному́чениче А҆ѳана́сіе, неѡсла́бный ѡ҆́бразъ бра́тіи твое́й пода́ѧ въ труде́хъ, бдѣ́ніихъ и҆ пощеніихъ, съ любо́вію поуча́лъ є҆сѝ и҆́хъ, призыва́ѧ слу́жити Бо́гу и҆ пѣ́ти Тому́: А҆ллилу́іа.

І҆кос г҃.

Но́ваго по́двига и҆ноческагѡ житіѧ̀ вожделѣ́въ, не ѿри́нулъ є҆сѝ проше́ніѧ и҆нокѡвъ ѡби́тели Дубо́йскіѧ возложи́ти на сѧ̀

вре́мѧ во благоꙋстрое́нїи є҆ѧ̀ и҆, ше́дъ во ѡ҆би́тель сїю̀, ᲂу҆зрѣ́лъ є҆сѝ на пꙋтѝ мꙋ́жа ᲂу҆бо́га, є҆́ле жи́ва сꙋ́ща и҆, сама-рѧни́нꙋ милосе́рдомꙋ подо́бѧщисѧ, подъѧ́лъ є҆сѝ є҆го̀ на раме́на твоѧ̀ и҆ не́слъ є҆сѝ, внима́ѧ неизрече́ннымъ є҆гѡ̀ глаго́лѡмъ: се́й же мꙋ́жъ, внеза́пꙋ скрывый сѧ ѿ тебѐ, назва́сѧ сладча́й-шимъ и҆́менемъ Іисꙋ́съ. Сегѡ ра́ди и҆ мы̀, та́инѣ твоегѡ̀ боговидѣ́нїѧ дивѧ́щесѧ, со ᲂу҆ми-ле́нїемъ тебѣ̀ вопїе́мъ: Ра́дꙋйсѧ, ко ми-лосе́рдїю дꙋ́шꙋ твою̀ предꙋготова́вый: ра́дꙋйсѧ, ѡ҆́бразъ сострада́нїѧ лю́демъ собо́ю ꙗ҆ви́вый. Ра́дꙋйсѧ, глаго́лы Госпо́дни слы́шати сподо́бивыйсѧ: ра́дꙋйсѧ, ѿкрове́нїе ди́вныхъ та́инъ ѿ Бо́га воспрїѧ́вый. Ра́дꙋйсѧ, богови́дче Хрїсто́въ: ра́дꙋйсѧ, бо-гови́дцꙋ Мѡѷсе́ови ᲂу҆подо́бивыйсѧ. Ра́дꙋй-сѧ, та́инниче Бо́жїй, є҆щѐ на земли̇̀ небе́сныхъ бла́гъ вкꙋси́вый: ра́дꙋйсѧ, ꙗ҆́кѡ са́мъ Пасты-рена ча́льникъ Іисꙋ́съ призва́ти тѧ̀ на по́двигъ благоволи́вый. Ра́дꙋйсѧ, Преподобномꙋ-чениче Аѳана́сїе, похвало̀ и҆ ᲂу҆краше́нїе на́ше.

Конда́къ и҃.

Ѻ҆трáненъ и҆ безꙋ́менъ показа́лсѧ є҆сѝ лю́демъ, Преподобномꙋ́чениче, є҆гдà, Хрıста̀ ра́ди ю҆ро́дство воспрїѧ́въ на сто́гнахъ ца́рствꙋющагѡ гра́да и҆́стинꙋ Свѧты́ѧ Правосла́вныѧ Вѣ́ры защища́ѧ и҆ гнѣ́вомъ Бо́жїимъ ѿше́дшихъ ѿ сеѧ̀ и҆́стины ᲂу҆страша́ѧ, восклица́лъ є҆сѝ: го́ре ѿстꙋ́пникѡмъ и҆ невѣ́рнымъ, вѣ́ра бо Правосла́внаѧ ꙗ҆́кѡ со́лнце возсїѧ́етъ. Мы́ же словеса̀ сїѧ̑, ꙗ҆́кѡ проро́чествїе прїе́млюще моли́твеннѡ къ тебѣ̀ взыва́емъ: ѡ҆бꙋюродѣ́вшїй ᲂу҆́мъ на́шъ на стезю̀ и҆́стины напра́ви, да съ тобо́ю взыва́емъ Бо́гꙋ: А҆ллилꙋ́їа.

І҆́косъ и҃.

Ве́сь є҆сѝ жела́нїе моѐ и҆ ра́дость моѧ̀, сладча́йшїй І҆исꙋ́се, взыва́лъ є҆сѝ ко Го́сподꙋ, Преподобномꙋ́чениче, є҆гдà ве́денъ бы́лъ є҆сѝ на мѣ́сто мꙋче́нїѧ твоегѡ̀, дꙋ́шꙋ бо твою̀ преда́въ въ рꙋцѣ̀ Бо́жїи, тѣ́ло твоѐ сла́дцѣ преда́лъ є҆сѝ въ рꙋ́цѣ мꙋчи́телей твои́хъ. Такова́ѧ любо́вь твоѧ̀

ко Гóсподꙋ и҆ крóтость твоѧ̀ мꙋчи́телей смꙋтѝ, и҆ сегѡ̀ рáди є҆ди́нъ ѿ вóинъ, ѿ є҆гѡ́ же рꙋкѝ пови́ненъ бы́лъ є҆сѝ прїѧ́ти смéрть, дивѧ́сѧ мꙋ́жествꙋ твоемꙋ̀, благословéнїѧ ѻ҆тéческагѡ и҆ прощéнїѧ за сїѐ безꙋ́мное дѣ́ло ѹ҆ тебѐ и҆спросѝ. Мы́ же, благоговѣ́йнѡ воспоминáюще сїѐ, похвалáми ѹ҆блажи́мъ тѧ̀ си́ми: Рáдꙋйсѧ, любóвїю ко Хрїстꙋ̀, ꙗ҆́ки многоцѣ́нными би́серомъ, дꙋ́шꙋ твою̀ ѹ҆краси́вый: рáдꙋйсѧ, дѣ́йственными пропокѣ́данїемъ сеѧ̀ любвѐ вѣ́рный пꙋ́ть во свѧты́ѧ нáмъ ѹ҆казáвый. Рáдꙋйсѧ, мꙋ́жественнымъ смирéнїемъ врагѡ́въ твои́хъ ѹ҆диви́вый: рáдꙋйсѧ, крóтостїю твоéю ѡ҆слѣплéнными врáждою къ тебѣ̀ мꙋчи́телемъ ѹ҆́мное прозрѣ́нїе даровáвый. Рáдꙋйсѧ, мꙋ́жественнѡ смéрть претерпѣ́вый: рáдꙋйсѧ, небéснꙋю Ї҆исꙋ́совꙋ слáдость вкꙋси́вый. Рáдꙋйсѧ, немóлчнаѧ и҆сповѣдникѡ́въ слáво: рáдꙋйсѧ, преди́внаѧ мꙋченикѡ́въ похвалò. Рáдꙋйсѧ, Преподобномꙋчениче А҆данáсїе, похвалò и҆ ѹ҆крашéнїе нáше.

Конда́къ д҃.

Всѝ ви́дѧщїи тѧ̀ въ темни́чнѣмъ заточе́нїи, Преподобномꙋ́чениче, ѕѣлѡ̀ дивлѧ́хꙋсѧ твоемꙋ̀ непоколеби́момꙋ стоѧ́нїю за вѣ́рꙋ и҆́стиннꙋю свѧтꙋ́ю, завѣ́ты бо ѿте́ческїѧ соблюда́ѧ, не то́кмѡ не ᲂу҆страши́лсѧ є҆сѝ ᲂу҆́зъ, ѡ҆плева́нїй и҆ порꙋга́нїй, но мꙋ́жественнѡ всѧ̑ сїѧ̑ терпѧ̀ за Хрїста̀, слёзнагѡ и҆спо́лнившисѧ ᲂу҆миле́нїѧ, благода́рственнѡ воспѣва́лъ є҆сѝ Бо́гꙋ: А҆ллилꙋ́їа.

І҆́косъ д҃.

Вїтї́и многовѣща́ннїи не возмо́гꙋтъ и҆зрещѝ ра́дости тоѧ̀ вели́кїѧ, є҆́юже и҆спо́лнени бы́ша сердца̀ дости́гшихъ вѣ́рнѡ чти́ти свѧтꙋ́ю па́мѧть твою̀: сі́и, весе́лїемъ ѡ҆держи́мїи помы́слиша воздви́гнꙋти хра́мъ на мѣ́стѣ мꙋ́ченическїѧ кончи́ны твоеѧ̀, мѣ́сто же сїѐ и҆ по трїе́хъ стѣ́хъ лѣ́тѣхъ по кончи́нѣ твое́й сохра́нно бѣ̀ въ па́мѧти вѣ́рныхъ. Те́рнъ бо, прора́стшїй на кро́ви твое́й, ꙗ҆́кѡ свидѣ́тель нело́жный, соблюда́ше мѣ́сто сїѐ ѿ лю́дскагѡ забве́нїѧ, и҆ свѣща̀

ко гробѣ твоемъ, юже имѣлъ еси въ рꙋцѣхъ твоихъ въ часъ кончины твоея, истинствова мѣсто твоегѡ ᲂу҆покоенїя. Ѡ семъ оубѡ радꙋющеся, вѣрнїи восклицаху ти: Радꙋйся, пꙋтемъ тернистымъ житїя твоегѡ грѣховная тернїя дꙋши твоея оумертвивый: радꙋйся, ꙗкѡ тернїемъ, прорастшимъ на гробѣ твоемъ, мѣсто оупокоенїя твоегѡ показавый и тѣмъ радость велїю вѣрнымъ твоимъ ꙗвивый. Радꙋйся, хранителю ѡбычаевъ церковныхъ, со свѣщею возжженною смерть воспрїявый: радꙋйся, въ знаменїи свѣщи возжженныя ѡбразнѡ тайнꙋ сїянїя славы твоея предѡбразивый. Радꙋйся, ꙗкѡ храмомъ, созданнымъ въ памѧть твою на гробѣ твоемъ, славнѡ имѧ твое ѿ людей прославляется: радꙋйся, ꙗкѡ на гробѣ твоемъ, ꙗкоже и древле на гробѣхъ мꙋченическихъ, жертва Христова за грѣхи людскїя приноситсѧ. Радꙋйся, неизсякаемый источниче блаженныя ѡ тебѣ памѧти на

земли̂: ра́дꙋйсѧ, цвѣ́томъ нетлѣ́нїѧ ꙋ҆кра́шенный на небесѝ. Ра́дꙋйсѧ, Преподобномꙋ́чениче А҆ѳана́сїе, похвало̀ и҆ ꙋ҆краше́нїе на́ше.

Конда́къ г҃.

Спастѝ хотѧ́й дꙋ́шꙋ твою̀, ѿ житїѝ се́мъ привре́меннѣмъ нерадѣ́лъ є҆сѝ, Преподобномꙋ́чениче, є҆гда̀ бо на тѧ̀ ѡ҆сꙋжде́нїе сме́рти и҆зы́де, съ ра́достїю вели́кою преда́лъ є҆сѝ дꙋ́шꙋ твою̀ въ рꙋ́цѣ Бо́гови, воспѣва́ѧ є҆мꙋ̀, въ мꙋ́ченическомъ по́двизѣ тебѣ̀ ꙋ҆крѣплѧ́ющемꙋ, хвале́бнꙋю пѣ́снь: А҆ллилꙋ́їа.

І҆́косъ г҃.

Стѣно́ю ѡ҆гражде́нїѧ це́ркви правосла́внѣй ѡ҆бѣща́лсѧ є҆сѝ бы́ти, проро́чески на сїѐ ꙋ҆ка́зꙋѧ въ предсме́ртнемъ завѣ́тѣ ꙋ҆ченикѡ́мъ твои̑мъ: та́мѡ, и҆дѣ́же тѣ́ло моѐ и҆ꙁѧ́звленное и҆ ѡ҆стрꙋ́пленное за и҆́мѧ Бо́жїе поло́жено бꙋ́детъ, Вѣ́ра Правосла́внаѧ процвѣте́тъ, ꙗ҆́кѡ кри́нъ посредѣ̀ те́рнїѧ и҆ ꙗ҆́кѡ и҆́скра въ теплѐ сокры́таѧ ꙗ҆ви́тсѧ, возсїѧ́етъ

и҆ повсю́дꙋ ѡ҆свѣти́тъ. Сегѡ̀ ра́ди и҆ мы̀,
сла́вѧще Бо́га ди́внагѡ во свѧты́хъ свои́хъ
и҆ тѧ̀ ᲂу҆блажа́емъ: Ра́дꙋйсѧ, ꙗ҆́кѡ за
и҆́стинꙋ ско́рби мнѡ́гїѧ и҆ ꙗ҆́звы претерпѣ́лъ
є҆сѝ: ра́дꙋйсѧ, ꙗ҆́кѡ за и҆сповѣ́данїе и҆
защище́нїе Вѣ́ры Правосла́вныѧ нетлѣ́нїе
моще́й твои́хъ во блаже́ннѣмъ ᲂу҆поко́енїи
прїѧ́лъ є҆сѝ. Ра́дꙋйсѧ, дꙋхо́внѡ слѣпот-
ствꙋ́ющихъ и҆ въ Зако́нѣ Госпо́дни за-
блꙋжда́ющихъ пречꙋ́дный рꙋководи́телю:
ра́дꙋйсѧ, всѣ́хъ напа́стей и҆ бѣ́дъ, ѡ҆бꙋрева́ю-
щихъ вѣ́рное ста́до Христо́во, ѿрази́телю.
Ра́дꙋйсѧ, прославле́нїемъ моще́й твои́хъ
превели́кїѧ ра́дости на́съ и҆спо́лнивый: ра́дꙋй-
сѧ, и҆ невѣ́рныѧ нетлѣ́нїемъ тѣлесѐ твоегѡ̀
къ позна́нїю и҆́стины правосла́вїѧ приве́дый:
Ра́дꙋйсѧ, твои́мъ проре́че́нїемъ въ наде́жди
торжества̀ Вѣ́ры И҆́стинныѧ на́съ ᲂу҆крѣпи́-
вый, ра́дꙋйсѧ, и҆ по ᲂу҆спе́нїи твое́мъ превели́-
кимъ сеѧ̀ вѣ́ры защи́тникомъ себѐ ꙗ҆ви́вый.
Ра́дꙋйсѧ, Преподобномꙋ́чениче А҆ѳана́сїе,
похвало̀ и҆ ᲂу҆краше́нїе на́ше.

Конда́къ а҃і.

Пѣ́нїе всеѹмиле́нное принесо́ша Бо́гови ѹ҆чєни́цы твоѝ, Преподобномѹ́чениче, є҆гда̀ ѡ҆брѣто́ша сокры́то ѿ люде́й чтѹ́щихъ па́мѧть твою̀ мѣ́сто твоегѡ̀ ѹ҆покоє́нїѧ и҆ мо́щи твоѝ нетлѣ́ннѡ пребыва́ющїѧ, ѡ҆ба́че и҆ мы̀, взира́юще на таковѹ́ю ми́лость Бо́жїю на́мъ ꙗ҆вле́ннѹю, благода́рственнѡ вопїе́мъ прославившемѹ тѧ̀ Бо́гѹ: А҆ллилѹ́їа.

І҆́косъ а҃і.

Свѣти́льникъ житїѧ̀ благоче́стнагѡ вѣ́рномѹ ста́дѹ твоемѹ̀ бы́лъ є҆сѝ, Преподобномѹ́чениче А҆ѳана́сїе, въ дѹшѝ твое́й бжⷭ҇твєннаѧ бога́тства Дѹ́ха Свѧта́гѡ собра́въ, за Хрїста̀ мѹ́ченичество и҆сповѣ́данїѧ прїѧ́лъ є҆сѝ. тѣ́мъ же и҆ мы̀, моли́твами твои́ми просвѣще́ншесѧ вопїе́мъ тѝ: ра́дѹйсѧ, свѣти́льниче благода́тный житїѧ̀ благоче́стнагѡ: ра́дѹйсѧ, вѣ́рѹ, наде́ждѹ и҆ любо́вь до конца̀ сохрани́вый. Ра́дѹйсѧ, со Хрїсто́мъ, є҆гѡ́же ѿ ю҆́ности

возлюбилъ єси, на вѣки, соединившися: радуйся, мзду велію за житіе твое славное отъ негω воспріявый. Радуйся, звѣздо лучезарная надъ землею нашею возсіявшая: радуйся, царствія небеснагω и славы вѣчныя наслѣдниче. Радуйся, нетлѣніемъ мощей твоихъ ѡбразъ воскресенія нашегω явивый: радуйся, якω имя твое по всей странѣ нашей отъ конца въ конецъ прославляется. Радуйся, страны нашея крѣпкое ѡграждeніе: радуйся, присное предъ Богомъ наше защищеніе. Радуйся, Преподобномучениче Аѳанасіе, похвало и украшеніе наше.

Кондакъ ві.

Благодать цѣльбоносна дана отъ Бога нетлѣнному твоему тѣлеси, егда бо ѡтрокъ, на смертнѣмъ ѡдрѣ лежащъ, прикоснуся рацѣ твоей, абіе исцѣлѣ: благодати сея, Преподобномучениче Аѳанасіе, и намъ немощнымъ испроси, да и мы здрави суще тѣломъ и духомъ, въ

сей и҆ бꙋ́дꙋщей жи́зни ѡ҆ тебѣ̀ пое́мъ Бо́гꙋ: А҆ллилꙋ́їа.

Ї́косъ ві.

Пою́ще твоѐ сла́вное и҆ непреобори́мое стоѧ́нїе за вѣ́рꙋ И҆́стиннꙋю, ꙋ҆блажа́емъ, Преподобномꙋ́чениче, и҆ свѧ́тꙋю твою̀ кончи́нꙋ, ѥ҆́юже на земли̑ и҆ на небесѝ просла́вилсѧ є҆сѝ и҆ прино́симъ тѝ похвалы̑ сїѧ̑: Ра́дꙋйсѧ, непоколеби́мый сто́лпе вѣ́ры Христо́вой и҆ ѻ҆те́ческихъ преда́нїй: ра́дꙋйсѧ, ꙗ҆́кѡ тобо́ю це́рковь вѣ́рныхъ просвѣща́етсѧ. Ра́дꙋйсѧ, вѣ́рный ра́бе Христо́въ, любо́вь ко Христꙋ̀ свое́ю кро́вїю запечатлѣ́вый: ра́дꙋйсѧ, за вѣ́рꙋ и҆ страда́нїѧ въ ра́дость Го́спода прїѧ́тый. Ра́дꙋйсѧ, вѣ́рнымъ ча́дѡмъ твои̑мъ и҆́стинный пꙋ́ть во ѡ҆би́тели показа́вый: ра́дꙋйсѧ, во ѡ҆би́телѣхъ Христо́выхъ на ско́рби на́ши призира́ющїй. Ра́дꙋйсѧ, ѿ вра̑гъ ви́димыхъ и҆ неви́димыхъ крѣ́пкїй на́шъ застꙋ́пниче: ра́дꙋйсѧ, даро́ванной ѿ Го́спода ми́лости неѡскꙋ́дный и҆сто́чниче. Ра́дꙋйсѧ, дꙋше́вныхъ и҆ тѣ-

лѣ́сныхъ неду́говъ на́шихъ цѣле́бниче: ра́дуйся, всеусе́рдный ко спасе́нію на́шъ наста́вниче. Ра́дуйся, Преподобному́чениче Аѳана́сіе, похвало̀ и̑ оу̑краше́ніе на́ше.

Конда́къ гі.

О, всехва́льный оу̑го́дниче Христо́въ, Преподобному́чениче Аѳана́сіе, пріимѝ сіѐ ма́лое моле́ніе на́ше, въ похвалу тебѣ̀ приноси́мое. Бу́ди нео́сла́бный моли́твенникъ на́мъ предъ престо́ломъ Всевы́шнягѡ и̑ те́плымъ предста́тельствомъ твои́мъ и̑зба́ви на́съ ѿ зо́лъ земны́хъ и̑ гряду́щагѡ му́че́нія, да съ тобо́ю воспѣва́емъ Бо́гу: Аллилу́іа.

Сей конда́къ глаго́ли три́жды. И̑ па́ки чте́тся пе́рвый і̑косъ: А̑нгельскій чи́нъ: И̑ па́ки конда́къ: И̑збра́ннагѡ Бо́гомъ:

МОЛИТВА

ко Свѧтомꙋ Преподобномꙋченикꙋ Аѳанасїю.

Ѽ, великїй ᲂу҆го́дниче Христо́въ, свѧты́й Преподобномꙋчениче А҆ѳана́сїе! Къ тебѣ̀ мы̀ грѣ́шнїи и҆ смире́ннїи, ꙗ҆́кѡ къ те́паломꙋ на́шемꙋ застꙋ́пникꙋ и҆ ско́ромꙋ помо́щникꙋ, моли́твеннѡ прибѣга́емъ и҆ и҆з̾ глꙋбины̀ се́рдца взыва́емъ. При́зри на ны̀ ско́рѡ и҆ ᲂу҆молѝ человѣколю́бца Бо́га, да не ѡ҆сꙋ́дитъ на́съ грѣ́шныхъ по беззако́нїѧмъ на́шымъ, но да сотвори́тъ съ на́ми по вели́кой Своей̀ ми́лости. Ѿхранѝ на́съ свои́мъ застꙋпле́нїемъ ѿ ѡ҆блежа́щагѡ ны̀ сꙋемꙋ́дрїѧ и҆ неправовѣ́рїѧ и҆ ꙗ҆́кѡ па́стырь до́брый, ᲂу҆пасѝ заблꙋ́дшїѧ ѻ҆́вцы ста́да Христо́ва и҆ ко дво́ры Госпо́дни сїѧ̀

всели. Огради насъ ѿ соблазнѡвъ, ересей и расколѡвъ и настави твердѡ въ вѣрѣ Православнѣй подвизатися. Потщися, скорый ѡ насъ предстателю, благопріятнымъ твоимъ ходатайствомъ умолити Господа, да ниспослетъ намъ тихое и богоугодное житіе, уврачуетъ Своею благодатію наша болѣзни душевныя и тѣлесныя, согрѣетъ наша сердца любовію другъ ко другу и сотворитъ ны братолюбны и единомысленны. Испроси такожде у Господа и всегѡ потребнагѡ для житія нашегѡ тѣлеснагѡ: земли плодородія, благорастворенія воздухѡвъ и мирнагѡ устроенія. Страну нашу, веси и грады ѡхрани молитвами твоими ѿ огня, потопа, труса, вражескагѡ нашествія, и внутреннихъ нестроеній. Егда же приспѣетъ часъ кончины нашея, утверди въ насъ память смертную, да и мы, въ истиннѣмъ покаяніи и чистѣмъ свѣдѣніи совѣсти нашея представше ко Го-

* * *

сподꙋ, сподо́бимсѧ десна́гѡ стоѧ́нїѧ и҆ со всѣ́ми свѧты́ми воспое́мъ сла́вꙋ Ѻ҆тцꙋ̀ и҆ Сы́нꙋ и҆ Свѧто́мꙋ Дꙋ́хꙋ во вѣ́ки вѣкѡ́въ. А҆ми́нь.

[Протоиерей Константин Зноско]

Служба Святому Преподобномученику Афанасию, игумену Брестскому

(Варшава, 1929)

Слꙋ́жба Преподобномꙋ́ченикꙋ Аѳана́сїю, ѓгꙋменꙋ Бре́стскомꙋ.

На ма́лѣй вече́рни.

На Го́споди воззва́хъ стїхи́ры, гла́съ ѕ҃.

Преподо́бне ѿче Аѳана́сїе, воздержа́нїемъ и҆ моли́твою Бо́гꙋ прилѣпля́јѧсѧ, стра́сти и҆ невоздержа́нїѧ пло́ти твоеѧ̀ ᲂу҆мертви́лъ є҆сѝ и҆ рабо́мъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ Спа́са Вседержи́телѧ. Тѣ́мже почита́емъ па́мѧть твою̀ всечестнꙋ́ю.

Пе́рвѣе по́двигомъ твои́мъ въ житїѝ земнѣ́мъ Бо́гови ᲂу҆гожда́ѧ, страда́нїемъ второ́е мꙋ́ченически жи́тїе твоѐ сконча́лъ є҆сѝ. Тѣ́мъ тѧ̀ вѣнча̀ за сꙋгꙋ́быѧ по́двиги Христо́съ человѣколю́бецъ и҆ спа́съ дꙋ́шъ на́шихъ.

Сла́ва, гла́съ то́йже.

Воспѣва́имъ дне́сь пѣ́сньми страда́льца землѝ на́шеѧ преподобномꙋ́ченика Аѳана́сїѧ: се́й бо и҆з̾ мла́да Христа̀ возлюби́въ, нелѣ́ностїю велѣ́нїѧмъ є҆гѡ̀ ᲂу҆гожда́ѧ, во ᲂу҆твержде́нїе вѣ́ры Правосла́вныѧ странѣ̀ на́шей послꙋжѝ. Ны́нѣ же во ѡ҆би́тели небе́сныѧ прїѧ́тый, мо́литъ Христа̀ Бо́га поми́ловати дꙋ́ши на́ша.

И҆ нны́нѣ, Богоро́диченъ:

Ра́дꙋйсѧ, ѕвѣздо̀ свѣтоза́рнаѧ, Свѣ́тъ пре́жде денни́цы ѿ Ѻ҆тца̀ возсїѧ́вшїй неизрече́ннѡ ро́ждшаѧ. Тогѡ̀ сїѧ́нїемъ ѡ҆зарѝ дꙋ́шы на́ша, спѧ́щїѧ во тьмѣ̀ и҆ сѣ́ни сме́ртнѣй.

На стїхо́внѣ стїхи́ры, гла́съ д҃.

Про́мысломъ Бо́жїимъ и҆ человѣ́ческимъ и҆збра́нїемъ во и҆гꙋ́мена ѻ҆би́тели Берестéйскїѧ поста́вленъ бы́лъ є҆сѝ, преподобномꙋ́чениче, и҆, ꙗ҆́кѡ па́стырь преизрѧ́дный, врꙋче́нно тѝ Бо́гомъ ста́до во и҆́стинѣ наста́вилъ є҆сѝ. Наста́ви и҆ на́съ, вѣ́рнѡ чтꙋ́щихъ па́мѧть твою̀, ка́кѡ въ вѣ́рѣ и҆́стиннѣй ᲂу҆тверди́тисѧ.

Сті́хъ: Че́стна̀ пре́дъ Го́сподемъ сме́рть преподо́бныхъ є҆гѡ̀.

Земна́ѧ ѿри́нꙋвъ, небе́снаѧ себѣ̀ ᲂу҆готовлѧ́ѧ, ꙗ҆́кѡ страда́лецъ за и҆́стинꙋ, небе́сныѧ сла́дости вкꙋси́лъ є҆сѝ, страстоте́рпче. Сїѧ̀ сла́дости и҆спросѝ и҆ на́мъ ᲂу҆ Хрїста̀ Спа́са на́шегѡ, ꙗ҆́кѡ моли́твенникъ ѡ҆ дꙋша́хъ на́шихъ.

Сті́хъ: Блаже́нъ мꙋ́жъ, боѧ́йсѧ Го́спода, въ за́повѣдехъ є҆гѡ̀ восхо́щетъ ѕѣлѡ̀.

Дне́сь соше́дшесѧ вѣ́рнїи твоѝ въ прославле́нїе па́мѧти твоеѧ̀, преподобномꙋ́чениче, ра́дости и҆ весе́лїѧ и҆спо́лнишасѧ: житїе́мъ бо твои́мъ пра́веднымъ и҆ въ вѣ́рѣ Правосла́внѣй твѣ́рдымъ стоѧ́нїемъ

не токмѡ истинный намъ путь къ небеси указуеши, но и нынѣ, ꙗкѡ предстатель нашъ предъ Господомъ, молишися ѡ спасеніи душъ нашихъ.

Слава и нынѣ, Богородиченъ:

Къ покрову твоему прибѣгаемъ, Дѣво Богородице, и молимъ Тя, скорѡ на помощь намъ, вѣрнѡ чтущимъ тя, предвари и ѿ врагъ видимыхъ и невидимыхъ избави: Ты бо еси заступленіе наше.

Тропарь, гласъ в҃.

Блаженъ еси, ѿче нашъ Аѳанасіе, ꙗкѡ вѣрнѡ пожилъ еси, стоя бодреннѡ за святую Восточную вѣру, со умиленіемъ присно поя неседальное Пречистѣй, заповѣдуя никомуже нарушати Православныя вѣры святыя, пострадавъ за свидѣтельство истины даже до смерти. Мы же, чтуще святыню твою, со дерзновеніемъ взываемъ ти: Ѿче нашъ, преподобномучениче Аѳанасіе, похвало и украшеніе наше.

На велицѣй вечерни.

На Господи воззвахъ стіхиры, гласъ и҃.

Душу твою и тѣло ѿ страстей ѡчистивъ, Духа Святагѡ жилище былъ еси и красная міра ѿ юности твоея презрѣвъ, радуяся послѣдовалъ

є҆сѝ Хрїстꙋ. Сегѡ̀ ра́ди сла́вꙋ вѣ́чнꙋю воспрїѧ́въ, Томꙋ, ꙗ҆́кѡ предста́тель на́шъ, моли́сѧ дарова́ти мі́ръ мі́рꙋ и҆ дꙋша́мъ на́шымъ ве́лїю ми́лость.

Мно́гимъ по́двигомъ пло́ть твою̀ ᲂу҆мерщвлѧ́ѧ, ᲂу҆краше́нїемъ і҆но́ковъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ, преподобномꙋ́чениче, добрѣ̀ си́хъ къ небесѝ наставлѧ́ѧ. Тѣ́мже ны́нѣ во тмѣ̀ грѣхо́внѣй сꙋ́щїѧ ны̀ просвѣтѝ и҆, ꙗ҆́кѡ дерзнове́нїе и҆мѣ́ѧй ко Го́сподꙋ Спа́сꙋ на́шемꙋ, Того̀ молѝ спасти́сѧ дꙋша́мъ на́шимъ.

Сто́лпъ непоколеби́мый вѣ́ры Хрїсто́вы и҆ и҆́стинный ревни́тель ѿте́ческихъ преда́нїй бы́лъ є҆сѝ въ житі́и твое́мъ, преподобномꙋ́чениче, бо́дреннѡ стоѧ̀ за свѧтꙋ́ю Правосла́внꙋю вѣ́рꙋ. Ра́зꙋмъ и҆ на́шъ вѣ́рно чтꙋ́щихъ па́мѧть твою̀ въ вѣ́рѣ ᲂу҆твердѝ ко спасе́нїю дꙋ́шъ на́шихъ. Въ же́ртвꙋ Бо́гꙋ себѐ самого̀ принося̀, въ се́рдцѣ твое́мъ храни́лъ є҆сѝ ѡ҆́бразъ Хрїста̀-А҆́гнца непоро́чна, вда́вшагѡ себѐ на закла́нїе за грѣхѝ мі́ра и҆, томꙋ̀ подража́ѧ, сла́дцѣ преда́лъ дꙋ́шꙋ твою̀ въ рꙋ́цѣ Бо́жїи. Хрїсто́выхъ страда́нїй ѡ҆́бщниче, Того̀ молѝ спасти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Сла́ва, гла́съ то́йже.

Є҆ѵа́нгельски Го́спода Бо́га возлюби́въ, ᲂу҆кра́силъ є҆сѝ дꙋ́шꙋ твою̀ добродѣ́телями дꙋхо́вными,

ѡ҆́бразомъ подража́тельнымъ бы́въ вѣ́рному ста́ду твоему̀ и҆, ꙗ҆́кѡ свѣти́льникъ стоѧ́й на свѣ́щницѣ, мнѡ́гїѧ ра́зумомъ благоразꙋмїѧ ѡ҆богати́лъ є҆сѝ, пострада́въ же за и҆́стинꙋ Христо́вꙋ да́же до кро́ве, благода́ти чꙋдотворе́нїѧ сподо́билсѧ є҆сѝ. Не забꙋ́ди и҆ на́съ ꙋ҆бо́гихъ во благода́ти твое́й, да прославлѧ́ѧ Го́спода дарова́вшаго тебѣ̀ такова̑ѧ, спасе́мъ дꙋ́ши на̑ша.

И҆ ны́нѣ, Богоро́диченъ: Ца́рь небе́сный за человѣколю́бїе...

Вхо́дъ. Прокі́менъ. Чте́нїѧ трѝ мꙋ̑ченическаѧ.

На лїті́и стїхі́ры, гла́съ в҃.

Прїиди́те вѣ́рнїи па́мѧть Преподобномꙋ́ченика Аѳана́сїѧ почти́мъ, ꙗ҆́кѡ многоцѣ́нный би́серъ дꙋхо́вный ᲂу҆кра́сившїй сїѧ́нїемъ вѣ́ры и҆ благоче́стїѧ странꙋ̀ на́шꙋ. Моли́твеннѡ притеце́мъ къ страстоте́рпцꙋ за вѣ́рꙋ Правосла́внꙋю свѧтꙋ́ю, ᲂу҆чи́телю воздержа́нїѧ, и҆сто́чникꙋ ᲂу҆миле́нїѧ, человѣ́кꙋ небе́сномꙋ и҆ а҆́нгелꙋ земно́мꙋ, печа́льникꙋ землѝ на́шеѧ и҆ сле́знѡ томꙋ̀ возопїе́мъ: наста́ви на́съ вѣ́рою правовѣ́рною восхвалѧ́ти Го́спода ко спасе́нїю дꙋ́шъ на́шихъ.

Мо́щи твоѝ, преподобномꙋ́чениче, по ᲂу҆спе́нїи твое́мъ и҆сто́чникъ и҆сцѣле́нїй притека́ющихъ къ тебѣ̀ ꙗ҆влѧ́ѧ, немо́лчнѡ свидѣ́тельствꙋютъ ѡ҆ сла́вѣ твое́й, наставлѧ́ѧ на́съ на пꙋ́ть, и҆́же є҆́сть въ

животꙋ и҆ бл҃гочестїю и҆ вѣща́ѧ: возлюби́те Го́спода и҆ ѡ҆бра́щете сла́вꙋ вѣ́чнꙋю и҆ поко́й со и҆збра́нными. Є҆го́же да ᲂу҆лꙋчи́мъ твои́ми моли́твами, ст҃ѧ́те А҆ѳана́сїе.

Сла́ва, гла́съ то́йже.

Ревнꙋѧ ѡ҆ вѣрѣ Правосла́внѣй, возскорбѣлъ є҆сѝ печа́лїю ве́лїею, ꙗ҆́кѡ вѣ́ра сїѧ̀ ѿ неправовѣ́рныхъ попира́етсѧ и҆ во днѝ ско́рби твоеѧ̀ моля́сѧ пре́дъ і҆ко́ною Пречи́стыѧ Влады́чицы, всѐ ᲂу҆пова́нїе возложи́лъ є҆сѝ на застꙋпле́нїе є҆ѧ̀. Въ ча́съ же те́плыхъ моли́твъ твои́хъ, ᲂу҆слы́шавъ гла́съ Влады́чицы ѿ ст҃ы́ѧ і҆ко́ны и҆сходѧ́щїй и҆ внима́ѧ велѣ́нїѧмъ є҆гѡ̀, не то́кмѡ всѐ житїѐ твоѐ земно́е преда́лъ є҆сѝ на защище́нїе вѣ́ры Праѿе́ческїѧ, но и҆ гоне́нїѧ мно́гїѧ претерпѣ́лъ є҆сѝ за ню̀, непреста́ннѡ по́мощью Влады́чицы ᲂу҆крѣплѧ́емъ. Вознесѝ, ст҃ѧ́тче, мольтвы твоѧ̀ ко Прест҃ѣ́й Влады́чицѣ.

И҆ ны́нѣ, Бг҃оро́диченъ, гла́съ ѕ҃.

Защище́нїе и҆ покро́въ є҆сѝ хрїстїа́номъ Влады́чице Бг҃оро́дице. Ѻ҆сѣнѝ и҆ на́съ покро́вомъ твои́мъ лю́тѣ стра́ждꙋщихъ, да непреста́ннѡ славосло́вимъ милосе́рдїе твоѐ.

На стїхо́внѣ стїхи́ры, гла́съ а҃.

Ра́дꙋйсѧ, преподобномꙋ́чениче А҆ѳана́сїе, сосꙋ́де Бо́жїй и҆збра́нный, ѿ ю҆́ности бо Хрїста̀ возлюби́въ,

гла́сомъ веле́нїѧ Его̀ це́ркви Правосла́внѣй слꙋжи́ти при́званъ бы́лъ є҆сѝ и҆ То́мꙋ порабо́тавъ въ по́тѣ лица̀ твоегѡ̀, свѣ́томъ и҆́стинныѧ вѣ́ры лю́ди наста́вилъ. Тѣ́мже и҆ ны́нѣ моли́твами твои́ми и҆спросѝ ᲂу҆ Свѣтода́телѧ Хрїста̀ ми́ра и҆ ᲂу҆твержде́нїѧ Це́ркве на́шеѧ и҆ просвѣще́нїѧ дꙋ́шъ на́шихъ.

Сті́хъ: Честна̀ пре́дъ Го́сподемъ сме́рть преподо́бныхъ Егѡ̀.

Ра́дꙋйсѧ, нача́льниче мона́ховъ, про́мысломъ Бо́жїимъ къ семꙋ̀ предꙋка́занный, жре́бїемъ во боже́ственнымъ поста́вленъ бы́лъ є҆сѝ во и҆гꙋ́мена ѡ҆би́тели Берестїйскїѧ, да возвели́чиши ѡ҆би́тель сїю̀ достохва́льнымъ житїе́мъ бра́тїи твоеѧ̀ и҆ сла́внымъ стоѧ́нїемъ во Правосла́вїи свѧтѣ́мъ. Ты́ же, прїѧ́въ же́злъ и҆гꙋ́менства, сотвори́лъ во́лю посла́вшагѡ тѧ̀ на по́двигъ се́й. Сегѡ̀ ра́ди и҆ мы̀ къ тебѣ̀ возопїе́мъ: Ѿче на́шъ, А҆ѳана́сїе, благоꙋстро́й на́ша дома́шнїѧ ѡ҆би́тели моли́твами твои́ми.

Сті́хъ: Блаже́нъ мꙋ́жъ боѧ́йсѧ Го́спода, въ за́повѣдехъ Егѡ̀ восхо́щетъ ѕѣлѡ̀.

Блажи́мъ тѧ̀, преподобномꙋ́чениче А҆ѳана́сїе, занѐ свѣ́томъ небе́снагѡ ра́зꙋма просвѣтле́нъ бы́лъ є҆сѝ въ дѣѧ́нїѧхъ па́стырства твоегѡ̀ и҆ защище́нїѧ и҆́стины: видѣ́нїе бо чꙋ́дно ᲂу҆зрѣ́лъ, ви́дѣвъ полкѝ во-

инства небе́снагѡ, побѣжда́ющи гони́тели Це́ркве и҆́стинныѧ Хрїсто́вы и҆ ꙗ҆́кѡ мꙋ́жъ богобоѧзли́вый ᲂу҆пова́нїемъ на Бо́га себѐ ѡ҆полчи́въ, возста́лъ є҆сѝ про́тивꙋ враго́въ вѣ́ры Правосла́вныѧ, не ᲂу҆страши́вшисѧ ни темни́цею, ни ᲂу҆́зами, ни мꙋче́нїѧми, ни сме́ртїю, но всѧ̀ сїѧ̀ претерпѣ́въ, вѣне́цъ побѣ́дный ѿ Бо́га воспрїѧ́лъ є҆сѝ. Сегѡ̀ ра́ди мо́лимъ тѧ̀, молѝ Хрїста̀ Бо́га ѡ҆гради́ти Це́рковь на́шꙋ ѿ навѣ́товъ вра́жїихъ.

Сла́ва, гла́съ то́йже.

Ѻ҆́тче А҆ѳана́сїе. Пострада́въ за и҆сповѣ́данїе вѣ́ры, ра́дость пресвѣ́тлꙋю и҆ пречестнꙋ́ю сла́вꙋ наслѣ́довалъ є҆сѝ и҆ вы́шнѧгѡ гра́да Ї҆ерꙋсали́ма и҆ вѣ́чныхъ бла́гъ сонаслѣ́дникъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ. Страсте́й побѣди́тель, во́ине за вѣ́рꙋ вели́кїй, страстоте́рпче Хрїсто́въ, свѣти́льникъ многосвѣ́тлый страны̀ на́шеѧ, всѣ́хъ на́съ соверша́ющихъ свѧще́ннꙋю па́мѧть твою̀ помина́й моли́твами твои́ми, да просла́вимъ Спа́са на́шего, тебѐ просла́вльшаго, є҆ди́наго во свѧты́хъ свои́хъ Бо́га на́шего.

И҆ ны́нѣ, гла́съ д҃, Богоро́диченъ:

При́зри на моле́нїѧ твои́хъ ра́бъ, Всенепоро́чнаѧ, ᲂу҆толѧ́ющи лю́тыѧ на ны̀ воста́нїѧ, всѧ́кїѧ ско́рби на́съ и҆змѣнѧ́ющи: тѧ́ бо є҆ди́нꙋ тве́рдое и҆ и҆звѣ́стное ᲂу҆твержде́нїе и҆́мамы и҆ твоѐ

предста́тельство стяжа́хомъ, да не постыди́мся, Влады́чице, та̀ призыва́ющїи, потщи́ся на оу҆миле́нїе тебѣ̀ вѣ́рнѡ вопїю́щихъ: ра́дꙋйся, Влады́чице, всѣ́хъ по́мощь, ра́дости и҆ покро́ве и҆ спасе́нїе дꙋ́шъ на́шихъ.

По ны́нѣ ѿпꙋща́еши: на благослове́нїе человѣ́кѡвъ, тропа́рь, гла́съ в҃: Блаже́нъ є҆сѝ ѻ҆́тче на́шъ Аѳана́сїе, два́жды, и҆ Богоро́дице Дѣ́во, є҆ди́ножды.

На оу҆́трени:

На Бо́гъ Госпо́дь, тропа́рь свята́гѡ два́жды.

Сла́ва и҆ ны́нѣ, Богоро́диченъ по гла́сꙋ.

По а҃ стїхосло́вїи сѣда́ленъ, гла́съ ѕ҃.

Житїе́мъ твои́мъ земны́мъ а҆́нгеломъ безпло́тнымъ оу҆подо́бился є҆сѝ, преподобномꙋ́чениче, врага́ бо прегѻ́рдаго смири́въ, крестоноше́нїе Бо́гови оу҆го́дно соверши́лъ є҆сѝ. Тѣ́мже дне́сь, почита́я па́мять твою̀, мо́лимся: молѝ спасти́ся дꙋша́мъ на́шымъ.

Сла́ва и҆ ны́нѣ, Богоро́диченъ:

Бо́га сло́ва породила̀ є҆сѝ, заче́нши во чре́вѣ безсѣ́меннѡ, неискꙋсобра́чная Дѣ́во, Того̀ молѝ ѡ҆ дꙋша́хъ на́шихъ.

По в҃ стїхосло́вїи сѣда́ленъ, гла́съ ѕ҃.

Гро́здъ дꙋхо́вный на ѻлта́рь боже́ственный принесла́ є҆сѝ себѐ, преподобномꙋ́чениче, тве́рдымъ стоѧ́нїемъ за вѣ́рꙋ Правосла́внꙋю и҆ безстра́стнымъ и҆сповѣ́данїемъ є҆ѧ̀. Тѣ́мже па́мѧть твою̀ при́снѡ пѣ́сньми восхвалѧ́емъ вѣ́рнѡ.

Сла́ва и҆ ны́нѣ, Бг҃оро́дичен:

Ка́кѡ не диви́мсѧ богомꙋ́жномꙋ рожде́ствꙋ твоемꙋ̀, Пречⷭ҇тнаѧ, ᲂу҆жа́снѡ бо чꙋ́до зача́тїѧ и҆ неска́заненъ ѡ҆́бразъ рождества̀ въ тебѣ̀ показа́сѧ. Рожде́ннаго тобо́ю молѝ прости́ти прегрѣше́нїѧ на́ша.

Полѵеле́й. Велича́нїе.

Ѹ҆блажа́емъ тѧ̀, сѧты́й преподобномꙋ́чениче А҆ѳана́сїе, и҆ чте́мъ свѧтꙋ́ю па́мѧть твою̀: наста́вниче мона́ховъ и҆ собесѣ́дниче А҆́нгеловъ.

Псало́мъ и҆збра́нный:

а҃. Ѹ҆слы́шите сїѧ̀ всѝ ѩ҆зы́цы, внꙋши́те всѝ живꙋ́щїи по вселе́ннѣй. в҃. Ѹ҆ста̀ моѧ̀ возглаго́лютъ премꙋ́дрость и҆ поꙋче́нїѧ се́рдца моегѡ̀ ра́зꙋмъ. а҃. Прїиди́те ча́да, послꙋ́шайте менѐ, стра́хꙋ Госпо́дню наꙋчꙋ̀ ва́съ. в҃. Блговѣсти́хъ пра́вдꙋ въ це́ркви вели́цѣй. а҃. И҆́стинꙋ твою̀ и҆ спасе́нїе твоѐ рѣ́хъ. в҃. Повѣ́мъ и҆́мѧ Твоѐ бра́тїи моей, посредѣ̀ це́ркве воспою̀ тѧ̀.

Степе́нна, а҃ а̂нтїфѡ́нъ д҃ гла́са.

Прокі́менъ: Честна̀ пре́дъ Го́сподемъ сме́рть преподо́бныхъ є҆гѡ̀.

Сті́хъ: Что̀ возда́мъ Го́сподеви ѡ҆ всѣ́хъ, ꙗ҆̀же воздадѐ мѝ.

Єѵа́нгелїе ѿ Матѳе́а, зача́ло м҃г.

По н҃-мъ ѱалмѣ̀ стїхи́ра, гла́съ в҃:

Возлю́бленъ бы́въ Бо́гомъ ѿ чре́ва ма́терна, ꙗ҆́кѡ пѣ́стꙋнъ гра́да небе́снагѡ взы́сканъ бы́лъ є҆сѝ и҆́мъ и҆ томꙋ̀ житїе́мъ твои́мъ сла́внымъ оу҆годи́въ, всѣ̑мъ тре́бꙋющимъ по́мощи твоеѧ̀ чꙋдотво́рный пода́тель ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ. Спаса́й на́съ, ꙗ҆́кѡ предста́тель на́шъ, чꙋдотво́рче Ѳдана́сїе.

Кано́нъ, гла́съ и҃. Пѣ́снь а҃. І҆рмо́съ:

Во́дꙋ проше́дъ ꙗ҆́кѡ сꙋ́шꙋ и҆ є҆гѵ́петскагѡ ѕла̀ и҆збѣжа́въ, І҆зра́ильтѧнинъ вопїѧ́ше: и҆зба́вителю и҆ Бо́гꙋ на́шемꙋ пои́мъ.

Мѡѷсе́й и҆ногда̀ кре́стнымъ зна́менїемъ во́ды раздѣли́въ, проше́дъ со І҆зра́ильтѧны сквозѣ̀ Чермно́е мо́ре и҆ земна́го ѡ҆бѣтова́нїѧ дости́же, ты́ же, Преподобномꙋ́чениче, крестоноше́нїемъ пло́ть твою̀ оу҆мертви́въ, землѝ ѡ҆бѣтова́нїѧ дости́гъ, въ не́йже пра́вда живе́тъ.

И҆зба́вителю и҆ Бо́гꙋ на́шемꙋ воспѣва́еши ны́нѣ пѣ́снь побѣ́днꙋю, просвѣще́нъ сы́й боже́ственнагѡ

и҆ свѣтозарнагѡ Спаса благодатїю ѡ҆мраченнꙋю дꙋшꙋ мою молитвами твоими, свѧте А҆ѳанасїе, ѡ҆зари, да пою Богꙋ моемꙋ славнѡ.

Ꙗ҆кѡ свѧщенника и҆ ꙗ҆кѡ и҆сповѣдника и҆ ꙗ҆кѡ страдальца за вѣрꙋ Хрїстовꙋ ᲂу҆крашеннагѡ, чтꙋще памѧть твою, прехвальне, поимъ Господеви: славнѡ бо прослависѧ во свѧтыхъ своихъ.

Богородиченъ:

Ѿ видимыхъ и҆ невидимыхъ враговъ и҆збави мѧ рождшаѧ всѣхъ Владыкꙋ и҆ бꙋрю страстей моихъ ᲂу҆тиши, да пою Богꙋ моемꙋ: славнѡ бо прослависѧ.

Пѣснь г҃. І҆рмосъ:

Небеснагѡ крꙋга верхотворче Господи и҆ Цр҃кве Зиждителю, ты мене ᲂу҆тверди въ любви твоей, желанїй краю, вѣрныхъ ᲂу҆твержденїе, є҆дине Человѣколюбче.

Въ божественнѣй любви благодатїю Дꙋха Свѧтагѡ ᲂу҆твержденный, благочестнѡ пожилъ є҆си, ᲂу҆тверждаѧ словесно стадо твое на пажитѧхъ живоносныхъ и҆ въ небеснꙋю ѡ҆градꙋ многїѧ ввелъ є҆си.

На камени вѣры ноги вѣрныхъ твоихъ водрꙋзивъ, поколебалъ є҆си ѡ҆снованїе сопротивныхъ и҆ спаслъ є҆си люди твоѧ ѿ порабощенїѧ вражїѧ.

Твердынею вѣры себѣ̀ ѹ҆краша́ѧ, жела́ній кра́ю дости́глъ є҆сѝ и҆ Це́ркве Зижди́телю благопрїѧ́тенъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ.

Богоро́диченъ:

Недоѹмѣ́ютъ всѝ ꙗ҆зы́цы, ка́кѡ небе́снагѡ кр҄ѹга Верхотво́рецъ, въ творе́нїѧхъ невмѣсти́мый, въ ложесна̀ твоѧ̀ воплоща́емъ всели́сѧ, Всенепоро́чнаѧ, на спасе́нїе на́съ вѣ́рнѡ воспѣва́ющихъ тѧ̀.

Сѣда́ленъ, гла́съ ѕ҃.

Мѹ́ки мѹ́жественнѡ претерпѣ́въ, къ неболѣ́зненнѣй жи́зни себѣ̀ ѹ҆гото́влѧѧ, наѹчи́лъ є҆сѝ на́съ терпѣ́нїемъ стѧжа́ти дѹ́ши на́ша. Тѣ́мже дне́сь Христо́ва Це́рковь, пра́зднѹющи свѧтѹ́ю па́мѧть твою̀, свѣ́тлѡ ра́дѹетсѧ.

Сла́ва и҆ ны́нѣ, Богоро́диченъ:

Преѹкраше́ннаѧ боже́ственною сла́вою Херѹві́мовъ и҆ Серафі́мовъ превы́шши є҆сѝ, Пренепоро́чнаѧ, тѣ́мже тѧ̀, по до́лгѹ, всѝ ро́ди ѹ҆блажа́ютъ.

Пѣ́снь д҃. І҆рмо́съ:

Ты̀ моѧ̀ крѣ́пость, Го́споди, ты̀ моѧ̀ и҆ си́ла, ты̀ мо́й Бо́гъ, ты̀ моѐ ра́дованїе, не ѡ҆ста́вль нѣ́дра Ѻ҆́тча и҆ на́шѹ нищетѹ̀ посѣти́въ. Тѣ́мъ съ проро́комъ А҆ввакѹ́момъ зовѹ̀ ти̂: си́лѣ твое́й сла́ва, Человѣколю́бче.

Весели́сѧ, пра́ведниче, ѡ҆ Го́сподѣ, побѣ́дѹ тѝ на врагѝ безпло́тныѧ дарова́вшемъ, Томѹ̀ со дерзнове́нїемъ вопїе́ши: ты̀ моѧ̀ крѣ́пость, Го́споди, ты̀ моѧ̀ и҆ си́ла, не ѡ҆ста́ви милосе́рдїемъ твои́мъ, щѐдре, притека́ющихъ къ Тебѣ̀.

Споспѣ́шествѹющи тѝ Влады́цѣ, прїѧ́лъ є҆сѝ ѿ негѡ̀ за по́двиги твоѧ̀ да́ръ недѹ́ги тѣле́сныѧ и҆сцѣлѧ́ти и҆ многоболѣ́зненныѧ стра́сти врачева́ти зовѹ́щихъ Христѹ̀ Бо́гѹ, си́лѣ твое́й сла́ва, Человѣколю́бче.

Рачи́тель Госпо́день и҆змла́да бы́лъ є҆сѝ: ѻ҆рѹ́жїе бо кре́стное на раменà взе́мь, неѹклѡ́ннѡ ше́ствовалъ є҆сѝ, пѹ́ть спасе́нїѧ себѣ̀ тѣ́мъ ѹ҆готовлѧ́ѧ. Сегѡ̀ ра́ди мі́ра моли́твенникъ ꙗ҆ви́лсѧ є҆сѝ пресвѣ́телъ, поѧ̀ є҆мѹ̀ пѣ́снь побѣ́днѹю.

Бг҃оро́диченъ:

Пѣснословимъ тѧ̀, Влады́чице, ра́дость всемѹ̀ мі́рѹ ро́ждшаѧ. Того̀, ꙗ҆́кѡ бла́га, молѝ, Всенепоро́чнаѧ, презрѣ́ти беззако́нїѧ досто́йнѡ є҆мѹ̀ вопїю́щихъ: си́лѣ твое́й сла́ва, Человѣколю́бче.

Пѣ́снь є҃. І҆рмо́съ:

Ѹ҆́тренюющи вопїе́мъ тѝ, Го́споди, спасѝ ны̀: Ты́ бо є҆сѝ Бо́гъ на́шъ, ра́звѣ тебѐ и҆но́го не вѣ́мы.

Не далъ єсѝ ѻчесамъ твоимъ сна̀ и̓ вѣждамъ дреманїѧ, оу҆тренню́юще взываѧ: Го́споди посѣтѝ твоими щедро́тами Це́рковь твою̀, ю҆́же стѧжа́лъ є҆сѝ честно́ю твое́ю кро́вїю.

Словесы̀ твоими, мꙋдре, заблꙋ́ждшихъ ѡ҆блича́ѧ, сою́зомъ вѣ́ры свѧза́лъ є҆сѝ врꙋ́ченное тѝ ста́до слове́сное и̓ ны́нѣ ѡ҆храня́еши на́съ ѿ вѣ́тровъ тлетво́рнагѡ оу҆че́нїѧ, наꙋча́ѧ воспѣва́ти Го́сподеви: спасѝ ны̀, Ты́ бо є҆сѝ Бо́гъ на́шъ, ра́звѣ Тебѐ и҆но́го не вѣ́мы.

Блаже́нно житїѐ твоѐ на землѝ и҆ конч и́на безсме́ртна, сегѡ̀ ра́ди нетлѣ́ннаѧ бога́тства стѧжа́лъ є҆сѝ, преподо́бне ѻ҆́тче, и҆ просвѣща́еши притека́ющихъ тебѣ̀ чꙋдесы̀.

Богоро́диченъ:

Ꙗ҆́кѡ ѡ҆дꙋшевле́нный черто́гъ воспрїѧ́вшїй Царѧ̀ ца́рствꙋющихъ и҆ ꙗ҆́кѡ престо́лъ Влады́чень, Марі́ю пренепоро́чнꙋю въ пѣ́снехъ возвели́чимъ.

Пѣ́снь ѕ҃. І҆рмо́съ:

Моли́твꙋ пролїю̀ ко Го́сподꙋ и҆ томꙋ̀ возвѣщꙋ̀ печа́ли моѧ̀: ꙗ҆́кѡ ѕо́лъ дꙋша̀ моѧ̀ и҆спо́лнисѧ, и҆ живо́тъ мо́й а҆́дꙋ прибли́жисѧ, и҆ молю́сѧ ꙗ҆́кѡ І҆ѡ́на: ѿ тлѝ, Бо́же, возведѝ мѧ̀.

Печа́ль ве́лїѧ ѡ҆бдержи́тъ мѧ̀, поне́же лю́тѣ ѡ҆кала́хъ дꙋшꙋ грѣхмѝ и҆ ѡ҆де́ждꙋ нетлѣ́нїѧ разори́хъ, ты́ же, свѧ́тче, наста́ви мѧ̀, ка́кѡ ᲂу҆моли́ти Го́спода, да ѡ҆чи́ститъ мѧ̀ ѿ тлѝ страсте́й мои́хъ.

Оу҆крѣпле́нъ бы́въ ра́зꙋмомъ боже́ственнымъ, ѡ҆блича́лъ є҆сѝ ѿмета́ющїѧсѧ и҆́стинныѧ вѣ́ры, Хрїсто́вы, ꙗ҆́кѡ пребезꙋ́мны. Тѣ́мже небе́сныѧ две́ри тебѣ̀ ѿве́рзашасѧ, блаже́нне, воспѣва́ющꙋ Хрїста̀ во вѣ̑ки.

Сла́дости небе́сныѧ и҆ пресвѣ́тлыѧ ра́дости и҆спо́лненъ є҆сѝ, предстоѧ̀ Тро́ицѣ Свѧтѣ́й дꙋ́хомъ ѡ҆чи́щенный. Сꙋ́щїѧ ны̀ во тмѣ̀ и҆ сѣ́ни сме́ртнѣй моли́твами твои́ми не попꙋстѝ а҆́дꙋ прибли́зитисѧ.

Богоро́диченъ:

Ма́ти Всепѣ́таѧ, мі́рꙋ всемꙋ̀ и҆скꙋпле́нїе ѿ клѧ́твы зако́нныѧ роди́вшаѧ, нн҃ѣ на́ша моле́нїѧ прїе́млющи, молѝ спасти́сѧ всѣ́мъ на́мъ.

Конда́къ, гла́съ д҃.

Мона́шескагѡ житїѧ̀ ᲂу҆краше́нїе и҆ мꙋ́чениковъ красотꙋ̀ ꙗ҆ви́лъ себѐ житїе́мъ твои́мъ, А҆ѳана́сїе, и҆ ꙗ҆́кѡ со́лнце пресвѣ́тлое лю́демъ правосла́внымъ возсїѧ́лъ є҆сѝ. Тѣ́мже и҆ Хрїсто́съ да́ромъ чꙋде́съ

ѡ҆богати́ тѧ̀, да чтꙋ́щеи пресвѣ́тлꙋю па́мѧть твою̀, зове́мъ ти̇̀: помина́й ста́до твоѐ моли́твами твои́ми, преподо́бне.

Ї҆ко́съ:

Ѩ҆́кѡ волна́ми во́дъ мно́гихъ ѡ҆бꙋрева́етсѧ Це́рковь Правосла́внаѧ коле́блема ло́жными ᲂу҆че́нїи и҆ кова́рными ᲂу҆хищре́нїи вра́гъ е҆ѧ̀. Вѣ́рꙋемъ и҆ ᲂу҆пова́емъ кꙋ́пнѡ съ тобо́ю, преподобномꙋ́чениче, ꙗ҆́кѡ врата̀ а҆́дова не ѡ҆долѣ́ютъ е҆́й и҆ мо́лимъ тѧ̀, и҆спроси̇̀ ᲂу҆ Го́спода вели́кїѧ ми́лости, да ниспосле́тъ на́мъ въ дни̇̀ и҆спыта́нїй на́шихъ крѣ́пость дꙋ́ха и҆ тве́рдое стоѧ́нїе во и҆́стинѣ Правосла́вїѧ, да не ꙗ҆́витсѧ кто̀ и҆з̾ бра́тїи на́шеѧ сы́номъ поги́бели.

Пѣ́снь ꙁ҃. Ї҆рмо́съ:

Ѿ Ї҆ꙋде́и доше́дше ѻ҆́троцы въ Вавило́нѣ и҆ногда̀, вѣ́рою тро́йческою пла́мень пе́щный попра́ша, пою́ще: ѻ҆тце́въ Бо́же благослове́нъ є҆сѝ.

Мꙋче́нїѧ терпѧ̀ ѡ҆палѧ́емъ веще́ственнымъ ѻ҆гне́мъ, дꙋ́шꙋ твою̀ ѻ҆гне́мъ невеще́ственнымъ ѡ҆роси́лъ є҆сѝ, ꙗ҆́коже трі́е ѻ҆́троцы посредѣ̀ пла́мени взыва́ѧ: ѻ҆тце́въ Бо́же благослове́нъ є҆сѝ.

Ѩ҆́кѡ росо́ю живоно́сною смире́нїемъ твои́мъ и҆ безстра́стїемъ пе́щь ꙗ҆́рости беззако́ннꙋющихъ мꙋ-

чи́телей твои́хъ оу҆гаси́лъ є҆сѝ, преподобномꙋ́чениче: чꙋдотво́рче, зрѧ́щи тѧ̀ посредѣ̀ мꙋче́нїй молѧ́щасѧ за враги̑ твоѧ̀.

Мꙋ́жествомъ мꙋ́ченическимъ чре́сла твоѧ̀ препоѧ́савъ и҆ житїе́мъ твои́мъ подвигоположни́ческимъ ꙗ҆́кѡ ри́зою свѣтоза́рною себѐ оу҆кра́сивъ, восте́клъ є҆сѝ на трапе́зꙋ Госпо́днюю ꙗ҆́коже и҆збра́нный, поѧ̀: благослове́нъ є҆сѝ Бо́же ѻ҆те́цъ на́шихъ.

Богоро́диченъ:

Ꙗ҆́коже бо кꙋпина̀, ю҆́же ви́дѣ Мѡѷсе́й не сгара́ше ѻ҆пала́ема, та́кѡ Дѣ́ва неопа́льнѡ пребыла̀ є҆сѝ, пра́вды Со́лнце во чре́вѣ заче́ншаѧ. Того̀ молѝ спасти́сѧ дꙋша́мъ на́шымъ.

Пѣ́снь и҃. І҆рмо́съ:

Царѧ̀ небе́снаго, є҆го́же пою́тъ во́и А҆́нгельстїи, хвали́те и҆ превозноси́те во всѧ̑ вѣ́ки.

Неꙋсы́пна тѧ̀ и҆́мамы моли́твенника, во́лны страсте́й оу҆тиша́юща, печа́ли оу҆толѧ́юща и҆ лю́тыхъ всѧ́ческихъ на́съ и҆збавлѧ́юща, вопїю́щихъ: благослови́те всѧ̑ дѣла̀ госпо́днѧ Го́спода.

Мꙋдрова́нїѧ врага̀ прего́рдагѡ въ себѣ̀ оу҆би́въ, оу҆мꙋ̀ боже́ственномꙋ прїобщи́лсѧ є҆сѝ житїе́мъ твои́мъ чи́стымъ и҆ оу҆ма свѣ́тлостїю, зовы́й непреста́ннѡ: благослови́те всѧ̑ дѣла̀ госпо́днѧ Го́спода.

Изра́днаго оуго́дника Христо́ва пѣ́сньми благохва́льными почти́мъ, ꙗ҆́кѡ и҆спо́лнена ꙗ҆вѣ̀ благода́ти и҆ боже́ственными сїа́ньми пре́украшена, И҆зба́вителю Бо́гу вопїю́ща: дѣ́ти благослови́те, свѧще́нницы воспо́йте, лю́дїе превозноси́те во всѧ̑ вѣ́ки.

Богоро́диченъ:

Ра́дуйсѧ благода́тнаѧ, Госпо́дь съ тобо́ю, вѣща̀ тѝ А҆рха́нгелъ Гаврїи́лъ: и҆з̾ тебе́ бо прозы́де Ѻ҆́троча̀ Предвѣ́чно, за милосе́рдїе неизрече́нное превозноси́мый ѻ҆тце́въ Бо́гъ благослове́нный.

Пѣ́снь ѳ҃. І҆рмо́съ:

Оу҆страши́сѧ всѧ́къ слу́хъ неизрече́нна Бо́жїѧ снисхожде́нїѧ, ꙗ҆́кѡ вы́шнїй во́лею сни́де да́же и҆ до пло́ти, ѿ дѣви́ческагѡ чре́ва бы́въ человѣ́къ: тѣ́мже пречи́стую Богоро́дицу вѣ́рнїи велича́емъ.

Колѣнопреклоне́ннѡ непреста́ннѡ поѧ̑ несѣда́льное Пречи́стѣй, взыва́лъ е҆сѝ: ра́дуйсѧ, мі́ру Путеводи́тельнице, па́че А҆́нгелъ небе́сныхъ оу҆кра́шеннаѧ, оу҆кра́си мѧ̀ красото́ю твое́ю, да неср{а}мле́нъ ꙗ҆влю́сѧ предъ Го́сподемъ мои́мъ.

Дивл́юсѧ твоему̀ снисхожде́нїю во дни̑ ю҆́ности моеѧ̀, молю́ тѧ, не ѡ҆ста́ви менѐ, преподобному́чениче, во дни̑ ста́рости моеѧ̀ и҆ по сме́рти мое́й взыщѝ менѐ, да моли́твами твои́ми ѡ҆чи́щенъ,

ѿчесами дꙋховными оу҆зрю̀ чертогъ небесный въ день страшнагѡ сꙋда̀ Господня.

Помянѝ нынѣ, свѧтче Божїй, и҆ всѣхъ вѣрою къ тебѣ̀ притекающихъ и҆ ѿ дꙋшевныхъ страстей и҆збавлѧѧ, ѿвратѝ ны ѿ бѣдъ и҆ ѡ҆бстоѧнїй, и҆ спасенїѧ божественнагѡ бꙋди намъ ходатай.

Богородиченъ:

Странное и҆ преславное чꙋдо видимъ ѡ҆ тебѣ, Богоизбраннаѧ Владычице, ꙗ҆кѡ мїра Вседержитель, себѐ оу҆малнвъ, плоть ѿ тебѐ прїемлетъ и҆, питаѧ плотїю своею пречистою, къ животꙋ вѣчномꙋ приводитъ люди своѧ̀.

На хвалитехъ стїхиры, гласъ ѕ҃.

Преподобне ѻ҆тче, хотѧй всѣмъ сердцемъ Богꙋ благоꙋгождати, подвигомъ добрымъ до конца̀ подвизалсѧ є҆сѝ и҆ ꙗ҆кѡ злато въ горнилѣ ѡ҆чищенно ꙗ҆вилсѧ є҆си, сїѧй красотою дꙋховною чадомъ твоимъ, иже житїемъ твоимъ, ꙗ҆кѡ нѣкою небовосходною лѣствицею на высотꙋ добродѣтелей возводѧ̀, велелѣпнѡ восхвалѧти Господа наꙋчилъ є҆сѝ. Поминай насъ, ѻ҆тче А҆ѳанасїе, въ молитвахъ твоихъ, да и҆ мы̀ не токмѡ въ житїи семъ, но и҆ кꙋпнѡ съ тобою на небесѣхъ, восхвалимъ прославльшагѡ тѧ̀ Господа.

Недоумѣетъ оумъ нашъ кіими похвальными словесы возвеличимъ Творца, даровавшаго намъ въ тебѣ источникъ исцѣленій, пресвѣтлую радость, оружіе отъ навѣтовъ вражіихъ, неусыпнаго стража страны нашея и молитвенника къ Богу о душахъ нашихъ. Доблестнѣ воспѣвая со лики небесными хвалу Богу, научи и насъ пѣти и превозносити Его во вся вѣки.

Преподобне отче Афанасіе. Яко древо свѣтлоплодовитое веліій плодъ духовный принеслъ еси Церкви святѣй Православнѣй, вѣрное стадо твое въ истинѣ оукрѣпляя, отпадшихъ вразумляя и колеблющихся оутверждая, занѐ нынѣ отъ плода небеснагѡ питаешися. Оутверди и насъ въ вѣрѣ и истинѣ, да и мы въ чистотѣ духовнѣй и во благочестіи поживемъ, непрестаннѡ славословя Спаса нашего.

Слава, гласъ тойже.

Любвѐ ради Христовы, преподобномучениче Афанасіе, веліа труды и злостраданіа претерпѣлъ еси во благоустроеніе Церкве Егѡ святыя: ѧкѡ адамантъ бо твердый не токмѡ твердѡ стоялъ еси за Истину, но ѧкѡ исповѣдникъ, неустаннѡ обличая хулители Православныя вѣры и предре-

* * *

ка́ѧ и҆́мъ гнѣ́въ Бо́жїй; претерпѣ́лъ є҆сѝ за сїѧ̑ злостра́данїѧ, темни́цꙋ, пор꙽ꙋга́нїѧ и҆ мꙋ́ченическꙋю кончи́нꙋ. Сегѡ̀ ра́ди вшє́лъ є҆сѝ въ ра́дость Го́спода твоегѡ̀ и҆ ны́нѣ въ селе́нїѧхъ небе́сныхъ водворѧ́ѧсѧ, воспѣва́еши со А҆́нгелы Госпо́дєви пѣ́снь хвале́внꙋю. И҆спросѝ на́мъ ᲂу҆ Го́спода ве́лїѧ ми́лости, да и҆ мы̀ въ бꙋ́дꙋщемъ вѣ́цѣ воспое́мъ кꙋ́пнѡ съ тобо́ю хвалꙋ̀ Бо́гꙋ.

И҆ ны́нѣ, Богоро́диченъ:

Богоро́дице, ты̀ є҆сѝ лоза̀ и҆́стиннаѧ, возрасти́вшаѧ на́мъ пло́дъ живота̀; тебѣ̀ мо́лимсѧ моли́сѧ, Влады́чице, со свѧты́ми а҆по́столы, поми́ловати дꙋ́ши на́ша.

Стихотворное творчество грибовских сектантов

«...пошло в народе нашем смущение...»
Протоиерей Анания Сагайдаковский, 1937 г.

Славный Пророче Великий, стався о нас до Владыки.
О! Илия Славный, Илия преславный, Ты преславный
пророк данный всему свету и повету явный.
Ты унесся в инный свет, где скорби и печали нет.
О! Илия Славный, Илия преславный, Ты преславный
пророк данный всему свету и повету явный.
Ты нам Бога умоляешь, росу с неба посылаешь,
О! Илия Славный, Илия преславный, Ты преславный
пророк данный всему свету и повету явный.
Нехай Бога оглядаем, и с Тобою прославляем.
О! Илия Славный, Илия преславный, Ты преславный
пророк данный всему свету и повету явный.

Так до сих пор во время многотысячных паломничеств на св. Гору Грабарку поют православные верующие Польши[1]. Трудно поверить, но это пение — отголосок событий, случившихся во II Речи Посполитой, связанных с возникновением в православной крестьянской среде секты, получившей название «грибовщина». Основателем секты стал крестьянин Илья Климович,

[1] Св. Гора Грабарка на юго-востоке Белосточчины и женский монастырь на ней — самая почитаемая православная святыня в Польше. Особенно многолюдно здесь летом на день Преображения Господня (19 августа), когда накануне праздника сюда стекаются многие десятки тысяч верующих со всей Польши и из зарубежных стран.

житель куста поселений, именуемых Грибовщиной[2], отсюда и название секты.

Без сомнения, это был одаренный человек, тонкий психолог, умелый проповедник, скорее всего искренне веривший в свое призвание. Получив благословение у «народного святого» преподобного Иоанна Кронштадтского, он строит в родном сельце церковь (1905–1926 гг.), делает попытку принять монашеский постриг, а затем резко порывает с канонами Церкви, становится «пророком Ильей». Так возникает «грибовская секта», история которой полна драматических превращений, мистических исканий, эсхатологических ожиданий и, наконец, мифических трансформаций. Обо всем этом известно очень мало, в основном понаслышке. Более или менее обстоятельных работ об Илье Климовиче и «грибовской секте» нет, если не считать беллетристических или почти беллетристических сочинений А. Карпюка[3] и В. Павлучука [1], далеких от достоверности, не говоря уже о театральных постановках и сценариях Т. Слободянина [2].

Очевидец событий, Гродненский епархиальный миссионер протоиерей Анания Сагайдаковский, писал в 1937 г. об Илье Климовиче и его секте: «Он даже и воду сам „освящает“ в день Крещения Господня, и свечи этою водою „окропляет“ в день Сретения, и вербу — в Вербное воскресение. Уже он дерзает и „литургию“ свою совершать на хлебе и воде и Св. Евангелие вкривь и вкось на своих безумных „проповедях“ перетолковывать. Дошло до того дьявольское на нем навождение, что этот самозванец и самосвят стал хвалиться пред такими же, как сам, простолюдинами и невеждами, будто бы ему Бог дал силу Илии-Пророка, так что он будто бы умеет и чудеса творить. Выходит так, что будто бы это он, хлебороб грибовщинский, около 3000 лет тому назад свел огонь с неба и на

[2] Грибовщина находится к юго-западу от большого села Крынки, лежащего у самой границы Польши с Беларусью в Белостокском воеводстве.

[3] См.: *А. Карпюк*. Вершалінскі рай: Аповесць. Мінск, 1974. Есть русский и польский переводы этой повести: Вершалинский рай. М., 1976; Raj w Wierszalinie, czyli przypadki Eliasza. Białystok, 1993.

Вершалин — «будущая столица мира», которую Илья Климович строил в лесу неподалеку от Грибовщины. Здесь, в Вершалине, нашли прибежище последние приверженцы секты, старые женщины, основавшие некое подобие монастыря. Наряду с «пророком Ильей», они наиболее почитали св. Иоанна Кронштадтского.

огненной колеснице с такими же конями взят был на небеса..., выходит по его разсказам, что уже суд Божий настал, а он пришел на землю (только не в Палестинскую землю!) проповедывать людям о втором пришествии. И вот, так безнаказанно обманывает народ больше шести уже лет! И пошло в народе нашем смущение... В июльский праздник, двадцатого числа, многие простецы из нашего богобоязненнаго народа идут за много верст с котомками за плечами в село Грибовщину, чтобы здесь не просто послужить, с верою помолиться настоящему Святому Пророку Божию Илии, взятому некогда живым на небо и оттуда никогда еще на грешную землю к нам не сходившаго, а трудят они свои ноги и несут издалека свои последние, мозолями и потом добытые, гроши на хутор возле Грибовщины, чтобы здесь все это: и труд свой и заработанныя крохи свои покласть к грязным сапогам „объявившагося" „Ильи-пророка" — проходимца, почти неграмотнаго, но хитраго местнаго мужика, который дурачит темный люд, кощунственно, не имея в себе ни совести ни страха наказания Божия, выдавая себя то за „пророка" Илию, пришедшаго с неба в „новый Иерусалим" (так он называет свой хутор), то за умершаго уже давно протоиерея о. Иоанна Сергиева (Кронштадскаго), воскресшаго будто бы из мертвых, и из могилки своей в Петербурге пришедшаго в Грибовщину, на хутор... И есть же наивные люди, которые не только поверили в безумныя речи негодяя, как во святую истину, но даже называют его, этого грибовщинскаго стараго проходимца „святым отцом", „пророком Илиею"; верят они, что он действительно „воскресший батюшка Иоанн Кронштадский", а иные то так далеко зашли в своем безумии, что называют его „богом" и покланяются ему, как богу, целуя его грязные сапоги» [3]. Более ранние и подробные сведения о жизни секты приводит священник Михаил Гапонюк [4].

Ныне песнь о «Славном Пророке...» [4], цитировавшуюся вначале, поют, уже забыв, что она имеет отношение к тому «пророку Илье» — Илье Климовичу, как и местного письма иконы

---

[4] Эта песнь встречается во многих современных рукописных сборниках, часто дописываемых, дополняемых во время паломничеств на св. Гору Грабарку, куда регулярно в послевоенные годы приходили последние последователи Ильи Климовича и где они часами пели свои песни.

с изображением «пророка Ильи», все еще встречающиеся в некоторых домах и даже церквах.

Почивший, по рассказам, полстолетия назад где-то в глубине Сибири, Илья Климович вдохновил на стихотворство и вообще писательство целую плеяду местных авторов, из которых два наиболее известны — Александр Данилюк, печатавший свои брошюры в 1930-х гг. в Белостоке[5], и Павел Бельский, автор акафистов[6] и паралитургических песнопений, широко разошедшихся и в рукописных списках[7]. Мы публикуем некоторые из этих песнопений, сочиненных как П. Бельским, так, возможно, и другими авторами из числа лиц, близких к Илье Климовичу.

---

1. См.: *W. Pawluczuk*. Wierszalin: Reportaż o końcu świata. Warszawa, 1983.
2. См., напр.: Notatnik Teatralny: Zima 1994/1995/ № 9; *K. Wojciechowski*. Może popełniłem błąd... // Kurier Poranny, 1997, № 260, s. 7.
3. *Анания Сагайдаковский, протоиерей*. Святый Великий и Славный Пророк Божий Илья. Варшава, 1937, с. 13–14.
4. См.: *Михаил Гапонюк, свящ*. Правда о Грибовщине // Воскресное чтение, 1934, № 13, с. 153–155; № 16, с. 192–193.

---

[5] Автобиография А. Данилюка помещена в: Euhemer. 1974, № 1, s. 73–78.

[6] Один из его акафистов, напечатанных в 1930-х гг. в Белостоке, опубликован В. Павлучуком (см.: Akafist Nowo-Jeruzalimskiej Matce Boskiej wtórego przyścia Chrystusa // Literatura Ludowa. 1977, № 4–5, s. 108–116).

[7] Известно, что он умер в 1954 г.

Похвала св. Иоанна Кронштадскаго

Ты сподвижникъ сего рода
Тебе слава и привет.
Ты привлек к Богу народа
Ты так служишь много лет.
Твоих дел святых в сем мире
Невозможно перечесть
Ты известен и в Сибири
Про тебя несется весть.
Сколько помощи ты сделал
Богачу и беднякам.
Своим сердцем ты провидел
Тебя Бог к нам прислал сам.
Уж почти три четверти века
Тебя Бог создал на свет.
Для спасенья человека
Все дают тебе привет.
Твою святость чтут народы
Иностранцы и все мы.
Так дай Бог текли выгоды
Ты спасаешь нас от тьмы.
Ты святой Отец Кронштадта
Тебя любят как отца.
Ты готов помочь для брата
И для Небесного Венца.
Ты влечешь всех издалека
Крепость славную Кронштадт.
Везде видит твое око
Тебя видеть каждый рад.
Извиняюсь я, писатель,
Этим может быть грешу
Я давно того искатель
Разсказать теперь хочу.
Я тебя видал в Соборе
Всенароднаго Отца.
Когда весь народ был в Соборе
Причащенью нет конца.
Твоя исповедь велика
И все каются вслух.
Надо думать что елико
Мощно правит Святый Дух.
Всякий приезжий иностранец
Тебя видеть очень рад.
И наш русский боголюбец
Благословений твоих рад.
Бедняков ты жить наставил
И болящих исцелил

За себя молить заставил
Молитвы теплыя излил.
И за то Царица Света
Тебе силы воздает.
И сам Бог тебе за это
Свою святость подает.
Тебе семьдесят лет было
Вся Россия так гласит.
Все сердца наши облиты
Дай Ты Боже много жить.
Поздравляем дорогого
Досточтимаго Отца.
И все просим, молим Бога
С тобой жить нам до конца.
Не покинь, родной, Собора
Тебя любит весь народ.
Всего нашего ты брата
Человеческий весь род.
Как Иисус Христос в то время
На земле когда ходил.
На себя он взял то бремя
Он за весь народ молил.
Исцелял больных он словом
И врага так одолел.
И своею благодатию
Он тебе так повелел.
Ты молитвой-верой в Бога
Людей много исцелил.
И горячих слез не мало
За нас грешных ты пролил.

Похвала Отцу Пророку Илии

Ты Илья Божий посланник
Тебе слава и привет
Ты великий Божий избранник
Служишь Богу много лет.
Прошло сорок лет уж время,
Когда Бог Тебя указал,
Понести тяжкое бремя
Путь тернистый Ты избрал.
Ты лишился всего крова
Церковь Божию создал,
Что имел Ты дорогого
На алтарь святой отдал.
Создал церковь Ты святую,

Трудов много перенес
И в обитель золотую
Ты нас грешных превознес.
Ты трудов понес не мало
Слез не мало Ты пролил,
И сам Бог Тебя за это
Рукою щедрой наградил.
Твоя церковь не земная,
Здесь управляет Херувим,
Это церковь золотая,
Это новый Иерусалим.
Ты второй Иоанн Кронштадтский,
Тебя любит весь народ,
Подаешь Ты совет братский,
Кто только к Тебе прийдет.
Был в Кронштадте добрый пастырь
Людям правду говорил
И на подвиг Твой великий
Он Тебя благословил.
Люди сблизка и сдалека
К Тебе едут и идут
Нет такого человека,
Чтобы не был уже тут.
Это место есть святое.
Оно влечет нас всех сюда,
Собирает воедино
Крепка сила Господа.
Переполнена вся церковь
И все молятся уж тут
И горячую молитву
Матерь Божией воздают.
И зато царица света
Свои силы подает
Исцеляет всех болящих
Кто к Ней с верою прийдет.
Твое дело есть велико.
Оно дорого для всех.
Про Тебя весьма далеко
Распространяется весть.
Этот подвиг Твой великий
Описать нельзя никак,
И мы грешны человеки
Видим чуда Божий знак.
Почитаем дорогого
Отца Нашего Илью,
Он нас грешных привел к Богу
Ему слава, честь Ему.
Почитаем дорогого,
Досточтимаго отца,

Будем усердно молить Бога
Жить с Тобой нам до конца.
Слава Богу за все это
И за милость Его к нам,
Он явил нам свое чудо
Он когда то явился сам.
Как Иисус Христос в то время
На земле когда ходил,
На Себя Он взял то бремя,
Он за весь народ молил.
Исцелял больных Он словом
Он к Себе всех призывал,
И всех бедных угнетенных
Он друзьями называл.
Пресвятая Мати Дево,
Ты нас грешных не покинь,
Будем славить Тебя верно
Во веки веков, аминь.

Молитва Господня

Облеки, Господи, Здравием, Божеством, Терпением, Смирением, Мудростию, Крепостию, Святостию, Исцелением, Спасением, Благословением Господним нас грешных всегда, ныне, присно и во веки веков, аминь.

Благодарим Отцу Илии, Иисусу Христу и Матери Божией и всем святым Угодникам, что сподобили нас еси.

Первая благодарно-просительная молитва во втором пришествии Господа Нашего Иисуса Христа

Слава в вышних Богу и на земли, мир в человецех благоволение (трижды). Боже Духов и всякия плоти, Отче наш иже везде сый и вся исполняяй премудростию и силою Твоею. Во исполнение слова Твоего; небо и земля прейдут словеса же Мои не мимоидут, — благоволил еси Господи посетить мир сей многогрешный посланием Твоего Помазанника, Отца нашего славнаго и всехваль-

наго пророка Илию; в духе Господа нашего Иисуса Христа, Строителя Царства Твоего вечнаго, от века обещаннаго праотцам нашим Адаму и Еве Ты единый вездесый и вся исполняющий, невидимый — премудрый в Тройце славимый Господи Боже наш — приими от нас благодарение, с верою Тебе приносимое, за ниспослание света в очи сердца нашего которыми мы сподобилися благодатию Духа Твоего Святаго, увидеть Тебя во втором Твоем пришествии на землю, для спасения людей Твоих. Царю Небесный Утешителю Душе истинный; приими от нас хвалу Тебе возносимою, что Ты утаил вся сия от премудрых и умных, и открыл все сие младенцам по вере. Поем и величае Твое второе славное Воскресение из мертвых и с собою воскресивших отвека всех умерших во Христе Иисусе Господе Нашем. Поклоняемся Тебе Господу Богу нашему во святой Тройце пришедшему нас ради и нашего спасения. Господи Боже наш премудростию Твоею Ты избрал — избранием святым Твоим, немощная и буия мира сего да посрамят крепкия и премудрия: утверди же сердца наша Духом Святым Твоим во исполнение воли и заповедей Твоих. Не нам Господи, не нам, но даждь славу Имени Твоему Святому. Господи Боже наш, призри с высоты славы Твоея на люди Твоя, их же избрал и приял еси; преклонись милостию Твоею и услыши нас молящихся Тебе со слезами: изведи из темницы души наша исповедатися Имени Твоему. Доколе Господи забудеши нас до конца, доколе отвращаеши лице Твое от нас. О Боже наш, во Твое селение да внидут наши голоса и взыдет наше умиленье к Тебе как утренняя роса. Господи, десница Твоя да обращет вся ненавидящия Тебя. Призри с небес Боже и виждь и посети виноград сей, его же избрал в наследие Твое и на Сына человеческаго его-же укрепил еси Себе. Милость Твоя, Господи Боже наш, да пожнет нас во вся дни живота нашего; дабы мы едиными усты и единым сердцем славили и воспевали Тебя во веки веков. Еще молимся Тебе Господу Богу нашему, укрепи нас силою Твоею в несении Креста нашего; Егоже послал еси нам до конца во славу Пресвятаго Имени Твоего, Спаси люди Твоя Господи, огласи их словом истины, открый им евангелия правды, соедини их Святей Своей Соборней и Апостольской церкви да с нами славят Пресвятое Имя Твое. Всемогущий Владыко всего мира видимаго и не видимаго, Ты речешь и быта повелишь и создается, повели же Господи, да явится сила Твоя и свет Твой

над главою помазанника Твоего Отца нашего — Господа Ильи, да в нем узрят свет Твой неприступный и прославят Тебя единаго истинаго Бога в Тройце славимаго Отца и Сына и Святаго Духа во веки веков. Аминь.

Слава Тебе показавшему нам свет.

Смиренный раб Божий апостол Павел.

Песнь новая

Имей уши слышати, да слышит он в сей час
что говорится в песни сей для всех людей и нас.
Блажен муж, иже не иде в совет нечестивых
Творит он волю Божию на всех путях своих.
И будет он как дерево в исходищах воды
На всякий день и всякий час приносити плоды.
Кто хочет видеть дни вечноблаженными
Пусть он удержит свой язык от зла в нощи и в дни.
Пусть он износит языком от сердца истину
Устами же не говорит лжи брату своему.

ТВОРЕНИЕ БОГОМ НОВАГО НЕБА И ЗЕМЛИ Крещение во Имя Святыя Тройцы второго пришествия

Конец Исаава людей век настал
Господь для спасения своих всех людей
Пророка Народам Илью в мир послал
Дать веру святую всем силой своей.
Господь Саваоф Творец всех человек
И круга веков всех людей на земли
Теперь творит славный Иакова век
Для мира и круга земнаго любви.
В день первый Творец свет великий послал
Бог книгу раскрыл в людях веры святой
Конец всей неправды для всех возсиял
Вдруг каждый увидел свет добрый и злой.
Во второй день создал Бог Дух твердь святой веры
Для славы страдальцев за правду любовь
Все веры и правды понизил все горы
Поднял вверх народ веры праведной вновь.
В день третий Бог правде любви объявил

Собраться на части седьмой всей земли
Земли шесть частей всех неправд осушил
Чтобы веру с седьмой части почерпали.
Вдруг ярко явились плоды веры всем
И тайна открылась для мира всего
Цветы появились дел с запахом всем
Для славы воскресших народа Его.
В четвертый день Бог сотворил миру Солнце
Пришедшее в Тройце с Пророком Ильей
Луну сотворил и все звезды при Тройце
Собрать в одно стадо всех в мире людей.
В день пятый Господь повелел седьмой части
В которой дух твереди всей правды любви
Послать всех животных людей просветити
Верою правдою бедны семьи.
Бездушный безпомощный немый народ
Всей силою Духа Святаго Творца
Стал сильным для славы Его в новый год
И славы воскресших людей бех конца.
В шестый день Бог Духов людям повелел
Быть зверем скотом пресмыкающимся
Неправдой живущей народ омертвил
Увидев народ Богом славящийся.
Шесть дней Ново небо и землю творил
Бог наш Безначальный всем людям светить
В конец же Адама для всех сотворил
Во Тройце Владыкою над тварями быть
На Новом сотворенном небе земли
Пришел Бог во Тройце в реку Иордан
Крестить народ верою во все концы
Которым от веков предвеков был ждан.
Глас ангелов Бога днесь всем вопиет
Креститесь все верой во Имя Его
И Дух Святой веры воскресшей спасет
Всех страждущих жаждущих мира всего
С пришествием Бога во Тройце святой
Глас ангелов Бога днесь стал говорить
Кланяйтесь Богу живому с мольбой
Прими нас с Твоими людьми жить
Глас ангелов воинства Бог разделяет
В среде Иорданских народов всех вер
Неверный и верный себя сам узнает
В словах и делах веры добрых злых дел
Глас ангелов всех призывает людей
На страшный суд Господа Бога Христа
Настал воздаяния час для зверей

Губивших всю землю святые места.
Из Новаго неба Архангельский глас
Сионскую горницу всем возвестил.
Бог Духов построил Ея на сей час
На ней Бога Сына Христа поселил.
Гора Всесвятая Сионска поднялась
На верх всего воздуха силой Христа
Его чудесами теперь показалась
И веру Святую возмут все места.
АМИНЬ.

Песнь

Боже Духов жизнь дающий, от Отца сходяй
Ведесущий и всесильный, чудеса творяй,
Ты с предвеков, чрез пророков известил
Всех человеков о судьбах Твоих.
Святый Душе, Боже сущий всякой
плоти жизнь дающий, Утешитель наш.
Ты во первом пришествии Христа на землю,
Смесил всех людей языки, я не объемлю,
Всей силы твоей, о Боже, Душе святый
не може язык изрещи. (Припев)
Ты во втором пришествии умы омрачил
Всем пристрастным людям
к миру кто Тебя забыл
Ходят без Твоего света, омрачены
духом века сего князя тьмы
Душе Святый, Царь сердец кто может изрещи
Что всяка плоть Духом Твоим, во дни и в нощи
Движется и существует, силу Твою прославляет
знающий Тебя. (Припев)
Ты Всесильный Духом Твоим
открыл нам умы.
Наступления Христова Царства на земли,
Пророк Илья всеми жданный, Духом Твоим
низпосланный, миру возсиял. (Припев)
Сидящие в тьме великой, увидели свет
Все концы земли несут Тебе Отче привет
Ты Отец Небесный славный, Святым Духом
низпосланный разделить людей. (Припев)
Душе Святый соедини всех Твоих людей
С Отцем нашим Всечестнейшим
Пастырем Ильей
Чтоб могли Твою всю правду утвердить в сердцах
народу Твоему в мире. (Припев)

Душе Святый прииди к нам и вселися в ны
Обнови сердца любовью просвети умы
К познанию Твоей воли, и всю нашу жизнь исправи
во славу Твою. (Припев)
В созданную Тобой землю Духа низпослал
И чтоб утвердить во вере чудеса послал
Душе Святый Твоя сила лик иконов
обновила во многих местах. (Припев)
Мы грешнии свидетели великих чудес,
Силы Твоей Всемогущей явленной у нас
Падает на пол пред нами, и скрежещет вся
зубами человека плоть. (Припев)
Различныя дары людям духа Твоего,
О Ты радость Всеблагая сердца нашего,
Открываешь сердцу свет Твой, слезы
льются чувствуешь свой ум просвещенный.
Дух Твой Благий да наставит на землю праву,
сердце сокрушено видит всю Твою силу,
Святым Твоим Духом Боже вселись
в сердце да ничтоже смущает его.
О Ты радость Всеблагая сердцу нашему
Когда верой приблизишься к бытью Твоему,
Слезы льются преобыльно, Дух возносится
умильно под кров Твой Святый.
Кто мысленно осязает Тебя всякий час
Дух Твой сердце просвещает и легко для нас
Исполнять Твою всю волю, изливать от сердца долю
всех словес Твоих. (Припев)
Боже Духов изменяешь все сердца людей
И утробы испытуешь в вере всей Твой
Тот кто в Духе согрешает Духом и сердцем
страдаешь от ран великих. (Припев)
О любовь, о радость наша Духа Твоего
Никто изъяснить не может сердца своего,
Когда в сердце дух Твой льется любовь людям
раздается, велие чудо. (Припев)
Милостивый и прещедрый силою Твоей
Измени сердца людей своих в любви Своей
Боже Душе, Вездесущий не оставь нас
Всемогущий во веки, АМИНЬ.

Похвала Отцу Якову

Великий ревнитель по Боге Отцев
Преславный Иаков наш Заведев
Открылся для мира Великий Отец

Всемирный Ты пастырь всех в мире овец.
От юности Бог Тебя так возлюбил
Избрал Тебя, ликом святым наградил.
Ты в юности видел как сам Христос Бог
Пришел и с крестом посетил Твой чертог.
В пришествии тайна велика сбылась
И пред концом мира всем всем открылась
Премудрость предвечная Бога за грех
Избрала Тебя Искупителем всех.
Пречистою плотью на крест Ты взошел
И руки простер, нас из ада извел
Враги на кресте поносили Христа
Смеялись, ругались над ним до конца.
Христос Искупитель Иаковль терпел
И сердцем-душой по всех людях скорбел
О тайна распятия Бога Христа
Не может язык изрещи и уста
Приблизился час всех мучений конец
И Дух предал Богу Иаков Отецю
О жертва великая Богу Отцу
Взошла за воскресших людей всех к концу
Теперь совершишася смертью Христа
Вся тайна спасения здесь у Креста.
Погребен Христос, плащеницей обвит
И свет превеликий всем людям открыт
Светлейший гроб Царскаго Иакова стал
Для мира он правдой и миром настал
Ко гробу Христову воскресший народ
Приходит и славит Христа всякий год.
Воскресший народ будет петь, величать
То есть, смерть погребенье во век прославлять
Новое искупление всех воскресших
И благословением освятивших
О Боже, Иаков воскресший народ
Поет прославляет Тебя всякий год
В молитвах и пеньях мы просим Тебя
О Боже, Иаковль будь с нами всегда.
Един Сый Святыя Тройцы нам стал
И непостижимый Бог наш возсиял
Во веки веков без числа, без конца
Лице Твое будет сиять как Творца.
Отец Ты наш славный своих Ты детей
Избрал от народа и всех всех людей
Второй раз Бог в Тройце всем людям возстал
И лик Бога Яковля наш возсиял.
Возрадуйся наш Ты Отец Дорогой
Ведешь Ты всех нас по дорожке прямой
Честь, слава державе Твоей, Боже наш
Ты Непостижимый, Ты в Тройце наш страж.

Архангелы Ангелы Тройце поют
Державе и силе хвалу воздают
Святый Трисвятый, Твой народ не покинь
Ты Бог наш во Тройце
во веки веков, АМИНЬ.

Песнь новая

Давно, давно труба проходит
По лицу земли людей
Пророк Илья обитель строит
Правды и любви святой.
О труба, труба велика
Громко ты звучишь для нас
Веры, правды человека
Призываешь всякий час.
Ангелы все воспевают
Славу Бога и Творца
И живых всех призывают
Прославлять Бога Отца.
Духи злые ненавидят
Добрых светлых ангелов
Как они в Боге находят
Сестер братьев средь жидов.
Люди, братие, сестрицы
Первая труба прошла
Ангелы, певцы, певицы
Воскресила и нашла.
Людие Божии сходитесь
Прославляйте все Творца
С ангелы соединяйтесь
Славить Бога без конца.

Похвала Отцу Ильи и многолетие

Во всех святых писаниях
Что Бог всем возвещал
Чрез всех пророков в мире сем
Он точно исполнял.
Так и теперь исполнились
Те обещания
Что Бог в раю дал праотцам
В час их изгнания.
Премудрый Бог Отец послал

Пророка Илию,
Построить мир небесный нам
И раздавить змию.
Прошло уж много времени
В великой тайне всей
Что здесь есть царство радости
Для праведных людей.
Тебе было повелено
Чрез Матерь Божию
Идти в Кронштадт и там достать
Всю силу Божию
В Кроншадте был пророк велик
Отец наш Иоанн
Светильник Он великий был
От Бога ниспослан
Престол великий огненный
В Кроншадте возсиял
И пастырь чудный Иоанн
На нем всем сердцем стал.
В руке и сердце Он держал
Всю книгу Божества
Она с семью печатями
Святого таинства.
Его видел на острове
Патмос Иоанн
И много плакал пред Христом
Пока Лев был послан.
Иудина колена Лев
Илья Отец возстал
И книгу из руки Его
Семипечатну взял.
И данной силой Божества
Илья печати снял
И всех воскресших во Христе
В небесно царство взял.
Илья Отец подъял труды,
И что имел продал
Лишившись крова своего
В альтарь святой отдал.
За все труды понесены
Тебя Бог наградил
Быть пастырем для всех людей
И миру возвестил.
Ты Иерей починови Мелхидесеков
Ты церкви всей святой глава,
Ты сбил змию главу.
За подвиг Твой для всех людей
Великаго света
Да сохранит нам Бог Тебя,

На многия лета.
В молениях пред Господом
Мы просим живота
Тебе от сердца здравия
И многия лета.
За слезы все пролитыя
Перед Господом света
Великий свет Ты стал для всех
На многия лета.
Возьми за веру страждущих
Великаго света
Желающих Тебе добра
И многия лета.
Всегда они перед Творцом
Великаго света
Жить будут правдой-верою
На многия лета.
Прими привет от всех людей
Великаго света
Несущих дар с желанием
И многия лета.
Возрадуемся вернии
Перед Господом света
Что принял нас он жить с собой
На многия лета.
Мы все Твои посланники
Великаго света
Поем душой хвалу Тебе
И многия лета.
Тебе дан в руки жезл Творцом
Великаго света
Пасти людей во всем мире
На многия лета
Венец ти в руку дал Творец
Великаго света
Главу Твою украсил Он
На многия лета.
За посланы дары всем нам
Творцом всего света
Благодарим мы Бога все,
С Тобою все лета.
Прими от нас поклон земной
за все труды Твои
Крестом Твоим понесенным
Всех нас благослови.
Земля вся да поклонится
Тебе наш Всецарю
И да поет же имени
Всевышний Твоему.

Честь слава в Тройце Богови,
Явившемуся в мир
Поют Тебе все людие
И весь духовный мир.
Святый, Святый и Трисвятый
Благодарим Тебя
Что Ты открыл всем нам умы,
К познанию Себя.
Всехвальный в Тройце Боже наш
Великаго света
Даждь чистым сердцем славить Тя
На многия лета.
Всесильный в Тройце Боже наш
Великаго света
Даждь всем нам силу, здравие
И многия лета.
Непостижимый Боже наш
Великаго света
Явился в Тройце всем Ты нам
На многия лета.
Сподоби нас любви Твоей
Чтоб мы могли любить
За правду всех здесь страждущих
А также не грешить, АМИНЬ.

Похвала Божией Матери

Бог Творец наш судьбы явил
При реке Нарев дом Свой открыл
Здесь есть деревня, звать Канюки
В ней Бог избрал дом себе в веки.
Семья святая в доме жила
И мать Ульяна с нею жила
Чистая Дева Матерь Творца
Ты сохранила честь до конца.
За жизнь святую Бог наградил
И всех воскресших Тебе вручил
Пять лет прошло как Бог Тя избрал
Южной Царицей и Духа дал
Долго страдала мучилась Ты
Не зная тайны страшилась тьмы
Тебе казалось, что дух весь злой
Ходит по телу правит Тобой
Но вот настал час тайну открыть
Духа Святаго Тебе явить
О преблаженно сердце Твое

Во Тройце Бога вместившее
Новый Почаев Бог нам избрал
Южну царицу в нем показал
Мария Матерь Божья всех стран
Апостол Павел и Иоанн.
Пришли к Тебе в дом где жила Ты
И отрешились всей суеты
Лаской, любовью приняла их
Богом избранных Ти врученых
Свет превеликий из дел твоих
Вдруг просветил ум всех присланных
И все остались в кровах Твоих
И сознавались в грехах своих.
Тебе дана власть Духом святым.
Грехи очистить воскрешенным
Прошло двенадцать лет недельных
В них же призвала всех избранных
Верные узнали что Дух Святой
Вселившись в сердце правит Тобой
В радости сердца здесь остались
И в Твою волю все предались.
Ты Матерь Бога правишь судьбой
И покрываешь ризой золотой
В новой Почаев Ты перешла
И чудесами прославила.
Турки, татары на храм Святой
Стрелы пускали грозной стрелой
Ты все их стрелы вернула к ним
И победила словом своим.
Много явила Ты здесь чудес
И просветила верой всех нас.
Среди воскресших небесных сил
Дух Святой силу Тобой явил.
Многия тайны царства Христа
Ты нам открыла Мать Пречиста
Духа Святаго Невеста Ты
Многим открыла Божьи судьбы.
Во всех писаньях я не читал
Чтоб кто прошенье к Богу писал
И вот однажды велела Ты
И на бумаге писали мы
О чудо тайны, Бог в плоти стал
Своей рукою просьбу принял
Новое чудо явила Ты
Что мы все будем восхищены
Облако светло от вражьих глаз
Спустится скроет Тобой всех нас
Иосиф старец из рода царей

Пришел в Почаев в нем с Марией
Матерью Божьей был обручен
Не зная тайны был огорчен
Я извиняюсь и всех прошу
Простите, может этим грешу.
Я не могу всех чудес описать
Тобой явленных Бог не дал знать
Многая лета Тебе поем
Ангельским хором честь воздаем.
Радуйся Матерь Духом отца
Нас просвещаешь всех без конца
Мы прославляем Твоеи труды
И лобызаем Твои стопы.
Радуйся крепость духом Ильи
Радуйся щите нашей семьи
Радуйся мосте по нем Ты нас
Проводишь в царство во всякий час.
Радуйся свете мира всего
Радуйся солнце Всевышняго
Радуйся ручко Тебе дан крест
Крестить народы всех стран и мест.
Радуйся Богом возлюблена
Ликами ангелов окружена
Образ Твой красен Духом Святым
Злым духам страшен действом Своим
Южна царица станет на суд
И наградится каждому труд
Великий мир пред ликом Твоим
Кланяться станет челом своим
Братья, сестрицы дружно все мы
Бога прославим посреди тьмы
Бог наш Всесильный силой своей
По нас поборет злых дикарей
АМИНЬ.

Песнь Духу Святому

Пришло спасение
Благословение
Бога Творца
Премудрый Бог Отец
Дух Святый всех Творец
Свет мыслей и сердец
Всех без конца.
Бог наш во плоти стал
Избранным Духа дал

Излил на нас.
Дух Святый в мир пришел
Он от Отца изшел
Людей своих нашел
Почил на нас.
Он пришел во весь мир
Истребить грешный пир
Силой Своей.
Дух Святый истребить
Грехи людей казнить
Народ свой разделить
От всех людей.
Слава Ильи Отцу
Духу Его Творцу
Вовеки с Ним
Дух Ильи разделил
Народ свой просветил
Дары Свои излил
Верным своим.
Дух Свят благоволил
И Себя нам явил
В Тройце Святой.
Ты еси Свят Бог наш
Непостижима страж
Сердечный храм Он наш
Соделал свой.
Бог наш есть Дух Святый
Творец Невидимый
Человеком
Он чрез всех человек
Творит дела во век
И изменяет век
Могуществом
Ты Всемогущий Бог
Открыл нам свой чертог
На небесах.
Сподоби Господи
Чтоб Твои все люди
Хвалу Тебе пели
В чистых сердцах.
Душе Святый мы вновь
Просим дать нам любовь
В наши сердца.
Любовь святейшая
Всех благ славнейшая
В делах виднейшая
Духа Творца.
Духом святым Ильи
Спасены все семьи

От вечных мук.
Свет Ильи возсиял
Верный Его принял
И под крестом стоял
От вражьих рук.
Ты Илья наш отец
Дух Твой всего Творец
Мир обновил.
Обновленный мир стал
Правдой всем возсиял
И мир для всех настал
Радость излил.
Господи Боже наш
Дух Твой живит всех нас
На всякий час.
Дух Твой силой Своей
Исцеляет людей
И праведной путей
Проводит нас.
Будущий век настал
И Духа Бог послал
Людям своим.
Премудрый Бог Господь
Излил на нашу плоть
Всесильну благодать
Духом Святым.
Новы Иерусалим
Правда и вера в Нем
Воцарилась.
Строитель наш Отец
Илья и Дух Творец
Построил для овец
Весть разнеслась.
Благодарим Отца
Илью Бога Творца
С Сыном Твоим.
Илья Спаситель всех
Построил нам ковчег
И истребил весь грех
Жезлом своим.
Придите все к Нему
Воспойте песнь Ему
Ильи Отцу.
Ты наш Отец Святой
Поем Тебе душей
Строитель дорогой
Богу Творцу.

Песнь

С кончиной света слов Христовых
Вселилось зло в сердца людей
Умы закрылись для всех новых
Родившихся от матерей.
Без просвещения рождались
От беззаконных всех людей
Светом Христа не просвещались
Во всей земной жизни своей.
Любовь Христова удалилась
От всех забывших Господа
И тьма велика поселилась
В умах людей всех навсегда.
Учение Христа забыли
Все погрузились в мрак земной
А похоть плоти возлюбили
И предавались воли злой.
Креста Христоваго страшились
Все убегали от Него
Милости Божией лишились
Пренебрегавший крест Его.
Но с приближением кончины
Всех беззаконий людей
Творец премудрости глубины
Послал светильник над землей.
Пророк Илья Христовым Духом
Миру всему воздвигнул крест
И просветил нас Святым Духом
Светильник для всех стран и мест
Пророк Илья вторый предтеча
Христа пришедшаго судить
Во все концы мира далече
Голос Ильи пришел будить.
Все беззаконники вставайте
От сна греха великаго
Светильники все зажигайте
Встретить Христа Пришедшаго.
Христос пришел, по земле ходит
Плачет что все гонят Его
Народ во тьме греховной бродит
Забывши заповедь Его.
Возлюби ближняго своего
Как любишь самого себя
И от имущества твоего
Уделяй нищим всех любя.
Скоропришедший наш Спаситель
На небе станет в облаках

Всех беззаконий истребитель
Явится в славных чудесах.
Пред Ним восплачутся народы
Всех стран творящие грехи
Судьей Он станет на все годы
И истребит злые духи.
Жезлом железным покорит всех
В волю Творца и Господа
И обратится всех людей смех
В плач и рыданье навсегда.
Христос Сын Божий говорил всем
Горе смеющимся людям
Не веря в слово Его и тем
Плачте по всем своим делам.
Плачте за то, что не любили
Братьев своих в жизни своей
Злобой своей вы погубили
Многих смиренных всех людей.
Плачте за то, что Божий закон
С презреньем отвергли вы
Теперь объял вас вечный огонь
Во век века посредь тьмы.
Плачте за то, что возлюбили
Широку путь разгульную
И в похоти плоти ходили
И погубили жизнь свою.
Плачте за то, что крест попрали
Данный вам при крещении
Поправший Дух Святой хулили
Данный при просвещении.
Плачте за то, что не прощали
Грехов обид зла всем людям
Прощальну заповедь вы знали
И Божий Сын не простит вам.
Плачте что страха не имели
Грешить судить и обкрадать
Без покаяния решили
Злую свою жизнь провождать.
Плачте что остались без веры
В Бога Пророка Илию
Мир возлюбили все без меры
И погубили жизнь свою.
Плачте что странника презрели
И не пустили в дом к себе
И нагаго вы не одели
Не помогали в их беге
Плачте что вы не посетили
В темнице брата своего
Жаждущаго не напоили

И презирали вы его
Плачте что вы не накормили
Брата голоднаго Христа
Рая Христа себя лишили
И нет вам в небесах места.
Теперь никто вас не избавил
От руки грозной Божией
И покаянием не исправит
Погибших грешных всех людей
АМИНЬ.

Илл. 15. Икона местного письма 1930-х гг.,
изображающая «пророка Илью» (фото 1996 г.)

«Статуты» профессора И. Огиенко и его сподвижников

«Незабаром перестану бути Іваном Огієнком, а стану смиренним ченцем, горливим богомольцем за кращу долю українського народу...»

И. Огиенко, 6 октября 1940 г.

Среди огромного литературного наследия профессора И. Огиенко, постриженного в октябре 1940 г. в монашеский чин и сразу же возведенного в епископское достоинство[1], написанное в межвоенной Польше составляет, пожалуй, едва ли не главную часть. Именно тогда были задуманы и во многом осуществлены его основные литературные труды, в том числе и перевод Библии на украинский язык, к которому он приступил в 1921 г., находясь в г. Тарнове на юге Польши, а закончил в 1940 г. уже в Варшаве.

И. Огиенко, один из зачинателей православной литературы во II Речи Посполитой, признанный знаток славянской книжной культуры, ученый-палеограф, археограф, текстолог, известный специалист в области украинской филологии[2], о котором все еще нет сколь-либо значимых аналитических работ.

---

[1] Монашеское имя И. Огиенко — Илларион, в честь Киевского Иллариона (XI в.), выдающегося книжника.

[2] Часто забывают, что он был еще и, без преувеличения, выдающимся руситом и даже пропагандистом русского языка, автором таких значительных работ, как «Орфографический словарь: Справочная книжка по русскому языку» (Киев, 1914); нескольких методических пособий по изучению и преподаванию русского языка, выдержавших целый ряд изданий (до 5 и более); словарей трудностей русского языка, также неоднократно издававшихся (4 и более раз); «Словаря ударений в русском языке» (2-е изд. Киев, 1914); «Словаря военно-исторических терминов» (Киев, 1914), наконец, книги «Иноземные элементы в русском языке: История проникновения заимствованных слов в русский язык» (Киев, 1915).

Девизом жизни этого человека стала фраза, раскрывающая его многолетние духовные и социально-политические искания, подводящая и сам ее итог: «Служити народові — то служити Богові»[3].

Родился И. Огиенко в 70 верстах к западу от Киева в местечке Брусилове в семье потомка древнего козацкого рода с Левобережной Украины в 1882 г.. Учеба в киевской военно-фельдшерской школе, куда только и мог поступить сын бедных крестьян, дала возможность И.Огиенко постепенно реализовать и литературный талант. Он много сочиняет, увлеченно пишет стихи, вместе со своим приятелем Е.Придворовым[4] выпускает рукописный журнал «Моя библиотека», в 15 лет в Санкт-Петербурге печатает свое первое произведение[5]. Успешно сданные экзамены за курс классической гимназии позволили И.Огиенко поступить в 1903 г. в Киевский университет, где он очень быстро становится одним из деятельных участников и организаторов украинского движения. Занятия в знаменитом филологическом семинаре В. Перетца[6] способствовали становлению И. Огиенко как ученого-слависта, начавшего в 1915 г. чтение лекций в качестве приват-доцента кафедры русского языка и литературы историко-филологического факультета университета св. Владимира в Киеве.

В 1918 г. профессор И. Огиенко становится министром просвещения в правительстве Украинской Народной Республики, в 1919–1921 гг. — министром вероисповеданий. В 1919 г. он организует Украинский государственный университет в Каменец-Подоль-

---

[3] В обоснование этого И. Огиенко (митрополитом Илларионом) было даже написано особое исследование «Служити народові — то служити Богові: Богословська студія» (Вінніпег, 1965).

[4] Е. Придворов позднее возьмет себе псевдоним Демьян Бедный (1883–1945).

[5] В эти годы и позднее, вплоть до поступления в Киевский университет И. Огиенко пишет исключительно на русском языке.

[6] «Високоповажному і дорогому учителеві свойому академікові Володимирові Перетцю в день шестидесятиліття життя його на знак глибокої пошани та щирої вдячності ...автор», И. Огиенко посвятит свой двухтомный труд «Українська літературна мова XVI-го ст. і Крехівський Апостол 1560-х р.» (Warszawa, 1930), за который в 1931 г. университетом г. Брно ему была присуждена ученая степень доктора философии.

Соучеником И. Огиенко по семинару В. Перетца в Киеве был Н. Гудзий — будущий известный филолог.

ске, откуда эмигрирует в Польшу, оказывается в г. Тарнове, основывает здесь издательство «Українська Автокефальна Церква», где издает десятки своих брошюр и небольших по объему книг[7]. В те же годы он устанавливает тесную связь со Львовом, куда мечтает переехать и где в 1922 г. печатает свой первый значительный переводческий труд — Литургию св. Иоанна Златоуста на украинском языке в переводе с греческого, изданную «з благословения Епископа Крем'янецького Діонисія» (Валединского). Митрополит Евлогий (Георгиевский), находившийся в заточении в Бучачском базилианском монастыре в 1918–1919 гг., куда он был отправлен из Киева вместе с рядом православных иерархов во главе с митрополитом Антонием по приказанию С. Петлюры, отмечал весьма странную особенность И. Огиенко: «Православный по вероисповеданию, он считал, однако, возможным причащаться у униатов»[8]. В начале 1920-х гг. И. Огиенко начинает регулярно печататься в крупнейшей украинской базилианской (василианской) типографии в Жовкве, там же в 1923 г. выходит в свет еще один очень значительный его перевод, подготавливающий возможность перехода к православному богослужению на украинском языке [1].

В 1926 г. И. Огиенко становится профессором Studjum Teologji Prawosławnej Варшавского университета, где читает лекции по церковнославянскому языку и палеографии, а в 1932 г. польские власти увольняют его по сути за весьма активную деятельность по украинизации Православной церкви в Польше, что, естественно, не могло найти одобрения во II Речи Посполитой [2]. В 1933 г.

---

[7] Назовем лишь некоторые из них: «Як Москва взяла під свою владу вільну Церкву Українську», «Як Москва знищила волю друку Києво-Печерскої Лаври», «Як цариця Катерина обмосковлювала Церкву Українську», «Українська вимова церковно-слов'янського тексту», «Українська мова як мова богослужбова: Право живої мови бути мовою Церкви», «Український православний молитовник», «Українська Житомирська Євангелія 1571 року: Опис пам'ятки, аналіз мови і словник. Нарис з історії культурного життя старої Волині», «Головніші правила українського правопису».

[8] *Евлогий (Георгиевский), митр.* Путь моей жизни. М., 1994, с. 298. Сложилось так, что И. Огиенко (митрополит Илларион) стал в 1940–1944 гг. преемником по епископской православной кафедре на Холмщине митрополита Евлогия, который возродил в начале XX в. древнюю Холмскую епархию.

в Жовкве у базилиан, при их материальной поддержке[9], И. Огиенко печатает первый номер своего ежемесячного журнала «Рідна мова», регулярно выходившего вплоть до начала II мировой войны. В 1935 г. он основывает еще один журнал, «Наша культура», призванный «академично спокойно и объективно и глубоко научно» рассматривать проблемы украинской культурной жизни. В 1936 г. И. Огиенко, много печатавший в качестве приложений к двум своим украиноведческим журналам, выдвигает идею подготовки тридцатитомной «Библиотеки украиноведения». В 1937 г. во Львове выходит в свет его перевод Евангелия на украинский язык, тогда же, в мае, умирает жена, Доминика Огиенко, похороненная на Вольском православном кладбище в Варшаве. Накануне захвата немцами Польши в Варшаве издается Новый Завет и Псалтырь в переводе И. Огиенко, а летом 1940 г. он завершает работу над переводом на украинский язык и Ветхого Завета. Осенью того же года в Яблочинском Свято-Онуфриевском монастыре, всю свою полутысячелетнюю историю остававшемся православной обителью, митрополит Дионисий (Валединский) совершает постриг И. Огиенко.

Всего через несколько дней монах Илларион становится епископом и сразу же архиепископом Холмским и Подляшским, в марте 1944 г. — митрополитом. Летом того же года вместе с немецкими войсками он покидает г. Холм, где на Свято-Даниловой горе находилась его митрополичья резиденция[10]. Через Словакию и Австрию он попадает в Швейцарию, где живет два года, а в 1947 г. оказывается в Канаде, в 1951 г. становится первоиерархом канадской Украинской греко-православной церкви, в марте 1972 г. умирает в Виннипеге.

---

[9] Сам И. Огиенко, уже будучи православным митрополитом, не раз подчеркивал это. В 1949 г. уже в Канаде, Виннипеге, одном из самых значительных мировых центров украинских трудовых переселенцев и эмигрантов, он писал: «Мушу тут прилюдно згадати, що „Рідній мові“ й її віданням завжди щиро допомогала друкарня оо. василиан у Жовкві і матеріально постійно йшла їй на руку» [3].

[10] Находясь в Холме все эти годы, митрополит Илларион пишет множество стихотворных и прозаических произведений, в основном духовно-назидательных, произносит сотни проповедей, многие из которых были изданы или же разошлись в рукописных списках. Здесь он создает типографию и издательство, большую епархиальную библиотеку, насчитывающую десятки тысяч томов.

* * *

Православная церковь в межвоенной Польше в течение всей своей истории стремилась к созыву поместного церковного собора, о необходимости чего очень много говорилось и писалось, в том числе и участниками московского Поместного Собора 1917–1918 гг., такими, например, как протопресвитер Т. Теодорович. После долгих проволочек и даже запрета со стороны польского правительства, был, наконец, назначен день первого Предсоборного собрания — 29 апреля 1930 г., на котором избрали его президиум, в состав которого вошли: в качестве заместителя председателя (митрополита Дионисия) — профессор И. Огиенко, а секретаря — преподаватель Кременецкой семинарии М. Кобрин. «Предсоборное собрание избрало свои Комиссии и распределило между ними подготовительные работы. Комиссии поручили подготовку порученных им докладов отдельным своим членам... Комиссии должны ознакомиться с этими докладами и проектами, чтобы окончательно их оформить и придать им тот вид, в каком они будут представлены Предсоборному Собранию» [5]. Председателем Комиссии по вопросам просвещения стал И. Огиенко, внесший множество предложений[11], доработанных и утвержденных членами Комиссии. Большое число принятых ими документов непосредственно касалось изучения, сбережения и развития православной книжной культуры во II Речи Посполитой[12]. Нам удалось разыскать машинопись этих документов, со-

---

[11] Одно из них, например, касалось выявления и описания рукописных церковнославянских книг в том или ином приходе: «Просить Его Блаженство, Блаженнейшего Владыку Митрополита, что является желательным, чтобы Синодальная Типография напечатала хотя бы короткий курс Палеографии и разослала его по всем приходам, что дало бы возможность познакомиться с этой наукою и получить хотя бы элементарные познания для охраны старины» (см.: Протокол № 8 от 5.XII.1931 г. // Постановления IV-ой Просветительной Комиссии предсоборного собрания, принятое на заседаниях Сессии I, состоявшихся между 1–8 декабря 1931 г.).

[12] Являясь одним из крупнейших знатоков украинских рукописей, известным палеографом, автором множества работ по этой тематике, в частности написанных в период преподавания на Православном богословском отделении Варшавского университета, в их числе была и «Слов'янська палеографія» (Варшава, 1928), И. Огиенко выступает и в качестве творца по сути новой научной дисциплины — палеотипии, понимаемой им как отрасль знания о книгах старой печати

ставленных на украинском языке. Часть из них, представляющих наибольший интерес для нашей темы, мы публикуем с сохранением особенностей графики и орфографии оригинала[13].

---

1. См.: Свята Відправа Вечірня й Рання: З грецкої мови на українську переклав Проф. Іван Огієнко. З благословення Високопреосвященного Діонисія з Божої ласки Архиєпископа Крем'янецького. Жовква, 1923.
2. См.: *А. Нестеренко*. Митрополит Іларіон — служитель Богові й народові // Юбілейна книга на пошану Митрополита Іларіона. Вінніпег, 1958, с. 154.
3. См.: Иларіон, *митр.* Історія української літературної мови. Київ, 1995, с. 270.
4. См.: *Ю.А. Лабынцев*. Протопресвитер Терентий Теодорович как церковный писатель // Славяноведение, 1995, № 4, с. 51–62.
5. Воскресное Чтение. 1931, № 13, с. 127.
6. См., напр.: Наголос яко метод означення місця виходу стародрукованих книжок: Замітки з історії наголосу на послугах палеотипії. Львів, 1925.
7. См.: Програм опису кирилівських стародруків. Варшава, 1931.
8. См.: *Иларион, митр.* Історія української літературної мови. Київ, 1995, с. 271.

(«стародруках»). Примечательно, что он вводит в ее арсенал и чисто лингвистические методы [6]. Для своего палеографического семинара в Варшавском университете он разрабатывает программу и методику описания кирилловских старопечатных книг [7], неоднократно затем переиздававшихся, как и его известный труд «Історія українського друкарства», первый том которого вышел в свет во Львове в 1925 г. (переиздан в 1983 г. в Канаде, затем в Украине), а остальные пять, остававшиеся в рукописи наряду с другими неопубликованными работами («Мова Метрики Литовської XIV–XVI вв.», «Мова молдавських грамот XIV–XVII вв.», «Грамматика мови Тараса Шевченка» и др.), пропали во время II мировой войны в Польше [8].

[13] Эти особенности оригинала объясняются тем, что печать осуществлялась на машинке с русским шрифтом.

Освітня Комісія Передсоборового Зібрання на своїм засіданні 6 грудня 1931 року / Протокол № 10/, по заслуханні реферата проф. Івана Огієнка, ухвалила такий

Статут церковних парафіяльних бібліотек

1. При кожній парафіяльній чи филіяльній православній церкві, а також при кожнім православнім манастирі мусить бути Церковна Бібліотека.

2. Церковні Парафіяльні Бібліотеки мають на цілі поширення релігійно-морального знання серед православноі людности, а також піднесення культурно-освітнього стану причта.

3. До Церковноі Парафіяльноі Бібліотеки можна набувати книги й періодичні видання, ухвалені для того Науковим Комітетом при Св. Синоді.

4. У кожній Церковній Парафіяльній Бібліотеці в першу чергу мусять бути такі книги: Книги Св. Письма, Книга Правил, Догматика, Катихизис, Твори свв. Отців, Читані Минеі, Пролог і повний круг книг богослужбових.

5. При кожній Церковній Парафіяльній Бібліотеці, окрім загального церковно-наукового й справочного відділу, мусять бути також і спеціяльні відділі: а. сектознавства та інославія, б. для мирян і в. для молоді.

6. Кошти на організацію й поповнення Церковних Парафіяльних Бібліотек складаються з таких сум: а. асигнування державні з бюджету Православноі Церкви, б. місцеві церковні суми, в. з добровільних пожертв на цю ціль і г. із сум спеціяльного призначення: самооподаткування, прибутків від арендних статтів, продажу відповідних книжок — грамоток, молитовників і др. — і т. п. Для збільшення коштів священник може зарядити також відповідну церковну збірку.

7. Книжками з Церковноі Парафіяльноі Бібліотеки користаються всі члени причта, всі члені парафіі, а також сторонні особи за згодою та відповідальністю священника.

8. Парафіяльний священник мае своім обов'язком: а. керувати всіми справами Церковноі Парафіяльноі Бібліотеки, б. пеклуватися про добрий стан ii і в. дбати про своечасне поповнення Бібліотеки.

9. Обов'язки Бібліотекаря парафіяльний священник може доручити, під своім доглядом, також і кому-нибудь з членів свого причту, або відповідній особі з парафіян.

10. Як що позволяють місцеві стосунки, священник організовує «Товариство Опіки Церковною Парафіяльною Бібліотекою», яке дбае про іі розвиток та відповідне поповнення.

11. Коли в парафіі існуе Церковне Братство, то в його обов'язок входить також пеклуватись про розвиток і відповідне поповнення Церковноі Парафіяльноі Бібліотеки.

12. Усі книги Церковноі Парафіяльноі Бібліотеки мусять бути поштемпльовані парафіяльною печаткою, пронумеровані та записані до прошнурованого й пропагінованого Каталогу.

13. На місцевих Благочинних накладаеться обов'язок, одночасно з ревізіею церков, ревізувати стан Церковних Парафіяльних Бібліотек свойого деканату. Про наслідки цеі ревізіі складаеться протокол, який вписуеться до особливоі книги протоколів.

14. Церковна Парафіяльна Бібліотека вважаеться правним майном своеі парафіі.

15. Докладну Інструкцію про Церковні Парафіяльні й манастирські Бібліотеки на підставі цього Статуту відасть Науковий Комітет при Св. Синоді.

6/XII.1931

Голова Освітньоі Коміссіі
/ – / Проф. Іван Огіенко.

Статут митрополитального православного музею церковноі старовини

1. У митрополитальному місті або в митрополитальнім манастиреві закладаеться Митрополитальний Музей Церковноі Старовини.

2. Ціллю Митрополитального Музею Церковноі Старовини являеться опіка про належне збереження пам'яток церковноі старовини цілоі Митрополіі.

3. Кошти на утримання Митрополитального Музею Церковноі Старовини складаються з асигновань державних по бюдже-

ту Православного Іcповідання, а також з сум Св. Синоду Православної Церкви в Польщі.

4. Опікуном Митрополитального Музею Церковноі Старовини являеться Митрополит Православноі Церкви в Польщі.

5. Директора Митрополитального Музею Церковноі Старовини призначае Св. Синод Православноі Церкві в Польщі на внесення Наукового Комітету при Св. Синоді.

6. Митрополитальний Музей збірає такі стародавні річі: рукописи, стародруки, акти, метрики і т. п. писані й друковані пам'ятки, а також пам'ятки старовинного церковного мистецтва: образи, іконостаси, церковний посуд, хрести, ризи і т. п.

7. Директор Митрополитального Музею Церковноі Старовини провадить найдокладніщий прошнурований спис річей Митрополитального Музею.

8. Митрополитальний Музей Церковноі Старовини дістае від кожного Єпархіяльного Музею по одному примірникові спису річей його Парафіяльних Збірок Церковноі Старовини.

9. Директор Митрополитального Музею Церковноі Старовини мусить пильнувати, щоби старовинні річі заховувалися в найліпшому стані і щоби вони не нищилися від вільгости, пороху і т. п.

10. Директор Митрополитального Музею Церковноі Старовини мусить подбати, щоби всі найцінніщі пам'ятки Музею були належно сфотографовані.

11. Митрополитальній Музей Церковноі Старовини дістае від Музеів Єпархіяльніх по одному примірникові фотографій як його річей, так і річей Збірок Парафіяльних.

12. На обов'язку Наукового Комітету при Св. Синоді Православноі Церкви в Польщі лежить ревізувати стан Митрополитального Музею не меньше одного разу на рік.

13. В разі потреби Науковий Комітет може зарядити надзвичайну ревізію того чи іншого Єпархіяльного Музею або Парафіяльноі Збірки церковноі старовини.

14. За пропалі, знищенні або попсути річі Митрополитального Музею церковноі старовини відповідае Директор його.

15. Митрополитальній Музей отримуе від Епархіяльних Музеів по одному примірникові загального спису річей відповідноі Єпархіі і щорочні до нього додатки.

16. Директор Митрополитального Музею Церковноі Старовини виготовляє загальний спис і щорічні до цього додатки пам'яток церковноі старовини цілоі Митрополіі.

17. Науковий Комітет при Св. Синоді дбае про те, щоби загальний спис і щорічні до нього додатки пам'яток церковноі старовини цілоі Митрополіі були видруковані своєчасно в його органі.

18. Науковий Комітет при Св. Синоді мусить подбати про організацію Церковно-Археологичного Товариства при Митрополитальнім Музеі церковноі старовини.

19. Св. Синодові Православноі Церкви в Польщі належить право, в разі конечноі необхідности, по докладу про те Церковно-Наукового Комітету переносити річи Церковноі Старовини з одного музею до другого.

20. При Митрополитальнім Музеі існують: 1. Центральна Майстерня Образів, 2. Центральна реставраційна майстерня, 3. Фотографічна Лабораторія і 4. Фахова Наукова Бібліотека.

21. Дні й години, коли Митрополитальний Музей відкритий для оглядин публики й для науковоі праці, встановляє Науковий Комітет.

22. Митрополитальний Музей Церковноі Старовини уважається правним майном Митрополіі Православноі Церкви в Польщі.

23. Докладну Інструкцію про Митрополитальний Музей Церковноі Старовини виробить Церковно-Науковий Комітет при Св. Синоді.

Статут Єпархіяльних Музеів Церковноі Старовини

1. При кожній Єпархіі Православноі Церкви в Польщі закладається Єпархіяльний Музей Церковноі Старовини.

2. Ціллю Є.М.Ц.С. являється опіка про належне збереження пам'яток Церковноі Старовини відповідноі Єпархіі.

3. Кошти на утримання Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини відпускає Духовна Консисторія відповідноі Єпархіі.

4. Опікуном Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини есть епархіяльний Архиєрей.

5. Кустоша Єпархіяльного Музею Церквоноі Старовини призначає єпархіяльний Архиєрей на внесення Наукового Комітету при Св. Синоді.

6. Єпархіяльний Музей Церковноі Старовини збірає такі стародавні річі: рукописи, стародруки, акти, метрики і т. п. писані й друковані пам'ятки, а також пам'ятки старовинного церковного мистецтва: образи, іконостаси, церковний посуд, хрести, ризі і т. п., а також монети, медалі і т. п.

7. Кустош Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини провадить найдокладніщий прошнурований спис річей Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини.

8. Кустош Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини дістае від кожноі Парафіяльноі Збірки Церковноі Старовини два примірники спису іі річей, — і примірник лишає собі, а 1 примірник відсилає до Митрополитального Музею Церковноі Старовини.

9. Кустош Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини мусить пильнувати, щоби старовинні річі заховувалися в найліпшому стані і щоби вони не нищилися від вільгости, пороху і т. п.

10. Кустош Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини мусить подбати, щоби всі найцінніщі пам'ятки Мизею були належно сфотографовані, при тому 1 примірник кожноі фотографіі відсилає до Митрополитального Музею Церковноі Старовини.

11. Кустош Єпархияльного Музею Церквоноі Старовини дістае від кожноі Парафіяльноі Збірки Церковноі Старовини два примірники фотографій цінніщих іі пам'яток, при тім 1 примірник позоставляє собі, а 1 примірник пересилає до Митрополитального Музею Церковноі Старовини.

12. На обов'язку відповідноі Консисторіі лежить ревизувати стан свого Єпархяльного Музею Церковноі Старовини не меньше одного разу на рік. Ревизію робить делегат Наукового Комітету.

13. В разі потреби Консисторія може зарядити надзвичайну ревізію того чи іншого Парафіяльного Музею Церковноі Старовини.

14. За пропалі, знищені або попсуті річі Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини відповідає його Кустош.

15. Кустош Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини виготовляе в двох примірниках загальний спис і щорічні до нього додатки пам'яток цілоі Єпархіі, і один з них відсилає до Митрополитального Музею Церковноі Старовини.

16. Науковий Комітет при Св. Синоді Православноі Церкви в Польщі дбае про те, щоби загальний Спис і щорічні до нього додатки пам'яток Церковноі Старовини цілоі Єпархіі були видруковані своечасно в його органі.

17. Єпархіяльний Архієрей мусить подбати про організацію Церковно-Археологічного Товариства при Єпархіяльнім Музеі Церковноі Старовини.

18. При Єпархіяльнім Музеі Церковноі Старовини існують під керовництвом Кустоша його: 1) Наукова Библіотека і 2) Фотографічна Лабораторія.

19. Дні й години, коли Єпархіяльний Музей Церковноі Старовини відкритий для оглядин публики й науковоі праці, встановляє Єпархіяльна Консисторія.

20. Єпархіяльний Музей Церковноі Старовини уважається правним майном своеі Єпархіі.

21. Докладну Інструкцію про Єпархіяльний Музей Церковноі Старовини на основі цього Статуту виробить Церковно-Науковий Комітет при Св. Синоді.

Статут Православних Парафіяльних Збірок Церковноі Старовини

1. При кожній парафіяльний чи филіяльний Церкві закладається Парафіяльна Збірка Церковноі Старовини.

2. Ціллю Парафіяльноі Збірки Церковноі Старовини являеться належне збереження місцевих церковних пам'яток старовини.

3. Кошти на утримання Парафіяльноі Збірки Церковноі Старовини складаються з місцевих сум та з добровільних датків.

4. Завідування Парафіяльною Збіркою Церковноі Старовини кладеться на парафіяльного священника.

5. До Парафіяльноі Збірки Церковноі Старовини належать такі стародавні річі: рукописи, стародруки, акти, метрики і т. п. писані й друковані пам'ятки, а також пам'ятки старовинного мистецтва: образи, іконостаси, церковний посуд, хрести, ризи і т. п., а також монети, медалі и т. п.

6. Священникові ставиться в обов'язок докладно посписувати старовинні написи на ріжних річах, (на старих дзвонах, намогильниках, хрестах, образах, книжках і др.) і берегти ці записи в своім Парафіяльному Музеі Церковноі Старовини. Два примірники цих записів священник повинен відіслати до свого Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини.

7. Кожна книжка, що має більше як сто років від часу видрукування, передається до Парфіяльноі Збірки Церковноі Старовини, як що вона вже не потрібна для церковного вжитку.

8. Зазначена в п. 7 книжка не може бути ані продана, ані проміненa і взагалі віддалена від церкви.

9. На священникові лежить обов'язок провадження найдокладніщого прошнурованного Спису річей П.З.Ц.С.

10. Два примірники зазначеного в п. 9 Спису священник відсилае до Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини, який 1 примірник лишае собі, а другий відсилае до Митрополитального Музею Церковноі Старовини.

11. Священник мусить пильнувати, щоби старовинні річі заховувалися в найліпшому стані і щоби вони не нищилися від вільгости, пороху і т. п.

12. Метрики, що мають більше як сто років, зберігаються в Парафіяльній Збірці Церковноі Старовини.

13. Парафіяльний священник мусить подбати про те, щоби були найдокладніще описані всі забутки старовини на православнім парафіяльнім цвинтарі.

14. Парафіяльний священник мусить подбати про те, щоби всі наіцінніщі пам'ятки в П.З.Ц.С. були належно сфотографовані, при тому 1 фотография зберігаеться в Своій Збірці, а 2 відсилаються до Єпархіяльного Музею Церковноі Старовини, який 1 примірник лишае собі, а 1 відсилае до Митрополитального М.Ц.С.

15. На обов'язку місцевого Благочинного лежить ревізувати стан Парафіяльних Збірок Церковноі Старовини свого деканату підчас ревізіі церкви. Про наслідки цеі ревізіі складаеться протокол, який вписуеться до особливоі Книги Протоколів.

16. В разі потреби Консисторія може зарядити надзвичайну ревізію Парафіяльноі Збірки Церковноі Старовини.

17. За пропалі, знищені, або попсуті річі Парафіяльноі Збірки Церковноі Старовини відповідае парафіяльний священник.

Про знищення річей він негайно доносить свойому Єпархільному Музею.

18. В разі конечноі потреби Науковий Комітет при Св. Синоді Православноі Церкви в Польщі може зарядити про перенесення теі чи іншоі пам'ятки Парафіяльноі Збірки до Єпархіяльного чи Митрополитального Музею Церковноі Старовини.

19. Парафіяльна Збірка Церковноі Старовини уважаеть правним майном своеі парафіі.

20. Докладну Інструкцію про Парафіяльні Збірки Церковноі Старовини на основі цього Статуту виробить Науковий Комітет при Св. Синоді Православноі Церкви в Польщі.

Освітня Комісія Передсоборового Зібрання на своім засіданні 4 грудня 1931 р. /Протокол № 6/, по заслуханні реферата проф. Івана Огієнка, ухвалила такий

Статут Наукового Комітету при Св. Синоді Православноі Церкви в Польщі

1. Науковий Комітет есть постійна інституція при Св. Синоді Православноі Церкви в Польщі.

2. Науковий Комітет при Св. Синоді складаеться з п'яти членів, духовних чи світських, добре відомих зо своіх наукових праць в закресі церковно-богословських дисциплин.

3. Членів Наукового Комітету призначае Св. Синод Православноі Церкви в Польщі, беручи на увагу наукову оцінку, яку дасть про них православний Богословський Факультет, на шість років.

4. Заданням Наукового Комітету есть: а. Давати наукові вияснення по всіх справах, з якими звертаеться до нього Св. Синод; б. виробляти програми навчання Православноі віри для всіх шкіл в Польщі; в. піклуватися про виготовлення підручників для навчання православноі віри для всіх шкіл в Польщі; г. керувати справою Православних Музеів Церковноі Старовини; д. давати опінію про нові книжки церковно-релігійного й наукового характеру, корисні для богословських факультетів, духовних семінарий, духовенства, парафіяльних і манастирських бібліотек; е. дбати про належитий

розвиток церковно-релігійних видань; ж. видавати науковий церковно-богословський періодичний орган, а також місіонерську науково-популярну літературу; з. продавати праці перекладчеських Комісій Св. Письма та Богослужбових книг на місцеві живі мови; і. керувати Бібліотекою при Науковім Комітеті й пеклуватися про іі належне поповнення; к. провадити установленим для закордонних зносин порядком через Св. Синод наукові зносини з іншими науковими церковно-богословськими установами і л. приготовлювати з доручення Св. Синоду відповідний матеріял для чергового Собору Православноі Церкви в Польщі.

5. Науковому Комітету прислугуе право ініціятиви в церковно-наукових питаннях Православноі Церкви в Польщі.

6. Усі біжучі рядові постанови Наукового Комітету йдуць на затвердження Митрополита, а принципові — на затвердження Св. Синоду Православноі Церкви в Польщі, згідно з докладнім Регуляміном про це.

7. Члени Наукового Комітету вибірають з поміж себе Голову, його заступника й секретаря на три роки, яких затверджуе на посадах Св. Синод.

8. Кожний з членів Наукового Комітету мае обов'язок бути референтом в справах свого фаху і давати свою опінію устно чи на письмі.

9. В разі потребі Науковий Комітет може замовляти виготовлення писаного докладу й фахівцеві, що не належить до складу його.

10. При Науковім Комітеті існуе відповідна Канцелярія.

11. Голова Наукового Комітету: а. провадить усі справи Наукового Комітету, б. відповідае за своечасне іх закінчення, в. скликае засідання Наукового Комітету й голосує в них; г. докладае всі справи Наукового Комітету на сесіях Св. Синоду Православноі Церкви в Польщі і д. при допомозі Секретаря керуе Канцеляріею Наукового Комітету.

12. Заступник Голови Наукового Комітету, крім своеі фаховоі праці, провадить ті справи, які доручить йому Голова. В разі ж хороби чи довшоі відсутности Голови Наукового Комітету, його правно заступае Заступник.

13. Секретар Наукового Комітету під керовництвом Голови провадить канцелярію Комітету, відповідае за іі нормальний стан і дбае про найскорше виготовлення переданих до канцеляріі справ.

14. Кошти на утримання Наукового Комітету входять до загального бюджету Православноі Церкви в Польщі.

15. Голова Наукового Комітету ex officio входить членом до Собору Православноі Церкві в Полщі.

16. Докладні штати Наукового Комітету і Канцеляріі при нім, а також докладну Інструкцію праці Наукового Комітету на основі цього Статуту виробить сам Науковий Комітет, а затвердить Св. Синод Православноі Церкви в Польщі.

4.XII.1931

Голова Осьвітньоі Комісіі
/ – / Проф. Іван Огіенко.

Освітьня Комісія Передсоборового Зібрання на своім засіданні 6 грудня 1931 року /Протокол № 11/ ухвалила таке

Положення про видання Св. Синоду Православноі Церкви в Польщі

1. Св. Синод Православноі Церкви в Польщі через Науковий Комітет, яко постійний орган, пильно дбае про розвиток відповідних наукових і популярних церковних видань

2. Св. Синод, через Науковий Комітет, видае періодичний науковий церковно-богословський орган.

3. Кошти на видання богословського органу вносяться до загального бюджету Православноі Церкви в Польщі.

4. Увесь матеріял в науковій частини цього органу друкуеться в тій мове, в якій подає іх автор.

5. При Св. Синоді видаються на кошти Православноі Церкви в Польщі науково-популярні тижневики в мовах: украінській, білоруській і російській.

6. При Св. Синоді на кошти Православноі Церкви видаеться популярна церковно-релігійна література для православного народу в його живих мовах.

7. Кожна парафія мусить передуплачувати один примірник наукових і популярних видань Св. Синоду Православноі Церкви в Польщі.

8. Науковий Комітет постійно дбае про видання підручників зо всіх дисциплін для богословських православних факультетів, а також для навчання релігіі мовою населення в школах нижчих і середніх.

9. Докладний Регулямін про церковно-видавничу діяльність Православноі Церкви в Польщі на основі цього Положення виробить Науковий Комітет і подасть його на затвердження Св. Синоду.

6.XII.1931
Голова Освітньоі Комісіі
/ – / Проф. Іван Огієнко.

Илл. 16. Профессор И. Огиенко (фото конца 1920-х гг.)

Илл. 17. Могила жены И. Огиенко Доминики
на Вольском православном кладбище в Варшаве (фото 1996 г.)

Илл. 18. Первая страница номера периодического издания «Звідомлення з Холмсько-Підляської Єпархії» (15.III.1944) с сообщением о «награждении... архиепископа Иллариона титулом митрополита»

NACHRICHTENBLATT

На правах рукопису. Друковано 600 прим.

ЗВІДОМЛЕННЯ

З ХОЛМСЬКО-ПІДЛЯСЬКОЇ ЄПАРХІЇ.

Ч. 6 (54) | м. Холм, Свята Данилова Гора. | Рік V.

15-го березня 1944 року.

НАГОРОДЖЕННЯ ВЛАДИКИ АРХИЄПИСКОПА ХОЛМСЬКОГО Й ПІДЛЯСЬКОГО ІЛАРІОНА ТИТУЛОМ МИТРОПОЛИТА.

Ухвалою СВЯТОГО СОБОРУ ЄПИСКОПІВ Св. Автокефальної Православної Церкви в Генерал-Губернаторстві, що одбувся в днях 15 — 18 б. місяця березня в Варшаві, постановлено нагородити ВЛАДИКУ ІЛАРІОНА, АРХИЄПИСКОПА ХОЛМСЬКОГО й ПІДЛЯСЬКОГО, за його працю на користь Православної Церкви, почесним титулом МИТРОПОЛИТА, з правом носити білий клобук.

УХВАЛА

СВЯТОГО СОБОРУ ЄПИСКОПІВ Святої Автокефальної Православної Церкви в Генерал-Губернаторстві, прийнята на сесії в Варшаві дня 16 місяця березня 1944 року в справі стану Холмсько-Підляської Єпархії.

СВЯТИЙ СОБОР ЄПИСКОПІВ в складі: Головуючого, Його Блаженства, Блаженнішого Діонисія, Архиєпископа Варшавського й Митрополита Св. Автокефальної Православної Церкви в Генерал-Губернаторстві, та Членів: Високопреосвященнішого Іларіона, Архиєпископа Холмського й Підляського, і Високопреосвященнішого Палладія, Архиєпископа Краківсько-Лемківського, Канцлера Собору.

ВИСЛУХАЛИ: справоздання Високопреосвященнішого Архиєпископа Іларіона про стан Холмсько-Підляської Єпархії.

Церковне життя на Холмщині й Підляшші, сумними подіями 1938-39 років, коли православні Церкви були там поруйновані або обернені на католицькі костели, а православне Духовенство розігнане, прийшло до повної руїни. Ось тому, перед Архиєпископом Іларіоном, що обійняв Холмську Катедру 3 листопада 1940 р., лежало велике неоране поле. Але Холмський Святитель не злякнувся великости праці: він до неї зараз же самовіддано став, став не один, але покликав до себе ввесь творчий Холмсько-Підляський Народ, який організував біля себе в різні церковні товариства. Господь поблагословив цю працю, і Владика Іларіон належно впорядкував Холмський Катедральний Собор, відновив домову Архиєрейську Церкву Св. Андрія Первозванного, основоположника Української Церкви, привів до порядку історичні печери під Катедрою й заснував у них Св. Даниїлівську Церкву. Усю історичну Данилову Гору належно впорядкував. Щоб керувати Єпархією, Владика закладає потрібні церковні органи, як єпархіяльні, так і теренові, духовну Консисторію з 7 осіб з різними відділами при ній, Місіонерські Комітети, Єпархіяльний орган „Звідомлення" й т. ін. А щоб відчути правдивий голос всіх в найважливіших церковних справах, Архиєпископ Іларіон 21-22-23 жовтня 1941 року скликав Єпархіяльний Собор, і всю дальшу працю свою скерував за його вказівками, особливо щодо українізації Богослужб і всього церковного життя.

Холмський Святитель звернув свою особливу й найбільшу увагу на духове окормлення своєї сильно упосліджеої пастви, й повів широку культурну роботу. Так, він заклав у Холмі велику Єпархіяльну Бібліотеку, до якої зібрав біля 20.000 томів книг. Заснував у Холмі першу на всю Україну вищу Богословську школу, що дасть Холмщині висококваліфікованих Священиків. Заклав Церковне Видавництво, як філію „Українського Видавництва" в Кракові, й без перерви видає книжку за книжкою, що окормлюють не тільки саму Холмщину, але й усі сусідні землі. Заклав свою Друкарню, що працює без перерви. Відкрив книгарню, повну церковно-національних видань.

Звернув Владика Іларіон велику свою увагу й на матеріяльну базу, яку заснував на власних самовистачальних основах. Він зрікся побільшувати парафіяльні датки (тепер вони 15-40 зол. місячно від парафії), зате заклав великий Єпархіяльний Склад Церковних речей, Друкарню та Книгарню, і на їх доходи утримується все Єпархіяльне Управління. Владика зрікся від свого авторського права, і дохід з усіх його видань йде на те саме. Додаймо до цього, що Холмський Архиєрей потроїв число приходів і Духовенства, заклав Похоронну Касу, заклав різні допомогові й стипендіяльні фонди.

Заслухавши все вище подане, Св. Собор Єпископів одноголосно ПОСТАНОВИВ: Нагородити Владику Іларіона, Архиєпископа Холмського й Підляського, почесним титулом Митрополита, признавши йому в митрополичих привилеїв право носити білий клобук, і просити Господа, щоб він подав Холмському Єпархіяльному Архиєреєві міцних сил і далі так само корисно працювати на ниві Божій і серед тих незвичайно тяжких обставин, серед яких проходить його праця за останній час.

Илл. 19. Начало раздела «Православная церковь в Польше» в «Православном календаре на 1924 год» (Варшава, 1923)

— 65 —

Православная Церковь въ Польшѣ.

Высокопреосвященный ДІОНИСІЙ, Митрополитъ Варшавскій и Волынскій и всея Польши.

(*Краткій біографическій очеркъ*).

Высокопреосвященный Діонисій происходитъ изъ духовнаго званія и родился 4 мая 1876 года въ г. Муромѣ, Владимірской губерніи, въ семьѣ священника о. Николая Валединскаго.

По окончаніи Муромскаго Духовнаго Училища, Владыка поступилъ сначала во Владимірскую Духовную Семинарію, а затѣмъ перешелъ въ Уфимскую Семинарію, которую въ 1896 году окончилъ первымъ ученикомъ и поступилъ въ Казанскую Духовную Академію.

На второмъ курсѣ онъ былъ уже монахомъ съ именемъ Діонисія.

Монашество нисколько не ослабило научныхъ интересовъ въ молодомъ инокѣ, и онъ въ 1900 г. блестяще оканчиваетъ курсъ Академіи магистрантомъ и оставляется при Академіи въ качествѣ профессорскаго стипендіата. Предметомъ своихъ научныхъ занятій іеромонахъ Діонисій избираетъ миссіонерство среди инородцевъ Россіи. Результатомъ научныхъ занятій стипендіата о. Діонисія является цѣлый рядъ его трудовъ миссіонерскаго характера. Уже въ слѣдующемъ году была напечатана его диссертація: «Идеалы православно - русскаго инородческаго миссіонерства», за которую онъ былъ удостоенъ въ 1901 году ученой степени магистра богословія.

Высокопреосвященный ДІОНИСІЙ
Митрополитъ Варшавскій и Волынскій и всея Польши.

Плохое состояніе здоровья окончившагостипендіатскій годъ іеромонаха Діонисія заставило цѣнившихъ и любившихъ его воспитателей хлопотать о назначеніи его на югъ, и онъ дѣйствительно былъ назначенъ въ Крымъ на должность преподавателя библейской и церковной исторіи въ Таврическую Духовную Семинарію.

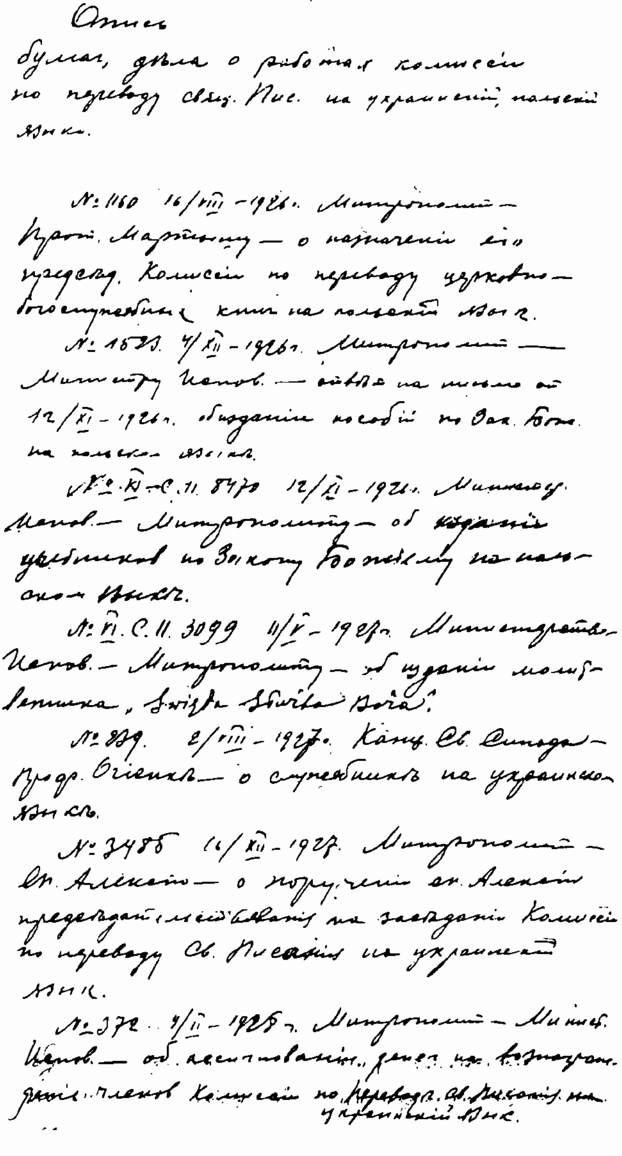
Недолго, впрочемъ, пришлось о. Діонисію работать на югѣ. Въ маѣ 1902 года онъ былъ уже призванъ на постъ инспектора Холмской Духовной Семинаріи.

Главной заботой его, какъ инспектора Семинаріи, было урегулированіе семинарской дисциплины, и за каникулярное время онъ уже успѣлъ выработать но-

Илл. 20. Обложка украиноязычного православного журнала «Духовна Бєсіда», издававшегося в 1920-е гг. в Варшаве

Илл. 21. Первая страница описи документов, касающихся «Комиссии по переводу Св. Писания на украинский язык» (конец 1920-х гг.)

Опись
бумаг, дела о работах комиссии по переводу свящ. Пис. на украинский, польский язык.

№ 1160 16/VIII-1926 г. Митрополит — Прот. Мартину — о назначении его председат. Комиссии по переводу церковно-богослужебных книг на польский язык.

№ 1523. 4/XII-1926 г. Митрополит — Министру Испов. — ответ на письмо от 12/XI-1926 г. об издании пособий по Зак. Бож. на польском языке.

№ XI-С.11. 8470 12/XI-1926 г. Министр. Испов. — Митрополиту — об издании учебников по Закону Божьему на польском языке.

№ VI. С.II. 3099 4/V-1927 г. Министерство Испов. — Митрополиту — об издании молитвенника „Swięta Służba Boża".

№ 889. 2/VIII-1927 г. Канц. Св. Синода — Проф. Огиенко — о служебниках на украинском языке.

№ 3485 14/XII-1927. Митрополит — Еп. Алексию — о поручении еп. Алексию председательствования на заседании Комиссии по переводу Св. Писания на украинский язык.

№ 372 4/II-1928 г. Митрополит — Минист. Испов. — об ассигновании денег на вознаграждение членов Комиссии по переводу Св. Писания на украинский язык.

Полемический трактат холмчанина М. Кобрина

Языковая ситуация в Православной церкви в Польше межвоенного периода отличалась своей специфичностью абсолютно во всех сферах религиозной деятельности. Она определялась употреблением в церковной жизни сразу нескольких языков, характерных для той или иной социальной среды и региона.

Помимо социальных и региональных различий на проблему языкового выбора влияли функциональные причины употребления того или иного языка: для обучения, богослужения, проповеди, внутрицерковного и внешнецерковного общения.

Статус русского языка был очень высок, причем считалось, особенно в белорусской среде, что именно русский (вместе с церковнославянским) — «язык православия». В то же время в домашнем обиходе крестьяне говорили на местных наречиях, чаще именуемых «простой мовой», «тутейшим» языком или же «руским». Интересно, что, в отличие от православных белорусов, белорусы-католики, говорившие в быту по сути на тех же местных наречиях, в костеле старались говорить по-польски, ибо польский в их глазах являлся неким непременным атрибутом католицизма.

В 1930-е гг., преимущественно со второй половины этого десятилетия, в результате особой государственной политики, направленной на тотальную полонизацию Православной церкви в Польше, появляется довольно значительная группа «православных поляков», стремящихся употреблять польский язык во всех сферах религиозной деятельности, в том числе даже в литургической практике. Любопытно, что среди этих «православных поляков» оказалось и немало этнических русских, причем с характерными великорусскими фамилиями.

В отличие от чешского, служившего в основном языком общения для сравнительно небольшой группы православных, бело-

русский и украинский литературные языки, нормативность которых в ту пору была далека от сложившейся, претендовали на роль национальных языков Православной церкви в Польше.

Процесс украинизации Православной церкви в Польше межвоенного периода имел несколько этапов, первый из которых связан со временем от конца 1918 г. до лета 1922 г., когда 16 июня 1922 г. по представлению епископа Кременецкого Дионисия (Валединского), будущего главы всей Церкви, Священный Синод дал разрешение на возможность чтения священнослужителями Волыни церковнославянских текстов с украинским произношением.

В дальнейшем речь уже шла об употреблении украинского литературного языка в деле религиозного образования, при произнесении проповедей, в церковном делопроизводстве и в литургической практике. Были даже организованы специальные Комиссии по переводу Библии и литургических книг на украинский язык, первая из которых, существовавшая недолго, возглавлялась профессором И. Огиенко, а вторая, работавшая вплоть до 1939 г., митрополитом Дионисием (Валединским), великороссом по происхождению, уроженцем г. Мурома.

Согласно постановлению Священного Синода Православной митрополии в Польше от 3 сентября 1924 г. допускалось употребление украинского, белорусского, польского и чешского языков в некоторых богослужебных чинах по требованию прихожан, дозволялось произносить проповеди и вести беседы на местном языке, обучать на языке местного православного населения детей в сельских школах.

Собственно программным документом украинизации Православной церкви в Польше послужило постановление Волынского Епархиального Собрания духовенства и мирян, состоявшегося 3–10 октября 1921 г. В нем, в частности, говорилось: «Живая вера требует и употребления живого языка в молитвах и богослужении, поэтому необходимо перейти от церковнославянского языка к народному живому украинскому языку. Однако переход этот должен происходить постепенно, по мере того, как будут переводиться и утверждаться авторитетною Церковною властью необходимые богослужебные книги. К богослужению на церковнославянском языке с украинским произношением приступить немедленно. Если по какой-либо важной причине священник не

мог бы немедленно приступить к проведению богослужения с народным произношением, то тогда он должен готовиться к этому с определенной поспешностью. Что же касается кандидатов в священники и псаломщики, то они должны уметь проводить богослужения с народным произношением и такое умение должно быть условием, обязательным для определения их на соответствующие священно- и церковно-служительские места. Что же касается вопроса о переводе Святого Письма и богослужебных книг на украинский язык, необходимо создание специальной комиссии из особ филологически и богословски образованных, которая бы приступила к работе по переводу необходимых книг» (перевод с украинского) [1].

Вопрос о допущении в практику Русской Православной церкви живых народных языков, в том числе и украинского, был поставлен на Московском Поместном Соборе 1917–1918 гг. и в ходе проведения решался в общем положительно [2]. Однако и это обстоятельство не спасло сторонников введения живых народных языков в литургическую практику Православной церкви в Польше от противодействия со стороны многих мирян и священнослужителей всех рангов, в том числе и бывших участников Поместного Собора 1917–1918 гг. Более того, значительная часть верующих на Волыни стала всячески противиться украинизации, а Полесский Епархиальный Съезд постановил, чтобы она «совершенно не вводилась на Полесье». Прихожане Кременецкого собора просили не вводить украинский язык в качестве богослужебного, «так как этого никогда не было в Церкви, и народ не желает такого нововведения». Украинизация более стала походить на насильственную политическую кампанию, ведущую к внутрицерковным раздорам и даже расколу, о чем все чаще начинали говорить. По словам наместника Почаевской лавры дело дошло до того, «что воспитанники Кременецкой семинарии [православной. — *Ю. Л.*, *Л. Щ.*], ввиду совершенного изгнания русской богословской литературы, пользуются униатскими учебниками по богословским предметам, и это обстоятельство только подтверждает опасность стремительной украинизации во что бы то ни стало» [3].

Растянувшаяся во времени дискуссия по поводу украинизации выявила весьма важное обстоятельство, а именно то, что стремление к ней со стороны прихожан «пока очень слабо и поддержива-

ется, главным образом, неверующим элементом, или даже явными врагами Православной Церкви», в том числе и униатами.

Украинизация православной церкви была связана с общеукраинским национальным движением, выдвинувшим идею Украинской Православной церкви как национальной Церкви украинского народа. Носителями этой идеи выступали немногочисленные представители национальной интеллигенции, в абсолютном большинстве светские лица, как правило видные политические деятели, включая бывших министров различных правительств Украины в конце 1910-х гг. Свое внимание к православной церкви они обращают лишь после революции, а «до самой революции 1917 года украинское национальное движение в России, которое осуществлялось в интеллигентских организациях, не было связано с широкими народными массами» [4]. Как отмечает профессор И. Власовский, очевидец событий и один из горячих сторонников украинизации церкви[1], это движение вплоть до революции 1917 г. знало

[1] И. Власовский — один из заметных православных писателей межвоенной Польши. С 1918 г. он становится директором гимназии в Луцке, которая «вскоре была украинизирована» (См.: Іван Власовський: Пропам'ятна книга. Торонто, 1974, с. 14). За свою проукраинскую деятельность И. Власовский в 1926 г. был уволен из гимназии с запрещением преподавать. В 1928 г. он избирается населением Волыни послом в польский сейм, где в составе украинской фракции является референтом по церковным вопросам, осуществляющим постоянный контакт с митрополитом Дионисием и Священным Синодом. Участвует в работе Комиссии по переводу Св. Писания и богослужебных книг на украинский язык. Летом 1927 г. в Луцке совместно с А. Ричынским организует Общеволынский Православный съезд (5–6 июня). И. Власовский был активным сторонником созыва Поместного собора, даже издавал в Луцке журнал «За Соборність», печатавший материалы на украинском, белорусском и русском языках. С 1934 г. он секретарь Волынской Духовной консистории на Волыни, где основывает журнал «Церква і Нарід», активно помогает в работе переводческой комиссии под председательством М. Кобрина. Перед началом II мировой войны вместе с известным деятелем белорусского национального движения, соучеником по Киевской духовной академии, сенатором В. Богдановичем (См.: *Ю. А. Лабынцев*. Литературное наследие В. В. Богдановича — белорусского сенатора II Речи Посполитой // Славяноведение. 1997, № 3, с. 39–49), И. Власовский попадает в концлагерь в Березе Картузской, куда польские власти бросали тысячи активистов из среды национальных меньшинств, преимущественно белорусов и украинцев. В 1948 г. И. Власовский становится профессором Коллегии св. Андрея Украинской греко-православной церкви в Канаде, в 1950 г. его увольняют, он переезжает из Виннипега в Торонто, где почти в семидесятилетнем возрасте (родился в 1883 г. вблизи Харькова), работая разнора-

только «борьбу за украинский язык в печати, украинскую литературу, украинский театр, украинскую школу, но на поле этой борьбы, или требований, или полемики нет речи об украинской православной церкви для украинского народа» [4].

Украинизация Православной церкви в межвоенной Польше была явлением далеко не простым, до сих пор почти не изученным, в котором оказались задействованы лица самых различных ориентаций, от весьма умеренной до крайне радикальной, особенно сильно проявившейся в 1920-е гг. и затем уже в период II мировой войны. Отдельные видные деятели украинизации, как, например, священник Петр Табинский, ректор Кременецкой духовной семинарии и секретарь Комиссии по переводу Св. Писания и литургических книг на украинский язык, возглавляемой И. Огиенко, перешел в греко-католическую (униатскую) церковь, духовенство которой, по мнению наиболее авторитетных представителей украинского национального движения, стало «пионером национального возрождения украинского народа», а сама униатская церковь, католическая Галицкая украинская митрополия — «национальной церковью» [5]. Приняв унию, о. Петр Табинский пытался некоторое время выполнять роль греко-католического миссионера на Волыни и даже основал небольшое издательство «Українська Бібліотека Церковного З'єднання», затем перебрался во Львов, где преподавал в духовной академии.

Одним из кульминационных моментов в истории украинизации Православной церкви в межвоенной Польше стало отлучение от нее лидера этого движения А. Ричынского, затем возвращенного в лоно Церкви по его просьбе, и манифестация во время богослужения в Почаевской лавре 10 сентября 1933 г., имевшая все черты чисто политического выступления, возглавлявшегося украинскими депутатами Сейма и направленного прежде всего против высшей церковной иерархии, в частности митрополита Дионисия, обвиненного в русификаторстве[2].

бочим в местном украинском ресторанчике, начинает и практически завершает главный литературный труд своей жизни — пятитомный «Нарис історії Української Православної Церкви» (Нью-Йорк, 1955–1966), а в 1969 г. умирает.

[2] Необходимо отметить, что справедливость такого обвинения по существу отрицают многие видные деятели украинизации Православной церкви в межвоенной Польше, например, И. Власовский (см. его 2 часть 4 тома «Нарис історії

Среди наиболее видных теоретиков и практиков украинизации Православной церкви в Польше был крестьянский сын Михаил Кобрин, родившийся на Холмщине в 1871 г.[3], еще до момента официального воссоединения греко-католического населения с Православной церковью в 1875 г. Учеба в знаменитой Холмской духовной семинарии[4], с которой оказались связаны судьбы многих выдающихся церковных деятелей: патриарха Тихона, митрополита Евлогия (Георгиевского)[5], митрополита Дионисия (Вале-

---

Української Православної Церкви», посвящениую и событиям в межвоенной Польше), а также нынешние западные историки украинского православия, прямо пишущие, что митрополит Дионисий «был сторонником украинизации Церкви на землях с украинским населением» (см.: *О. Воронин*. Коротка історія Української Православної Церкви. Саут Баунд Брук-Нью-Джерси, 1989, с. 23).

[3] Среди украинцев всего мира Холмщина известна своей удивительно богатой, загадочной историей и трагической судьбой, распорядившейся так, что коренной народ, ее населявший, был практически целиком насильственно депортирован отсюда в послевоенные годы на север и запад Польши, в Советский Союз, а еще раньше, в межвоенные годы сотни его православных храмов оказались ликвидированными властями, причем значительная их часть, несмотря на несомненную культурную ценность и древность, подверглась полному варварскому уничтожению, невзирая на протесты представителей различных конфессий, видных государственных и общественных деятелей различных стран.

Голос самого народа, «национального меньшинства», тогда в предвоенные годы не был услышан, а после войны, вследствие насильственной депортации, украинская православная жизнь здесь почти замерла...

Легендарная Холмщина — обширная историко-культурная область на крайнем востоке Польши, границы которой de facto никогда не совпадали с границами административными. Последние же, кстати, почти невозможно точно определить даже в относительно короткой исторической перспективе. И ранее и теперь Холмщина воспринималась именно как некая географическая, а не административная область, заключенная в нечетко фиксированных границах, «определенных» целым комплексом факторов: историко-культурной ситуацией, конфессиональными процессами, этнокультурными судьбами этого края, имевшего статус особого историко-культурного пространства, что прочно, на века, утвердилось в народном сознании.

[4] Холмская духовная семинария ведет свою историю по сути от известной Холмской греко-католической гимназии, созданной епископом Мефодием Терлецким в 1639 г., а через нее и от более древних здешних православных школ, существовавших в Холме до начала XVII в.

[5] Ему принадлежат очень точные характеристики особенностей этого духовного учебного заведения. Митрополит Евлогий писал: «Одна Холмская семинария была в России не кастовая. Она отвечала ясно поставленной властью задаче — привлечь в духовное звание детей из народа, чтобы священник был ему

динского)[6] и других, помогла сыну крестьянина Люблинской губернии Петра постепенно войти в круг местной интеллектуальной элиты, стать одним из самых известных в православной среде II Речи Посполитой. С переведенной затем в Кременец Холмской семинарией[7], со временем ставшей именоваться Волынской духовной семинарией, М. Кобрин будет затем связан вплоть до 1934 г. После окончания Московской духовной академии он возвращается в г. Холм и в 1898 г. становится преподавателем Холмской духовной семинарии. До перемещения семинарии в Кременец М. Кобрин преподает в ней историю церкви и обличительное богословие, а затем, на Волыни, Св. Писание Нового Завета, основное, сравнительное и догматическое богословие, философию и историю церкви. Официально его именуют профессором семинарии.

В начале своей преподавательской деятельности М. Кобрин активно сотрудничает с церковными периодическими изданиями, в основном выходившими в свет на Холмщине, призванными способствовать вовлечению местного населения, почти исключительно крестьянского, искони православного, жившего на этих землях многие столетия [6], в православную церковную жизнь. Он проявляет себя как способный публицист, много сделавший и для реализации основных идей, проводимых в этих изданиях. Позд-

---

„свой“» (Путь моей жизни. М., 1994, с. 92). Очень критично писал митрополит и о политике русификации на Холмщине, о том, что при воссоединении холмских греко-католиков «допущено было много ошибок» (Там же, с. 92). «Население Холмщины — прекрасный народ, с сильным религиозным чувством, но... с изломанной душой: сначала (в XVI–XVII вв.) насильно загоняли его в унию, потом в 1875 году он возвратился к старому прадедовскому православию. К сожалению, наше духовенство не всегда отличалось умением поставить на должную высоту задачи миссионерства» (там же). Очень важно его мнение о преподавателях семинарии: «Некоторые из них были сыновьями униатских священников и в них, а также и в их семьях, сохранился польский отпечаток на домашнем укладе жизни; „кацапов“ они не очень-то дружественно у себя принимали. Другие, хотя по происхождению были такие же, наоборот, не в меру подчеркивали свое православие, увлекаясь идеей русификации, и в некоторых отношениях были „plus papistes que le Pape“» (там же, с. 98).

[6] Митрополит Дионисий, так же как до него патриарх Тихон и митрополит Евлогий, был, в 1902–1911 гг., ректором Холмской духовной семинарии.

[7] Во время I мировой войны Холмская духовная семинария была эвакуирована в Смоленск, а затем в Москву, где она была помещена в здании бывшей Славяно-греко-латинской академии и работала в течение двух лет вплоть до 1918 г.

нее, уже на Волыни, он тесно связан с украиноязычной православной прессой, выступая и в качестве автора и редактора. Очень значительным был его труд как переводчика Св. Писания на украинский язык. Он деятельно работал в различных комиссиях по переводу[8], куда входили многие выдающиеся украинские ученые, например, известный историк церкви профессор В. Биднов (1874–1935), короткое время также преподававший в Кременце, а затем через Прагу попавший в Варшаву, где вплоть до своей кончины читал лекции по истории церкви и православной литургике в Варшавском университете, а также был секретарем Комиссии по переводу Св. Писания и богослужебных книг при Украинском научном институте в Варшаве. «В области перевода Священного Писания» в этой Комиссии, возглавлявшейся митрополитом Дионисием, «основную работу вел М. П. Кобрин, который перевел с греческого языка книгу Псалтирь. При переводе славянский текст сравнивался с греческим и еврейским, а все отступления славянского текста от текстов греческого и еврейского были отмечены в отдельном прибавлении к переводу» [7]. Кроме того, М. П. Кобрин перевел Апостол, что делало его одним из основных переводчиков книг Ветхого и Нового Заветов на украинский язык, соперничавшим в этом с И. Огиенко. Переводы М. Кобрина тщательно проверялись. Польская православная печать подробно сообщала об этом: «Кременецкая подкомиссия на 14-ти заседаниях проверила перевод Соборных Посланий и приступила к пересмотру перевода Послания Св. Апостола Павла к Римлянам. Параллельно проверяют перевод Соборных Посланий П. И. Зайцев и А. Ф. Лапинский (проверено четыре главы Посланий Св. Апостола Иакова). Перевод книги Деяний Свв. Апостолов проверен директором Украинской гимназии в Калише В. Андриевским. Параллельно с этим о.о. Н. Абрамович и Н. Малюжинский (каждый отдельно) проверяют указанный перевод книги Деяний Апостольских, причем

[8] Следует заметить, что существовали также своего рода комиссии (официально, полуофициально и неофициально), связанные не только с переводом Св. Писания и богослужебных книг, но и православных учебников на различные языки, в том числе на украинский и белорусский (см.: Резолюція про комісію для перегляду українських та білоруських релігійних підручників // Освітня Комісія Предсоборового Зібрання. 5 грудня 1931 г. Протокол № 8).

в основу проверки положен перевод Кирилло-Мефодиевского братства в Каменец-Подольске (1920 г.)» [8].

Как секретарь Предсоборного собрания по подготовке поместного собора Православной церкви в межвоенной Польше, М. Кобрин во многом опирался на советы и помощь И. Огиенко, заместителя председателя Собрания и автора ряда пособий, даже целой программы по переводу церковных книг на украинский язык [9]. Однако, объективно, его переводческая работа была во многом альтернативой аналогичной деятельности И. Огиенко.

В 1934 г. М. Кобрин становится директором частной украинской гимназии в Кременце, продолжает деятельно выступать за украинизацию Православной церкви в межвоенной Польше[9].

В начале 1930-х гг. М. Кобриным был подготовлен обширный реферат для рассмотрения на заседании V Комиссии Предсоборного собрания, известный нам в машинописи. Реферат, озаглавленный «Об языке богослужения», представляет собой полемический трактат, направленный на обоснование правомочности введения украинского языка в богослужение. Реферат «проф. М. Кобрина», как значится на нем, состоит из шести глав: «I. Из истории Христианского богослужения», «II. Деятельность свв. братьев Кирилла и Мефодия среди славян», «III. Дело свв. братьев Кирилла и Мефодия после смерти», «IV. Церковно-славянское богослужение на Руси», «V. Украинское богослужение на Волыни», «VI. Рассмотрение возражений против украинского богослужения». Реферат написан М. Кобриным на русском языке, его объем составляет около 7 авторских листов.

Мы публикуем с некоторыми сокращениями его V главу, полностью ряд разделов VI главы, а также всю заключительную часть: «Основные положения реферата» и «Проект постановления Комиссии». Публикация осуществляется с некоторыми графическими и орфографическими изменениями относительно оригинала, общепринятыми при издании подобных текстов, сохраняющих особенности русской дореформенной графики первой четверти XX в.

---

[9] М. Кобрин умер в 1956 г. во Львове.

1. Постанови Волинск. Епархіяльн. Зібрання представників духовенства і мирян 3–10 жовтня 1921 р. Кремінець, 1922, с. 9.
2. *А.Г. Кравецкий.* Дискуссии о церковнославянском языке (1917–1943) // Славяноведение, 1993, № 5, с. 117–122.
3. Воскресное чтение, 1927, № 24, с. 262.
4. *І. Власовський.* Нарис історії Української Православної Церкви. Ню Йорк–Бавн Брук, 1961, т. 4, ч. 1, с. 6.
5. См., напр.: *Д. Дорошенко.* Православна Церква в минулому й сучасному житті українського народу. Берлін, 1940, с. 39–40.
6. В данном случае, говоря о Холмщине, мы имеем в виду прежде всего ее историческое ядро, начавшее складываться в конце первого тысячелетия вокруг города Червена и городков Червенской земли, в том числе, возможно, и древнего Холма, существование которого некоторые исследователи допускают много ранее первых летописных известий о нем (см.: *А.В. Лонгинов.* Червенские города: исторический очерк, в связи с этнографией и топографией Червоной Руси. Варшава, 1885, с. 56–58).

   Впрочем, археологическая история польско-украинско-белорусского пограничья еще не написана. Земли эти по-прежнему таят множество загадок, а недавно сделанные в с. Подебloче Седлецкого воеводства находки и вовсе, возможно, заставят наново переписывать начальные страницы истории нынешних польских и соседних земель (см.: *A. Radziukiewicz.* Chrzescijański napis w pogańskiej Polsce? // Przegląd Prawosławny, 1992, № 6, s. 22). Речь идет об открытии местных памятников эпиграфики, позволяющих отнести время появления христианства на землях восточной Польши на целое столетие ранее. Найденные неподалеку от границы Подляшья и Холмщины глиняные таблички с греческими инициалами, возможно, свидетельствуют о том, что христиане жили здесь уже в IX в. и пользовались греческим письмом. То есть налицо связь с восточной ветвью христианства, а не с западной, латинской (см.: *A. Leslak*, *L. Talko.* Mieszko nie był pierwszy // Gazeta Wyborcza, 1991, № 13 (90), s. 1.).

   Восточный, или «славянский», обряд, кирилло-мефодиевская христианская традиция, возможно, была первым ростком христианства на территории нынешней Польши, о чем уже давно пишут церковные и гражданские историки, выдвинувшие ряд более или менее сходных

гипотез, подкрепленных немалым числом различных по степени достоверности фактов. Литература по данному вопросу довольно обширна, она включает работы ученых различных стран. В их числе монография протоиерея Афанасия Лотоцкого «Церковно-историческое и статистическое описание Варшавской православной епархии» (Почаев, 1863) и итоговое исследование проблемы З. Добжиньского «Obrządek słowiański w dawnej Polsce» (Warszawa, 1989, cz. 1–3).

Об интенсивном строительстве Холма в первой половине XIII в. имеется целый ряд летописных свидетельств. Тогда же Холмская земля на правах отдельного княжества начинает заметно выделяться по своему положению среди других. Этому в основном способствует деятельность князя Даниила Романовича, сделавшего Холм своей резиденцией, перенесшего сюда из Галича столицу Галицко-Волынской Руси (см.: *Н.П.Дашкевич.* Княжение Даниила Галицкого. Киев, 1873; *B.Zimmer.* Miasto Chelm: Zarys historyczny. Kraków, 1974; *В.Т.Пашуто.* Очерки по истории Галицко-Волынской Руси. М., 1950).

В период правления Даниила Романовича Галицкого и его преемников Холм становится одним из крупнейших центров не только славянской, но и общеевропейской христианской культуры, о чем свидетельствуют немногочисленные памятники того времени, дошедшие до нас. Одним из примеров может служить знаменитое «Холмское евангелие» XIII в., приобретенное для канцлера Н. П. Румянцева в 1821 г., ныне хранящееся в Российской государственной библиотеке (Рум. 106).

Сюда же, в Холм, была перенесена из г. Угровска (Угруска) епископская кафедра, и с середины XIII в. город становится центром Холмской епархии, пространство которой значительно превосходило территорию собственно Холмщины. По этому поводу знаток истории Холмской Руси В. М. Площанский писал: «Холмская епархия в первое время своего существования обнимала все православные приходы между Западным Бугом и Вислою, включая и Краковскую область, и простираясь на север за Вислу до г. Опатова... С XIII в. входила в ее состав первая половина Забужья — Холмщина..., часть нынешней Галиции — Белз и часть Волыни, большая же часть второй половины Забужья — Подляшье... принадлежала к Владимиро-Брестской епархии... До 1330 г. Холмская епархия была подчинена митрополии Киевской, с 1331–1347 г. — Галицкой, а с 1371–1393 г. Галицкому митрополиту Антонию; со времени епископа Холмского Харитона (в начале XV в.) Холмская епископия становится подвластной митрополитам Киевским и Литовским православным, затем униатским, с 1808–1830 г. — митрополитам Галицким; в 1830 г. перешла под беспосредственное ведомство пап римских» (*В.М.Площанский.* Прошлое Холмской Руси

по архивным документам XV–XVIII вв. и др. источникам. Вильна, 1899, вып. 1, с. 37–38).

Через несколько лет после своего основания православная Холмская епархия на десятилетие, середина 1240-х — 1250-х гг., становится греко-римской, что объяснялось особой политикой Даниила Романовича, стремившегося заручиться поддержкой римского папы в своей борьбе против татар (См.: *Н.П.Дашкевич*. Переговоры пап с Даниилом Галицким об унии Юго-Западной Руси с католичеством // Университетские известия. 1884, № 8; *S.Tomaszewski*. Ruski epizod Soboru Lugduńskiego 1245. Lwów, 1927; *B.Włodarski*. Polska i Ruś 1194–1340. Warszawa, 1966). Два столетия спустя, как свидетельствуют некоторые документы, епархия попадает в орбиту действия Флорентийской унии, хотя сказать достаточно подробно о том времени не представляется возможным.

XVI и первая половина XVII в., быть может, наиболее яркий период в истории периферий Холмщины, ее городов, местечек, сел, монастырей, образовавших как бы единую систему передачи восточнославянских культурных ценностей, единое культурное пространство, несмотря на конфессиональную неоднородность. Именно тогда все отчетливее начинает проявляться здесь полифоничность и многомерность местной культуры.

Формируется и совершенствуется особая структура здешней украинской культурной жизни с доминирующей ролью в ней церковных приходов, православных и греко-католических, а затем исключительно греко-католических. Немалое значение при этом имеют церковные братства с их институтами братчиков, школами и библиотеками. Украинскими интеллектуальными центрами являются некоторые шляхетские имения и, конечно же, монастыри, а также города и городские агломерации, среди которых выделяются столица Холмщины, Красностав, Замостье и другие.

При православном, а затем греко-католическом кафедральном соборе г. Холма собирается весьма обширная библиотека, в которой по свидетельству описей XVII и XVIII вв. было немало пергаменных рукописей (см.: *Ф.Кораллов*. Открытие православной Холмской епархии 8-го сентября 1905 года, в связи с кратким обзором исторических судеб Холмщины и Подляшья. Люблин, 1906, с. 52). Здесь же хранился огромный древний архив, насчитывающий тысячи различных дел. Работали книгописная и переплетная мастерские.

Особыми очагами украинской культуры в Холме являлись школы. Было их несколько. Именно здесь, в Холме, основана одна из древнейших православных монастырских школ, видимо, просуществово-

вавшая вплоть до начала XVII в. Известны православная братская школа и униатская (см.: *К.Харлампович.* Западнорусские православные школы XVI и начала XVII века, отношение их к инославным, религиозное обучение в них и заслуги их в деле защиты православной веры и церкви. Казань, 1898). Специально следует сказать о Холмской греко-католической гимназии, основанной в 1639 г. епископом Мефодием Терлецким при кафедральном соборе (см.: *В.М.Площанский.* Указ. соч., 1901, вып. 2, с. 44–51). Согласно грамоте короля Владислава IV от 7 июня 1640 г. в гимназии должны были обучать «латинским и греческим наукам». Руководителем гимназии стал известный ученый монах-базилианин Яков Суша, будущий епископ Холмский, прибывший из Великого княжества Литовского. В гимназии учились даже дети римо-католиков. Правда, вскоре это было им запрещено специальным посланием польского католического епископата, который, несмотря на благосклонное отношение короля и помощь в развитии новой греко-католической школы римского папы, всячески пытался помешать не только ее дальнейшему развитию, но и существованию. Несмотря на многочисленные невзгоды, Холмская греко-католическая гимназия просуществовала более столетия и в 1759 г. была преобразована в духовную семинарию, в свою очередь подготовившую немало образованных греко-католических священников, а затем, после 1875 г. постепенно в православную Холмскую духовную семинарию.

Достаточно раннее утверждение на Холмщине католической епископии (формально с 1359 г., фактически только в начале XV в.) послужило постепенному, но неуклонному вовлечению региона в орбиту западной культуры в ее польском варианте (см.: *W.Abraham.* Powstanie organizacji Kościoła łacińskiego na Rusi. Lwów, 1904). Появляются первые католики из числа местной шляхты и мещан, которые становятся не только деятельными проводниками западных культурных новшеств, но и в значительной степени реформируют старую классическую систему украинской духовной жизни, значительно усложняют ее структуру, что порой приводит к заметным кризисам и даже социальным взрывам. Очень яркий пример подобного хода развития украинской культуры на Холмщине связан с известным Яном Замойским, сыном старосты из Бельска, учеником красноставских школ, другом Стефана Батория, канцлером и великим гетманом коронным, осевшим в родовой ординации Замостье, где вплоть до XVIII в. абсолютное большинство составляло украинское население (см.: *А.В.Логинов.* Указ. соч, с. 208). Канцлер превратил Замостье в один из крупнейших европейских центров науки, культуры и искус-

ства, основал здесь Академию, которая, по словам Петра Могилы, «нашему народу много корысти принесла» (см.: Триодь Цветная. Киев, 1631. Посвящение Ф. Замойскому).

Древний Люблин, расположенный на крайней западной границе Холмщины, в еще большей степени являет собой пример сложного смешения, переплетения различных культурных традиций и их вариантов. Старинные православные храмы здесь, как и по всей Холмской земле, со временем превращаются в католические, порой иудейские; возводятся новые костелы, основываются православные, католические и иудейские школы, создаются библиотеки, переписываются книги (см.: *Ф. Гербачевский.* Русские древности и памятники православия Холмско-Подляшской Руси (Люблинской и Седлецкой губ.) [Варшава], 1892; *Н. А. Котлинский.* Список церквей и монастырей Холмской Руси (б. Люблинской и Седлецкой губерний), существовавших до унии и во времена ее по сохранившимся известиям и памятникам старины. Холм, 1913; *А. В. Лонгинов.* Памятник древнего православия в Люблине — православный храм и существовавшее при нем братство. Варшава, 1883; *А. В. Лонгинов.* Церкви и монастыри Брестской, Холмской и Люблинской земель до начала XIX в. Варшава 1887).

Свой заметный отпечаток на духовную жизнь Холмщины накладывает Реформация. Тут находят пристанище представители нескольких направлений протестантизма, к концу XVI в. насчитывающие до 30 более или менее крупных общин, имеющих не только молитвенные дома, но и школы, библиотеки.

В начале XVIII в. украинское население Холмщины было почти исключительно греко-католическим, в незначительном числе католическим; православных, видимо, оставалось уже крайне мало (см.: *В. М. Площанский.* Указ. соч, вып. 1, с. 38), хотя за полстолетия до этого, как свидетельствовал епископ Яков Суша, из 700 «руских» приходов только 300 являлись греко-католическими (см.: *В. М. Площанский.* Указ. соч, вып. 1, с. 39).

В 1749 г. Холмская греко-католическая епархия (без Белзской части) делилась на 10 благочиний с 285 приходами: 1) Холмское (65 приходов); 2) Грубешовское (27 приходов); 3) Тышовецкое (35 приходов); 4) Замойское (21 приход); 5) Городельское (22 прихода); 6) Любомльское (28 приходов); 7) Ратенское (28 приходов); 8) Щебрешинское (26 приходов); 9) Люблинское (20 приходов); 10) Кашогродское (13 приходов) (см.: *В. М. Площанский.* Указ. соч, вып. 1, с. 39).

Близкое к этому число греко-католических приходов сохранялось вплоть до 1875 г. — времени ликвидации на Холмщине униатской церк-

ви. Переход в православие, в отличие от соседнего южного Подляшья, прошел на Холмщине менее болезненно. Лишь малая часть греко-католиков пополнила ряды «упорствующих», а после апрельского манифеста 1905 г. перешла в римо-католики, так называемые «калакуты».

Следующим важным этапом в истории Холмщины стало создание в 1912 г. особой Холмской губернии, вопрос о которой остро дебатировался в Российской империи в течение нескольких лет (см., напр.: *В. Тышкевич*. Холмская Русь и поляки // Речь, 1906. 28 декабря; Материалы по вопросу об образовании Холмской губернии. Варшава, 1908), включая и ученые круги (см., напр.: *В. А. Францев*. Карты русского и православного населения Холмской Руси со статистическими таблицами к ним. Варшава, 1909; *Л. Дымша*. Холмский вопрос. СПб., 1910; *А. Соболевский*. Холмская Русь в этнографическом отношении. Харьков, 1910; *H. Wierciеński*. W sprawie wydzielenia Chełmszczyzny. Warszawa, 1910; *А. В. Лонгинов*. Русский вопрос о Холмщине в историческом освещении. СПб., 1912). М. С. Грушевский, кстати уроженец г. Холма, считавший, что «Холм был вековым историческим центром украинского Забужья» (*М.С. Грушевский*. Освобождение России и украинский вопрос. Спб., 1907, с. 283), настаивал: «... эти земли обязательно должны быть выделены» (Там же, с. 278).

Первая мировая война, отступление русской армии в 1915 г. с массовой эвакуацией местных жителей в значительной мере повлияли на изменение структуры украинской культурной и религиозной жизни на Холмщине. Если до тех пор она носила довольно устойчивый характер, естественно, с учетом особенностей ее исторического развития на пограничье, в тот момент происходит первое столь масштабное удаление населения с его исконной территории, куда, впрочем, оно достаточно быстро возвратилось (см.: *М. Кордуба*. Історія Холмщини й Підляшшя. Краків, 1941).

Вслед за тем Холмщина и южное Подляшье переживают трагический период вплоть до событий 1938 г., когда здесь было ликвидировано и уничтожено около 200 церквей (см.: *S. Kiryłowicz*. Z dziejów prawosławia w II Rzeczypospolitej Polskiej: Niektóre problemy na tle polityki wyznaniowej państwa 1918–1939. Warszawa, 1985, s. 35–40, 76–88; *M. Papierzyńska-Turek*. Między tradycją a rzeczywistością: Państwo wobec prawosławia: 1918–1939. Warszawa, 1989). По свидетельству очевидцев, «Церковная жизнь на Холмщине и Подляшье..., когда православные церкви были там разрушены или же превращены в католические костелы, а православное духовенство разогнано, пришла в полнейший упадок» (Ухвала // Звідомлення з Холмсько-Підляських Єпархіі. 1944, 15 березня). Как пишет современный исследователь православия в Поль-

ше Т. Вышомирский: «До 1933 г. только на Холмщине и Подляшье в католические костелы превращены 137 церквей, сожжено или разрушено 36, упразднено 55, запечатано 104. В общей сложности на тех территориях ликвидировано 346 православных церквей. На Холмщине прессинг со стороны властей вынуждал к массовому переходу целых православных сел в католичество. В подобных акциях принимали участие войска... Новая кампания против православия на Холмщине разгорелась в 1938 г. В июле и августе разрушено 138 церквей» (*T. Wyszomirski*. Polskie prawosławie // Materiały problemowe. 1988, № 6, s. 57).

Затем следует короткий период 1940–1944 гг., когда в момент немецкой оккупации, происходит заметная активизация украинской религиозной жизни, направляемая православным архиепископом, а с марта 1944 г. митрополитом Илларионом (профессором Иваном Огиенко). Центром всех начинаний, которые в буквальном смысле можно назвать украинизацией Холмщины, становится Свято-Данилова гора — резиденция Холмского архипастыря. В Холме организуется украинская типография, издательство, духовная семинария, гимназия, начинают издаваться книги и периодические издания на украинском языке, в том числе народные календари. Организуются многочисленные библиотеки, в том числе огромная епархиальная. В приходах, городских и сельских, священники читают лекции по истории украинской церкви и истории Украины. В жизнь церкви повсеместно вводится украинский язык, среди прихожан широко распространяется украинская православная литература, отмечаются украинские национальные праздники, например, День независимости; устраиваются панихиды по выдающимся деятелям Украины (за упокой души Т. Г. Шевченко). На 1 января 1944 г. Холмско-Подляшская православная епархия складывалась из 19 благочиний, 186 парафий с 320000 прихожан (см.: Справоздання з праці Холмсько-Підляських Єпархіяльних Установ за 1943-й рік // Звідомлення з Холмсько-Підляської Єпархії. 1944, 15 березня).

Массовые принудительные переселения украинского населения Холмщины в первые послевоенные годы в СССР, а затем тех, кто остался, в основном на присоединенные к Польше бывшие немецкие земли, привели к полному изменению демографической ситуации в регионе (см.: *Є. Пастернак*. Нарис історії Холмщини й Підляшшя: Новіші часи. Вінніпег, 1968).

Восстановление структуры украинской культурной и религиозной жизни на Холмщине происходило и происходит вследствие колоссальных потерь крайне медленно. Безусловно основную ношу взяла

на себя Православная церковь, немногочисленные приходы которой выполняют и роль основных проводников украинской культуры.

Решением Синода Епископов Польской Автокефальной Православной Церкви от 1 марта 1989 г. была восстановлена историческая Холмская епархия в составе вновь образованной Люблинско-Холмской, выделенной из митрополичьей Варшавско-Бельской епархии. Люблинским и Холмским епископом стал Владыка Авель (Андрей Поплавский), уроженец Подляшья, энергично взявшийся за возрождение православной жизни в своей епархии на всех уровнях.

В 1991 г. при Люблинско-Холмской епархии организована историческая комиссия, призванная изучать историю края, собирать памятники духовной культуры. Официальное название новой институции, располагающейся в Холме, «Церковная комиссия по изучению истории православия и украинской культуры на Холмщине» — «Холмский архив» (см.: *G. Kuprianowicz*. Powstało Chełmskie Archiwum // Przegląd Prawosławny. 1992, № 2, s. 5). Пока ее деятельность малозаметна.

Богатейшая тысячелетняя церковно-славянская история Холмского края, к сожалению, почти не изучена и не изучается. Даже древние ее памятники мало учтены и почти не изучены, многие из них за истекшее столетие оказались утраченными. Часть их описана в известной серии «Памятники русской старины в западных губерниях империи, издаваемые по высочайшему повелению П. Н. Батюшковым» (СПб., 1868–1885, вып. 1–8. [Альбомы и тексты к рисункам]), в которой Холмщине отведены вып. 7–8 («Холмская Русь». СПб., 1885).

Целям выявления и сохранения «униатских древностей» служил Братский музей в Холме, открытый в 1882 г. В музее удалось собрать сотни разнообразных памятников украинской культуры, преимущественно культовых. Одних рукописных книг здесь было более 200 (см.: *Ф. В. Кораллов*. Церковно-археологический музей при Холмском православном Свято-Богородицком братстве. Холм, 1911). В 1950-х — 1970-х гг. учеными Польши была проведена работа по выявлению памятников искусства на территории Люблинского воеводства. Ее итогом стало издание 8-го тома «Kataloga zabytków sztuki w Polsce». («Województwo Lubelskie». Warszawa. Zesz. 1–18).

Наконец, решением Люблинского и Холмского епископа Авеля от 20 марта 1994 г. начал создаваться специальный историко-церковный музей — первый такого рода музей в Польше. Он организуется в знаменитом Яблочинском Свято-Онуфриевском монастыре, расположенном на левобережье Буга. Примечательно, что этот музей, носящий официальное название «Музея Православной Люблин-

ско-Холмской епархии», является детищем не одной Православной церкви, но и Министерства культуры и искусств Польши в лице самого главы этого государственного ведомства.

7. Церковные известия // Слово, 23 июля 1933 г.

8. Там же; см. также: Православний селянин, 23 липня 1933.

9. См., напр.: *І. Огієнко.* Методологія перекладу Св. Письма та Богослужбових книг на українську мову. Варшава, 1927.

ГЛАВА V

УКРАИНСКОЕ БОГОСЛУЖЕНИЕ НА ВОЛЫНИ

I. Правильность и каноническая законность введеннаго на Волыни украинскаго народнаго богослужения

Исходя из того положения, что общепонятность есть необходимая принадлежность православнаго богослужения, и что церковно-славянское богослужение не может быть признано общепонятным, нужно считать совершенно правильным и не подлежащим отмене то одобрение, которое в 1921–22 году волынская епархиальная власть дала сделанным проф. И. И. Огиенко переводам церковно-богослужебных книг на украинский язык. Это одобрение не было чем либо новым, для Волынской епархии неожиданным, навязанным ей со стороны. Оно было исполнением просьбы Волынскаго Епархиальнаго Собрания представителей духовенства и мирян, состоявшагося 3–10 октября 1921 года в Почаевской Лавре. По вопросу об языке богослужения это собрание приняло... постановление...

Постановление было утверждено Епархиальною Властью, никогда потом не было отменено, и потому сохраняет всю свою силу. Равным образом сохраняет свою силу и постановление Священнаго Синода Православной Митрополии в Польше, принятое на заседании Синода 3 сентября 1924 г. в Почаеве, по журналу № 20. Согласно этого постановления, 1) допускается употребление украинскаго, белорусскаго, польскаго и чешскаго языков в тех богослужебных чинах, которых текст одобрен высшею Церковною Властью, и в тех приходах, где этого пожелают прихожане и где это возможно по местным условиям; 2) благословляется духовенству Митрополии усилить произнесение церковных проповедей на язык местнаго православнаго населения; 3) дозволяется духовенству устраивать внебогослужебные собеседования в церквах и вести их также на родном языке местнаго населения; 4) законоучителям сельских школ рекомендуется учить Закону Божию также на материнском языке, родном для детей; 5) в духовных школах уси-

лить чтение и изучение Слова Божьяго и молитв, а также составление и произношение проповедей на родном языке учеников. Побуждением к принятию такого постановления, как это видно из того же журнала, было желание Синода дать богослужению и проповеди такую постановку, «чтобы и богослужение и проповедь влияли на душу верующих наисильнейшим способом, с целью воспитания в лоне нашей св. Православной Церкви верных ея сынов, преданных отцовским заветам и сильных духом, твердых защитников традиций и народных обычаев в религиозно-народной жизни православного населения в Польше, не способных легко поддаваться сектантской и не церковной пропаганде»[1]. О том, что постановление Священнаго Синода от 3 сентября сохраняет свою силу, засвидетельствовал Владыка Митрополит Дионисий в своем архипастырском воззвании от 1 августа 1928 года.

2. Борьба против украинскаго богослужения

На основании постановления Волынскаго Епархиальнаго Собрания 1921 года, утвержденнаго епархиальной Властью, а также на основании постановления Священнаго Синода от 3 сентября 1924 года, украинское богослужение быстро стало распространяться в приходах Волыни. Между тем, крайния правыя польския организации начали поход против всего украинскаго. Оне стали твердить, что Польша может удержать не польския земли только «przed danie im polskiej kultury»[2]. Такой лозунг, свидетельствующий о плохом понимании положения и государственных интересов Польши, полагал конец всему украинскому не только в жизни, в школе, но и в церкви. Начались ограничения, стеснения и даже преследования за стремление к украинскому богослужению. Под влиянием всего этого развитие украинскаго богослужения приостанавливается. Майский переворот положил конец этому ошибочному направлению польской государственной мысли. Новое польское правительство в своей деятельности не хотело стоять в противоречии с трактатом, который 28 июня 1919 г. был

---

[1] Духовна Бесіда № 7, від 25 грудня 1924 р., стор. 97

[2] Kurjer Polski z dn. 1 listopada 1925 r. Nr. 299.

подписан в Версале представителями польскаго народа, а в 1921 г. был внесен в Польскую Конституцию, как обязательный основной закон Польши. Наоборот, новое правительство хотело действительно воплотить этот трактат в жизни так называемых меньшинств.

Воспользовавшись новым курсом польской политики, некоторые представители украинской общественности, прихожане Владимиро-Волынскаго собора, стали хлопотать в Варшаве перед правительством о предоставлении коренному украинскому населению большей свободы и прав в пользовании своим родным языком в церкви и школе. «Apel», адресованный «do naczelnych przewódców Narodu Polskiego» — был встречен ими сочувственно. Сочувственно отнеслись к нему и некоторые органы печати, как, напр. «Nowy Kurjer Polski», «Robotnik», «Głos Prawdy». Против удовлетворения желания украинцев выступил редактор газеты «За Свободу», г. Д. Философов (20.VIII 1926 г., № 190). Против г. Философова выступил р. A. Uziembło («Głos Prawdy» 23/VIII 1926 г.) и о. П. Табинский («Громада» 1926 г., № 37 и 39). Против желания украинцев выступили «уполномоченные» Владимирскаго собора, никакой связи с украинским населением не имеющие; выступили «по одному тому, что они являются прихожанами Владимир-Волынскаго собора» («За Свободу», 5/X 1926 г., № 229). Началась полемика, в которой приняли участие, особенно в связи с Луцким Церковным съездом, газеты: «За Свободу», «Kurjer Warszawski», «Epoka», виленское «Słowo», краковский «Czas», «Русский Голос», «Діло», о. Т. Теодорович, о. Архим. Дамаскин и другие анонимные сотрудники журнала «Свет Истины». Этот последний журнал был создан специально для борьбы со стремлением приблизить христианское богослужение к сознанию народных масс, т. е. просто сказать, для борьбы с тою идеею, за которую всю жизнь свою ратовали свв. братья Кирилл и Мефодий. Анонимные сотрудники этого журнала, скрывши свое имя, писали явную ложь и клевету на приверженцев народнаго богослужения. При внимательном перечитывании страниц этого журнала, по недоразумению названнаго «Светом Истины», само собою приходит на память читателю политиканствующее латино-немецкое духовенство, которое не чуждалось никаких средств, лишь бы побороть «варварское», или, как теперь говорят, «базарное» богослужение, вводимое свв. братьями Кириллом и Мефодием.

В борьбу против украинскаго богослужения вмешались даже заграничные эмигранты. В Чехословакии напечатана анонимная брошюра в 12 страниц под заглавием «Украинизация». Церковные круги Волыни, усиленно распространяющие эту брошюру, приписывают ее известному архимандриту Виталию. Но есть данныя сомневаться в принадлежности ея архимандриту Виталию. По моему мнению, эта брошюра только напечатана при участии архим. Виталия, а написана здесь на Волыни идейными единомышленниками арх. Виталия, мечтающими о возвращении на Волыни «витальевщины». Хотя на лицевой стороне брошюры напечатана копия Почаевской иконы Божией Матери и тропарь «Пред святою твоею иконою, Владычице», однако содержание брошюры имеет очень мало религиознаго элемента. Это чисто политический пасквиль, прикрывающийся религией. Здесь говорится: об единстве русскаго народа, о сепаратизме украинском, об украинском «святом», об украинском «литературном языке», о проведении украинизации людьми малорелигиозными и коммунистами, об украинизаторах — врагах Украины, о предательстве сепаратистов и т. п. Об украинизации с религиозной точки зрения написано всего только полторы страницы, под заглавием «Неудачные переводы украинские». Цель брошюры указана в словах: «Поэтому кто молился последнее время, пользуясь украинскими переводами, тем нужно вновь перейти к церковно-славянскому языку. Нельзя же молиться еретическими молитвами, которыя не выражают православия». В чем еретичество украинских переводов, автор брошюры подробно не говорит, а только указывает несколько выражений, будто-бы «неудачно» переведенных. «Неудачным» автор брошюры считает прежде всего перевод слов «да приидет Царствие Твое» и «да будет воля Твоя», какия слова переведены: «нехай прийде царство Твое» и «нехай буде воля Твоя». Такой перевод признан автором брошюры неправильным, потому что он не отвечает будто бы ни славянскому ни польскому (?) переводам. Если бы автор брошюры мог прочитать в греческом подлиннике эти слова, то ему стыдно было бы за свои слова: он убедился бы, что украинский перевод точно передает конструкцию и мысль подлинника. Поэтому такой именно перевод был утвержден русским Свят. Синодом при первом издании Евангелия на украинском языке. «Неудачным» также считает автор брошюры перевод слов: «воплотившагося от Духа Свята

и Марии Девы, и вочеловечшася» словами: «тіло прийняв від Духа Свята і Маріі Діви і стався людиною». В этом переводе автор брошюры находит даже несторианскую ересь. Если бы автор брошюры мог прочитать в греческом подлиннике сорок первый стих 26 гл. Евангелия от Матфея, то понял бы что плоть и тело — это синонимы, и что если сказано: «и стався людиною», то ни о какой несторианской ереси и речи быть не может.

Самоочевидно, что не из за мнимых ересей в украинских переводах автор брошюры советует «вновь перейти к церковно-славянскому языку», а по той грубой политической тенденции, которою проникнута вся брошюра. Само собою напрашивается вопрос, зачем оскорблять Почаевскую Святыню печатанием ея изображения на чисто политическом листке, преследующем совершенно не религиозныя, а политическия цели.

ГЛАВА VI

РАЗСМОТРЕНИЕ ВОЗРАЖЕНИЙ ПРОТИВ УКРАИНСКАГО БОГОСЛУЖЕНИЯ

....

1. Указание на то, другие народы сохраняют старый язык богослужения

....

Д. Указание на униатов в Галиции

Противники украинскаго богослужения ссылаются также на галицкую униатскую Церковь, которая «сохраняет и впредь намерена сохранять славянский язык в богослужении»[3]. Это сохранение галицкими русинами-украинцами славянскаго богослужения, по мнению славянистов, «очень доказательно»[4]. Но так ли это на самом деле. Галицкая униатская Церковь не столько поддержива-

[3] «За Свободу» 1928 г., № 238.

[4] «Свет Истины» № 5.

ет, сколько обличает наших славянистов. Прежде всего, галицкая униатская Церковь сохраняет не тот славянский язык, какой всеми способами хотят отстоять в нашем богослужении противники украинскаго богослужения. Галицкий церковно-славянский язык одинаков с нашим языком богослужения только на письме, но не одинаков в живом произношении. Галичане сохраняют наше старое народное произношение церковно-славянских слов, то произношение, которое было уничтожено у нас указами русских императоров и заменено произношением московским, сохраняют то произношение, которое так ненавидят и с которым так борятся наши «славянисты». Родной стариной веет от галицкаго произношения молитв и песнопений. И наоборот чужим, чем то наносным веет для глубокаго старика, который привык говорить и слышать: «Wiruju wo jedynogo Boha Otcia Wsederżytela», а между тем слышит в устах своих детей московские звуки: «Wieruju wo jedynago Boga Otca Wsiederżitiela». — Потом, в галицкой униатской Церкви вся церковная жизнь имеет родной для галичан-украинцев характер. Здесь «церковна ерархія е в українських руках, проповіді, катехізація, додаткові богослуження, пісні й молитви відбуваються в українській мові»[5]. Наконец, не так уж безусловно обезпечено постоянное сохранение церковно-славянскаго языка в униатском богослужении. Если папа дозволяет употребление живого языка в западном римском обряде у венгров, чехов и хорватов, то почему он не разрешит народнаго языка в униатском галицком богослужении, если народныя массы разовьются и будут просить об этом. Как бы в предведении этого, о. Д-р Г. Костельников пишет: «Е речі, що іх можна передбачити. Я вірю, що прийде час, коли ми в Галичині будемо змушені українську мову зробити літургічною, щоб достроенням до окруження ратувати себе,як наші консисторіі, що не годились на фонетику (церковні чинники завсіді більше консервативні), з вибухом світовоі войни без усякоі дискусіі приймали фонетику. Коли новий курс життя переростае позиціі традиціі, тоді він стае самозрозумілий і конечний»[6]. И это совершенно верно. Никакие самые строгие циркуляры униатских ординаторов не помогут и не докажут народным массам, что введение народнаго язы-

---

[5] «Діло» 1928 г., № 217.

[6] «Діло» 1929 г., № 6.

ка в богослужение есть революция, опасная для Церкви, не докажут потому, что о живом понятном языке в молитве и богослужении заботились свв. Апостолы, святые Отцы и Учители Церкви, особенно Иоанн Златоуст, а также свв. братья Кирилл и Мефодий.

....

3. Постановление Киевскаго Собора 1918 г.

Противники украинскаго богослужения говорят также, что украинизировать богослужение не следует, потому что это запретил «всеукраинский» собор в Киеве 1918 года. Но тенденции «всеукраинскаго» киевскаго собора 1918 г. теперь уже достаточно выяснены. Другого постановления заправилы этого собора и не могли вынести. А те, «бывшие на киевском соборе селяне малороссы и великороссы», которые «единогласно и единодушно просили... сохранить богослужение на церковно-славянском языке»[7], как само собою понятно, говорили то, что им наговорили враги народнаго богослужения. То же явление бывает и у нас. Незнающие истории своего богослужения наши селяне, напуганные разными клеветами противников народнаго богослужения, также выражают часто желание сохранить у себя старое, непонятное богослужение. Однако, когда они прислушаются и привыкнут к своим родным понятным священным словам, то уже не отказываются от них[8]. Поэтому заявление селян «малороссов и великороссов» на киевском соборе не представляется убедительным, тем более, что и среди великорусскаго народа есть стремление к понятному живому языку в богослужении. В журнале «Миссионерское Обозрение» (за 1907 г., № 9) сообщается, что на благочинническом съезде Николаевскаго уезда, Самарской губернии, 12 июня 1907 г. священник о. Сергий Самуйлов читал обстоятельный доклад, в котором доказывал необходимость замены церковно-славянскаго языка при богослужении русским и в конце доклада предложил съезду духовенства возбудить о том хо-

---

[7] «Свет Истины» № 2.

[8] Это подтверждают враги украинизации богослужения, «уполномоченные» прихож. Владимирскаго собора / «За Свободу», 5/X 1926 г., № 229.

датайство перед Святейшим Синодом. Вероятно, доклады, подобные докладу о. Самуйлова, были до известной степени причиною того, что епископ Самарской епархии прислал в Свят. Синод вышеприведенный доклад, в котором заявляет, что «народ бедствует и голодает духовно, почти вовсе не имея молитв, доступных его пониманию». Если на киевском соборе владыками было закреплено в журнале вышеуказанное заявление «селян малороссов и великороссов», то очень скоро, именно в 1921 г., Волынская Епархиальная Власть скрепила своею подписью иное, совершенно противоположное постановление Волынскаго Епархиальнаго Собрания представителей духовенства и мирян, состоявшагося в Почаеве 3–10 октября 1921 г. ...«Свет Истины» осведомил своих читателей о пожеланиях «малороссов и великороссов», собранных в Киеве, относительно языка богослужения, но почему то не сообщил о пожеланиях волынскаго духовенства и мирян, высказанных в Почаеве в 1921 г., а ровно ничего не сообщил о тех мотивах, по которым Свящ. Синод нашей Церкви 3 сентября 1924 г. принял свое постановление относительно народнаго языка в богослужении. По крайней мере я не встретил на страницах этого журнала таких сообщений.

Что постановление Киевскаго собора 1918 г., «созваннаго по разрешению Всероссийскаго Собора и по благословению Всероссийскаго Патриарха», не имеет для нас обязательной силы, это видно из следующаго. Пункт третий определений Киевскаго собора от 5 декабря 1918 г. гласит: «Мы, православные епископы, оставаясь верными Св. Православной Церкви, подтверждаем каноническое и обязательное значение бывшаго Всеукраинскаго Церковнаго Собора и клятвенно обязуемся и содержать его определения и во всем повиноваться Святейшему Патр. Тихону, а по кончине его, законному его преемнику и кроме того представителю всей Украинской Церкви, Преосв. Митрополиту Киевскому Антонию»[9]. Приведенное постановление было подписано всеми епископами Киевскаго собора, в том числе и «Дионисием, Епископом Кременецким», ныне Митрополитом Правосл. Церкви в Польше. Однако, скоро наша Церковь стала независимою и от Московскаго Патриарха и от Киевскаго Митрополита. Очевидно, изменившияся усло-

---

[9] «Свет Истины» № 6.

вия церковной жизни сделали постановления Киевскаго собора необязательными для нашей Церкви. Особое автокефальное положение нашей Церкви, независимое и от Московскаго Патриарха и от Киевскаго Митрополита, признал и сам Митроп. Антоний. Совершенно непонятно, почему по вопросу об языке богослужения мы должны подчиняться постановлениям Киевскаго собора.

....

5. Плебисцит 1927 года об языке богослужения

В доказательство того, что народ будто бы не желает украинскаго богослужения, противники этого богослужения указывают на произведенный в первой половине 1927 г. плебисцит. Действительно, 26 февраля 1927 г. Свящ. Синод постановил выяснить отношение народа к славянскому языку богослужения. Это выяснение поручено было о.о. благочинным произвести в экстренном, так сказать, ударном порядке, потому что 4 марта состоялись во многих местах благочиннические соборчики по этому делу. На заседании Митрополитальнаго Совета в мае месяце того-же года был доложен результат плебисцита. По докладам о.о. благочинных, оказалось, что большинство стоят за славянский язык в богослужении. Но одновременно с плебисцитом, проведенным о.о. благочинными, был произведен плебисцит представителями украинской общественности, и оказалось, что и украинское богослужение имеет очень много приверженцев. Доктор А. Речинский во 2-м номере журнала «Рідна Церква» от 30 ноября 1927 г. сообщает, что документы с требованием украинизации богослужения в одной только Волынской епархии поступили от 572 сел. Доктор А. Речинский в том же номере журнала приводит «список громад, які зложили заяву за українську мову богослуження», а кроме того он подробно разсказывает о тех способах и средствах, к каким прибегали некоторые о.о. благочинные, при проведении своего плебисцита. Я думаю, что если бы даже не все сообщенное г. Речинским, а только малая часть его оказалась безспорной, то и тогда результат плебисцита о.о. благочинных весьма и весьма сомнительный. Г. Речинский указал явныя злоупотребления благочинническаго плебисцита, назвал имена лиц, названия сел, и время злоупотреблений, и однако все

это осталось не опровергнутым со стороны заинтересованных лиц. По крайней мере, мне не удалось увидеть ни одного опровержения, сколько я ни прочитывал газет и журналов за 1927 год. Поэтому я не могу признать серьезным возражение против украинскаго богослужения, основанное на результатах благочиннического плебисцита, и вместе с тем считаю необоснованным сообщение «Kurjera Warszawskiego» будто «украинизаторы не могут ссылаться на волю населения при введении украинскаго языка в литургию вместо языка старо-церковнаго», потому что «громадное большинство православных крестьян на Волыни высказались при плебисцитах против украинизации»[10] . О желании народа иметь понятное богослужение свидетельствует такой видный противник украинизации, как о. архим. Дамаскин[11] .

Нисколько не уменьшает значения народнаго стремления к родному богослужению то обстоятельство, что это стремление чаще всего выражает молодежь. По моему мнению, это совершенно естественно. Не дождемся мы этого стремления от темных стариков и старух, которые приходят в церковь и шепчут свои молитвы, не обращая внимания на то, что говорит и делает священник. Только молодежь, обученная в школе, желающая понимать слова священника, именно только она и может просить понятнаго богослужения, чтобы сознательно его слушать, принимать в нем участие. От многих я слышал, что в некоторых приходах, где священник не может или не хочет служить по-украински, хор молодежи поет по-украински. Мне представляются неблагоразумными те священники, которые не хотят молиться со своими духовными детьми «едиными усты и единым сердцем». А что среди деревенской молодежи есть много лиц индифферентных и даже враждебных Церкви, то это явление временное, наносное, чуждое нашему в общей массе благочестивому народу. Нам нужно не повторять шаблонныя суждения о просвитах, как виновниках безверия, а очень и очень подумать о причинах и виновниках безверия, а также и о том, как бы поддержать огонь веры в просвитянах. Ведь в Галиции во главе почти всех Просвит стоят священники. Просвитянскими хорами в ноябре 1929 г. был дан во Львове кон-

[10] «Kurjer Warszawski» — wydanie wieczorne z dn. 20 lipca 1927 r., № 197.

[11] «Воскресное Чтение», 1927 г., № 31, стр. 362.

церт в честь униатскаго митроп. Андрея Шептыцкаго. В Галиции Просвита не враг Церкви, а ея защитник. Поняли наученные историей галицкие селяне, что для своего действительнаго просвещения они должны объединяться не под флагом только изменчивых партий, а прежде всего под знаменем креста на своей Церкви, который своим светом постоянно освечает все село и все партии в нем.

....

13. Клевета на Луцкий Церковный Съезд

Но еще большею клеветою является то, что было высказано против украинизации по поводу Луцкаго Церковнаго Съезда, который, между прочими пожеланиями, высказал самое ясное и определенное желание о богослужении на украинском языке. Резолюции Съезда, в котором принимало участие около 800 человек, ясно показывают, каково мнение украинскаго населения по вопросу об языке богослужения. В виду этого противники украинскаго богослужения приложили все усилия, чтобы ослабить впечатления постановлений Луцкаго Съезда. И чего только они не писали. Самый Съезд они называли безбожным[12] , лжецерковным; постановления его называли антиканоническими, идущими в разрез с канонами и догматами Православной Церкви; созыв его — черной страницей в нашей церковной истории; организаторов его называли людьми, отказавшимися от Православия, злочинниками, которые «ввергли наш народ на путь церковной анархии и непослушания Высшей Церковной Власти». А потом утверждали даже[13] , что «на Луцком Съезде, ложно именуемым церковным, каноны и все установления церковныя были подвергнуты оплеванию и надругательствам». Так говорили они, конечно, под влиянием страсти, ненависти и злобы.

Теперь страсти улеглись, и поэтому есть возможность спокойно, с холодным разсудком разсмотреть все то, что писалось в связи с постановлениями Луцкаго Съезда. Не внося никакого субъективнаго объяснения, я постараюсь изложить ход событий 1927 г. в связи с Луцким Съездом. Пользуясь переменой курса государственной по-

---

[12] «Свет Истины» № 4.

[13] «Свет Истины» № 6.

литики, национальныя меньшинства начали организовываться и заявлять о своих пожеланиях. Образовалось «Русское Народное Объединение» и стало заявлять о своих пожеланиях. Представители украинской общественности обратились в декабре 1926 г. к Правительству Польской Республики с просьбою о разрешении съезда духовенства и мирян для выяснения церковных пожеланий украинскаго населения. Разрешение было дано в мес. февраль 1927 г. Организаторы съезда обратились к Высшей Церковной Власти с просьбою принять участие в съезде и разрешить участие духовенству, Свящ. Синод 26 февраля того же года запретил съезд. Под влиянием общаго желания созвать съезд создается многочисленный Организационный Комитет, который решил обратиться еще раз к Высшей Церковной Власти с просьбою принять участие в съезде и разрешить участие в нем духовенству. Высшая Церковная Власть не приняла делегации Организационнаго Комитета, и через Митрополитальный Совет ответила запрещением съезда. Организационный Комитет решил тогда созвать съезд только светских представителей украинскаго населения. По приглашению Комитета собралось в Луцке с Волыни, Полесья, Холмщины и Подляшья свыше 800 чел., из них 515 чел. прибыли, как уполномоченные от своих общин.

Но еще до созыва Луцкаго Съезда против него началась травля. Поводом для травли послужило воззвание Хжановскаго отдела Украинскаго Центральнаго Комитета эмигрантов. Оно было выпущено без всякаго соглашения с Организационным Комитетом Луцкаго Съезда и призывало к церковной революции. Когда Организационный Комитет осудил в печати это воззвание, эмигранты-фанатики выпустили другое воззвание, в котором осудили поведение Организационнаго Комитета и потом не прислали своих представителей на Луцкий Съезд. Неизвестно, какая была цель Хжановскаго воззвания, идущаго в разрез с основными задачами и целями Луцкаго Съезда. Но это воззвание дало повод приписывать Луцкому Съезду чуждыя ему стремления. Это делают как польския газеты: краковский «Час», виленское «Слово», так и русская печать. Особенно стал усердствовать в этом направлении «Свет Истины». Этот орган, созданный специально для борьбы с украинизацией, задолго до Луцкаго Съезда писал, что предстоящий украинский съезд хочет ввести не соборность, а «соборно-правность», т. е. будто бы хочет передать в руки мирян все церковное строительство и даже иерар-

хию[14]. Потом он писал, будто «над Православною Церковью и русским народом нависла черная туча... Злые черноморы (т. е. украинцы) хотят создать новую церковь и даже новую веру»[15].

Но несмотря на всю травлю, запугивания и шумиху, Луцкий Съезд открылся 5 июня 1927 года, приветствуемый многочисленными устными и письменными пожеланиями. Заседания его открылись пением никео-цареградскаго символа веры Православной Церкви. После двух дней работы Съезд принял резолюцию по разным вопросам церковной жизни. В первой своей резолюции Съезд констатировал разстройство и упадок церковной жизни Православной Церкви в Польше вследствие игнорирования начала соборности и вследствие устранения мирян от участия в церковных делах и затем поручил избранному им Церковному Комитету: 1) «представить духовной и гражданской властям все постановления Съезда и высказанныя на нем пожелания, как голос представленнаго Съездом украинскаго населения, 2) чинить вперед все возможныя вообще старания и хлопоты для осуществления постановлений Съезда и оздоровления нашей церковно-общественной жизни в духе, завещанном Съездом». Во второй резолюции Съезд домагается проведения в жизнь постановлений Свящ. Синода Православной Церкви в Польше от 3 сентября 1924 г., домагается назначения на Волынь трех самостоятельных епископов из украинцев, отвергает взводимое на украинцев обвинение в политических стремлениях и большевизме и твердит, что теперешняя иерархия и влиятельное духовенство ведут руссификаторскую политику в Церкви. Далее, в той же резолюции Съезд выражает пожелание, чтобы проповедь в церкви и обучение религии в школах велось на народном языке, чтобы на более ответственныя места назначались священники украинцы, чтобы было надлежаще поставлено как высшее, так и среднее духовное образование, чтобы, наконец, были изданы украинския церковно-богослужебныя книги, а равно и другия книги религиозно-нравственнаго содержания. В третьей резолюции Съезд признает несогласным с канонами и традициями Православной Церкви выработанный Синодом проект Статута Церкви, поручает своему Исполнительному Комитету выработать проект внутренняго и внешняго Статута Церк-

---

[14] «Свет Истины» № 1.

[15] «Свет Истины» № 2.

ви для представления его духовной и гражданской власти и для обсуждения на Поместном Соборе; признает высшею Властию Православной Церкви в Польше Поместный Православный Собор с участием в нем духовенства и мирян. В четвертой резолюции Съезд настаивает на установлении обязательных норм и правил для церковнаго хозяйства, домагается отмены декрета от 18 декабря 1918 г., по которому все имущество Православной Церкви в Польше перешло в распоряжение государства, домагается возвращения сотен закрытых церквей в Холмщине и Подляшьи, ибо имущество церковное, говорится в резолюции, принадлежит всему Телу Церкви, а не иерархии. — Резолюции кончаются протестом против полесскаго архиепископа Александра, который, по сообщениям полесских представителей Съезда, не считается с духовными интересами своей паствы, две третьих части которой составляют украинцы. Постановления и пожелания Съезда подкрепляются ссылками на соответствующие церковные каноны.

Когда я теперь спокойно читаю и перечитываю постановления Луцкаго Съезда, то никак не могу понять, почему этот Съезд возбудил против себя такую ненависть среди «славянистов». Ведь если до его созыва, под влиянием воззваний фанатиков-эмигрантов украинцев, можно было опасаться за его намерения, то после принятия указанных резолюций всем стало ясно, что Съезд имел благия и полезныя для Церкви намерения. А между тем именно после созыва его славянисты выразили наиболее злобы и ненависти к нему. Я понимаю, правая польская печать недовольна Луцким Съездом за его требование отмены декрета от 18 декабря 1918 г., за требование возвращения церквей Холмщины, за отвержение Съездом Статута Православной Церкви в Польше, выработаннаго прежним Правительством Польской Республики. Но я совершенно не понимаю, почему недовольны славянисты. Ведь они так же, как и Луцкий Съезд, требуют Собора и соборности[16]. Если они недовольны Съездом за ярко выраженное им желание украинизации богослужения и церковной жизни, то ведь эта, а равно и другия резолюции Съезда есть только пожелания. Все свои пожелания Съезд поручает своему Исполнительному Комитету представить гражданской и духовной властям. Равным образом Съезд поручает тому же Комитету пред-

---

[16] «За Свободу», 1927 г., № 76.

ставить духовной и гражданской властями проект Статута Церкви, после его выработки, для обсуждения его на предстоящем соборе. Неужели столь многочисленный Съезд не имел права представить духовной и гражданской властям свои пожелания. Если признается нормальным заявление церковных пожеланий со стороны ничтожнаго по численности «Русскаго Народнаго Объединения»[17], притом пожеланий очень радикальных, как, например, требование отделения Церкви от государства, то несправедливо будет отрицать право заявления своих пожеланий у украинцев, составляющих более половины всего православного населения Польши. Поэтому я считаю неосновательным все то, что писалось славянистами против Луцкаго Съезда и его резолюций.

Я не могу назвать Луцкий съезд безбожным, потому что свои заседания он начал пением Символа веры Православной Церкви и целых два дня обсуждал только церковно-религиозныя нужды православнаго населения.

Я не могу назвать его нецерковным или даже лжецерковным, как называют его «славянисты», не могу потому, что программа его была церковная и все резолюции его направлены к защите Православной Церкви и воспитанию народа в духе Православия. Если он не церковный, то какой же он — географический, математический, социалистический, исторический? По моему мнению, он церковный и таким останется навсегда.

Я не могу назвать его постановления антиканоническими, идущими в разрез с канонами и догматами Православной Церкви, потому что он никаких «канонов» не установил, а высказал лишь пожелания, которыя отдал на усмотрение духовной и гражданской власти. В своих пожеланиях, подкрепляемых ссылками на каноны Церкви, Съезд указал лишь способы, какими могут быть уничтожены антиканоническия, по его мнению, явления нашей церковной жизни. Предвосхитить права Собора Съезд не хотел, потому что он поручил своему Исполнительному Комитету выработать Статут Церкви и представить его власти для обсуждения на Соборе. Главное пожелание Съезда — украинизация богослужения — ни канонам, ни догматам Православной Церкви не противоречит. Об этом засвидетельствовал Владыка Ми-

[17] «За Свободу», 1927 г., № 76.

трополит нашей Церкви в своем архипастырском воззвании от 1 августа 1928 г.

Я не могу назвать созыв Луцкаго Съезда «черной страницей нашей церковной истории», потому что ничего позорнаго в этом не могу найти. И в самом деле, что есть позорнаго в том, что в теперешнее трудное для Православия время собралось в Луцке около 800 чел. мирян, которые торжественно заявили свое православное исповедание веры, домагались прав для своей Церкви и веры и свои пожелания передали иерархии. Я считаю печальнейшим недоразумением отрицательное отношение к Луцкому Съезду и его постановлениям.

Я не могу назвать организаторов Луцкаго Съезда людьми, «отказавшимися от Православия, ведущими народ к непослушанию», потому что все постановления этого Съезда направлены к защите Православия, а постановление о передаче всех пожеланий Съезда на усмотрение духовной власти лучше всего свидетельствует о послушании Съезда Церковной Власти.

Я не могу согласиться с тем утверждением, будто на Луцком Съезде «оплеваны каноны». Наоборот, Съезд стремится к утверждению незыблемости канонов церковных против нарушения их и свои постановления опирает на церковных канонах.

Наконец, я не могу согласиться с тем утверждением, будто раздававшиеся на Съезде возгласы, оскорбительные для Высшей Церковной Власти, поколебали авторитет этой Власти и отняли у Съезда все значение. По моему мнению, это утверждение есть простое преувеличение. Ведь эти возгласы исходили не от организаторов Съезда. Ведь приняты Съездом не эти единичные возгласы, свидетельствующие о безтактности и невыдержанности тех, от кого они исходили, а приняты постановления, утверждающия Высшую Церковную Власть. Очень уж обиделись «славянисты» за авторитет Высшей Церковной Власти, колебаемый возгласами, произнесенными в зале заседаний Съезда и безследно пропавшими в воздухе. Но они почему то не обижаются за резолюции «Верховнаго Совета Русскаго Народнаго Объединения», объявленныя во всеобщее сведение в газ. «Русский Голос» [18] . В этих резолюциях наша иерархия объявляется виновницей чрезвычайно тяжелаго положения Православ-

[18] «Русский Голос», 1929 г., № 88.

ной Церкви в Польше, так как она, «соглашаясь в свое время по требованию государственной власти на провозглашение автокефалии, не позаботилась об одновременном проведении закона о взаимоотношениях Церкви и государства,... не проявила желательной твердости в отстаивании прав и насущных нужд Церкви, а всегда являлась в роли просительницы, причем ея просьбы и заявления зачастую оставлялись светской властью даже без ответа... вопреки постановлениям Московскаго поместнаго Собора 1917–1918 г.г. упразднила соборное начало в Церкви, совершенно устранила низшее духовенство и мирян от активнаго участия в управлении делами Церкви, несмотря даже на категорическое указание покойнаго патриарха Тихона. Взяв на свои плечи всю ответственность за судьбу Церкви, оторвавшись от мирян, иерархия очутилась одинокой против сильной светской власти и не менее сильнаго римско-католическаго Костела и, естественно, вынуждена была сдавать одну позицию за другой».

«Славянисты» почему то не обиделись так-же и на г. Е. Комаревича, одного из видных вдохновителей Почаевскаго Съезда 1927 г. Г. Комаревич, узнав, что Свящ. Синод не утвердил постановлений Почаевскаго Съезда, написал в виленской газете «Утро» [19], что Высшая Церковная Власть «панически и трусливо отступает», «ведет крайне близорукую политику, не дает себе отчета в своей деятельности», «запуталась между трех сосен», «отошла от православной и священной традиции разрешать важные церковные вопросы вкупе с рядовым духовенством и верующим народом». Ничего подобного не позволил себе сказать Луцкий Съезд, столь ненавистный нашим «славянистам». Подобныя суждения, не пропавшия в воздухе, а в тысячах экземпляров распространенныя среди православнаго населения, неизмеримо больше, нежели луцкие «возгласы», колеблют авторитет Высшей Церковной Власти.

А разве не колеблет авторитет Высшей Церковной Власти первое «решительное» постановление Почаевскаго Съезда: «Богослужебным языком Православной Церкви в Польше <u>должен быть только</u> язык церковно-славянский». Ведь это постановление стоит в прямом противоречии с постановлениями Свящ. Синода от 3 сентября 1924 г. По поводу приведеннаго Почаевскаго постановления Влады-

---

[19] «Утро», 1928 г., № 162 от 19 июля.

ка Митрополит в своем архипастырском воззвании от 1-го августа 1928 г. говорит так: «Всечестное духовенство Волынской Епархии должно знать, что постановления Св. Синода от 16 июля 1922 г. и 3 сентября 1924 г., которыми урегулировано дело употребления украинскаго языка в богослужении и церковной жизни вообще, Высшая Церковная Власть никогда не пересматривала наново и не отменяла. Недоразумением есть думать, что постановления Волынскаго Епархиальнаго Съезда 1927 г. имеют большее, нежели постановления Свящ. Синода, значение, и будто бы волынския постановления отменяют постановления Свящ. Синода: «Без всякаго прекословия меньшее от большаго благословляется» (Евр. 7,7), а не наоборот». В этих словах ясно слышится осуждение вдохновителей Почаевскаго Съезда. Такое-же осуждение я усматриваю и в таком факте. Почаевский Съезд признал (рез. 9) совершенно необходимым, чтобы Его Блаженство Митрополит Дионисий обратился ко всему православному народу Волыни с окружным архипастырским посланием о прекращении дальнейшаго развития украинизации, о гибельности для Церкви отвержения славянскаго языка. Однако Его Блаженство в своем воззвании от 1 августа заявил, что «ни канонических, ни догматических препятствий к совершению богослужения на украинском языке, как и на всяком ином языке, Православная Церковь не имеет». При этом Владыка Митрополит сослался на тот факт, что в первый момент жизни Церкви Христовой свв. Апостолы обратились к разноплеменным богомольцам иерусалимским на родном языке богомольцев (Деян. 2, 3–11).

14. Обвинение украинцев в политических стремлениях и сепаратизме

Сознавая несостоятельность возражений против украинизации с точки зрения канонической и догматической, славянисты обвиняют украинцев и все украинское движение в политиканстве, в привнесении в церковно-религиозную область «чистейшей политики», в разрушении единства русскаго народа. Политиканство они усматривают в том, что украинцы обратились к Правительству. Они говорят, что «по вопросу об языке православнаго богослужения украинцам следовало бы обратиться толь-

ко к Церкви, как целому, и к Церковной Власти ее возглавляющей»[20]. Я не знаю, почему украинцы обратились не к Свящ. Синоду, который 3 сентября 1924 г. разрешил употребление украинскаго языка в богослужении, а к Правительству. Очевидно, были такие факторы в Церкви, которые остановили дальнейшее проведение в жизнь синодальнаго постановления от 3 сентября 1924 г. Равным образом я не знаю, почему и «Русское Народное Объединение», получившее благословение Высшей Церковной Власти на свою деятельность, обратилось к Правительству со своими пожеланиями в области церковной, выработанными на Львовском Съезде[21]. Не знаю я так же почему и Почаевский Съезд постановил: «просить Правительство (и просил) запретить деятельность Исполнительнаго Комитета Луцкаго Съезда» (резол. 8).

«Чистейшую политику» славянисты усматривают в отвержении украинцами церковно-славянскаго языка в богослужении и в требовании их так называемой «вимовы», или произношения церковно-славянских слов по-украински, т. е. так, как они когда то произносились и как теперь произносятся в Галиции, и наконец, в желании украинцев иметь своих епископов. В пылу ненависти и злобы «славянисты» обвиняют украинцев даже в государственной измене. Они утверждают, что украинцы «обрабатывают проживающее в Польше население на пользу иностраннаго государства»[22].

Отвечать на обвинение в государственной измене я, конечно, не буду. На такую клевету украинцы могут ответить только презрением. А относительно отвержения церковно-славянскаго языка, которое является будто бы «чистейшей политикой», могу сказать, что чем больше я вдумываюсь в это обвинение, тем более убеждаюсь, что оно направлено не по адресу. И в самом деле, славянисты всех оттенков поддерживают славянский язык в богослужении. Почему? Потому, говорят, что он объединяет всех славян. А разве в этом ответе нет политики? Разве свв. Кирилл и Мефодий ввели славянский язык в богослужение ради объединения славянства? На соборе в Риме[23] св. Кирилл засвидетельствовал, что он ввел

---

[20] «За Свободу», 1928 г., № 237.

[21] «За Свободу», 1927 г., № 76.

[22] «За Свободу», 1926 г., № 229.

[23] См. выше, стран. 29–30.

славянское понятное богослужение «силою благодати Св. Духа, который вдохновил его», ввел потому, что «признал этот способ единственным для обращения к Господу безчисленнаго народа». Это уже потом сами славяне, введя славянский язык в богослужение, стали пользоваться им для своего объединения, стали, наконец, мечтать даже о панславизме. Едва ли панславизм предносился сознанию свв. братьев. Если украинцы отвергают непонятный церковно-славянский язык и вводят понятное народное богослужение, то они не «чистейшую политику» вводят, а идут за примером свв. братьев Кирилла и Мефодия, стараются привлечь сердца народа к Господу. Притом же не нужно упускать из виду, что церковно-славянский язык новаго периода, повсюду употребляемый, подвергся, по словам проф. Г. Воскресенскаго, наибольшему влиянию языка именно великорусскаго[24]. По исследованию проф. кн. Н. С. Трубецкого[25], «с XVII в. и южные славяне пользуются в православном богослужении книгами русской редакции со всеми чертами русского произношения, хотя и видоизмененными слегка, благодаря природному «акценту» туземных южно-славянских языков». «Болгарский литературный язык того времени был лишь, так сказать, болгаризованной формой русского литературного языка... Старый сербско-церковно-славянский язык погиб в эпоху турецкого владычества, и богослужебный язык сербской Церкви есть церковно-славянский язык русской редакции»[26]. Выходит, значит, что украинцы отвергают не древний кирилло-мефодиевский язык, как утверждают славянисты, а язык руссифицированный.

Относительно требования украинской «вымовы» слов богослужения нужно сказать, что это требование имеет свое основание. Каждый народ налагает на язык свою печать, т. е. иначе произносит слова. Украинское произношение церковных молитв и песнопений сильно отличается от произношения великорусскаго. Между тем наши «славянисты» насильно навязывают нашему народу произношение церковно-славянских слов. В 1926 г. изданы в Варшаве: «Modlitwy codzienne dla dzieci prawosławnych». Символ веры напе-

---

[24] Прибавления к Творен. Свв. Отцов, 1885 г., т. III, стр. 238.

[25] Кн. Н. С. Трубецкой. К проблеме русского самопознания. Евразийское книгоиздательство, Париж, 1927, стр. 64.

[26] Там же, стран. 69.

чатан так: «Wieruju wo jedinago Boga Otca Wsiedierżitela, Tworca niebu i ziemli, widimym że wsiem i nie widimym» и т.д. А в молитвословах, изданных в Почаевской Лавре в конце XVIII и начале XIX в., читаем: «Wiruju wo jedynoho Boha Otcia Wsederzytela, Tworcia neba i zemli» и т.д. Кроме того, славянисты требуют[27] «употребления русскаго языка в проповедях за богослужением, при преподавании Закона Божия в школах наравне с языком украинским». Они совершенно не считаются с тем, что молодое наше поколение, родившееся перед самой войной и после нея, не знает русскаго языка, потому что нигде не училось ему и нигде не слышит его. Разве это навязывание великорусскаго произношения слов молитвы и русскаго языка в проповедях и в школах не есть политика? Кто же не понимает, что навязывание чужого языка народу есть первое и самое действительное средство национальнаго и политическаго порабощения этого народа, что этого насилия не должно быть[28]. Сознаюсь, я совершенно не понимаю, почему отстаивание своего родного выговора и родного языка есть политика, а навязывание чужого выговора слов и чужого языка не есть политика. Напрасно «славянисты» уверяют украинцев, что «облекать вопрос о выговоре мертваго языка в политическую форму есть признаком первобытнаго невежества»[29]. Этому уверению никто не поверит. Уже одно упорство и завзятость, с какими славянисты борются против украинскаго выговора слов богослужения, ясно показывает, что славянисты считают вопрос о выговоре слов богослужения очень важным и не желают допустить того выговора, какой существует у нашего народа с древних времен. Если вопрос о произношении слов богослужения не важен, то почему российская власть издавала строгие законы против украинскаго произношения. Так, напр., в 1720 г. вышел указ импер. Петра I, позволявший печатать на Украине только церковныя книги и обязательно после исправления их, чтобы в них и следа не было украинскаго языка — «дабы никакой розни и особаго наречия не было»[30]. Когда в 1726 г. хотели напечатать в Киеве

---

[27] См. Дополнение к резолюции Почаевскаго Съезда.

[28] «Głos Prawdy», 1926 г. Nr 39, z dn. 23/VIII.

[29] «За Свободу», 1926 г., № 190.

[30] Проф. М. С. Грушевский. Иллюстрир. История Украины, С.-Петербург, стр. 423.

акафист св. Варваре, написанный самим митрополитом, то на это было дано разрешение только под таким условием, что акафист перед изданием будет переведен «на великороссийское наречие». По присоединении правобережной Украины к России особенное внимание было обращено также на то, чтобы священники произносили молитвы «голосом свойственным российскому наречию»[31]. Очевидно, вопрос о российском или украинском выговоре богослужебнаго текста не был для русскаго правительства «первобытным невежеством». Несомненно, и теперь он не есть для славянистов вопросом «первобытнаго невежества», а есть одним из проявлений национально-политическаго великорусскаго влияния на украинския народныя массы.

Равным образом будет политикой, но только со стороны славянистов, и стремление их не допустить на украинския земли епископа-украинца, который, пользуясь родным народу языком, сеял бы Слово Божие непосредственно в душу народа, а особенно в душу молодого подрастающаго поколения, которое русскаго языка не знает. Все народы имеют свою национальную иерархию, но не может ее иметь почему то один только украинский народ. Свв. братья Кирилл и Мефодий положили много стараний, чтобы дать моравянам национальную иерархию. Наши «славянисты», приверженцы «кирилло-мефодиевскаго Православия», об этом совсем не заботятся. Наоборот, они стараются не допустить в среду украинцев епископа-украинца.

Что славянисты, обвиняя украинцев в политических стремлениях, в действительности сами ведут свою политику, это особенно ясно видно из следующаго предъявленнаго украинцам обвинения, напечатаннаго в «Свете Истины» № 2. Здесь мы читаем: «Над Православной Церковью и русским народом нависла черная туча. Злые черноморы ведут свою разлагающую работу. Они уже не довольствуются одной ареной политической борьбы, не довольствуются только внешним разобщением единства всех трех равноправных ветвей русскаго народа, — они хотят вырыть между ними и более глубокий непроходимый ров, создать новую церковь и даже новую веру». Сущность этого обвинения коротко можно объяснить

---

[31] Проф. М. С. Грушевский. Очерки истории украинскаго народа. Изд. 2, С.-Петербург, 1906 г., стр. 392–94.

так. До войны существовала в России политическая теория племенного единства великороссов, малороссов и белоруссов. Теория эта была выгодна для государства, поэтому она проповедывалась всюду — в школе, в церкви, в общественной и государственной жизни. Родным языком для всех, по этой теории, должен быть язык великорусский. Ни украинскаго, ни белорусскаго отдельнаго языка нет. Про украинский язык всегда говорили: «никакого особеннаго малороссийскаго языка не было, нет и быть не может». Употребляемый в простонародии язык есть только наречие, недостойное стать языком литературным. А если украинцы развивают свой украинский язык, то они нарушают единство трех племен народа. Поэтому запрещалось писать и печатать по-украински, не разрешали грамматики украинскаго языка. Когда в 1877 г. один из киевских филологов представил в цензуру составленный им «Опыт грамматики малорусскаго языка», ему было открыто сказано: «нельзя разрешать к печатанию грамматику языка, который обречен на небытие»[32]. Не все, конечно, признавали такую теорию правильной, но должны были подчиняться. Когда настала свобода, то украинцы и белоруссы стали требовать прав для своего языка. Началась борьба, которая продолжается у нас до сих пор. Ярым защитником политической теории единства великороссов, белоруссов и украинцев является сейчас в Польше «Русское Народное Объединение». К нему примыкают многие из наших, так называемых славянистов и вместе с ним ведут борьбу против украинскаго языка и украинскаго богослужения.

....

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНИЯ РЕФЕРАТА

Из прилагаемаго при сем докладе: «Об языке богослужения», с очевидной ясностью вытекают следующия положения.

I. Народный общепонятный язык есть необходимая принадлежность православнаго богослужения и молитвы, потому что:

а) Сам Иисус Христос и святые Апостолы всегда пользовались общепонятным языком и отрицательно относились к молитве и богослужению непонятному;

---

[32] Украинский вопрос. Изд. 3, Москва, 1917 г., стр. 57.

b) Святые Отцы золотого периода христианской литературы и философии вводили в богослужение живой народный язык даже среди малокультурных народов, принимавших христианство, и не считали разнообразие языков богослужения нарушением единства Церкви, а наоборот, видели в этом разнообразии выражение всей полноты духовной жизни Церкви;

c) Свв. Отцы не считали неизменным христианское богослужение не только со стороны языка, но даже и содержания, поэтому они изменили и сократили установленное Апостолами богослужение — литургию св. Апостола Якова на Востоке и литургию св. Апостола Петра на Западе, — и в последующее время они, «снисходя слабости человеческой», сокращали и изменяли богослужение;

d) Свв. Отцы не считали неизменными церковные напевы, поэтому по мере нужды изменяли их или даже вводили новые;

e) Свв. Отцы не считали неизменными церковные обряды и каноны, или правила церковной жизни, установленные своими предшественниками, а по требованию церковной жизни они отменяли обряды и правила, установленные даже свв. Апостолами.

II. Святые братья Кирилл и Мефодий главной целью своей деятельности считали общепонятность богослужения, поэтому:

a) Они не думали о каком либо объединении славян через славянское богослужение, а ввели это богослужение потому, что по вдохновению от Духа Святого, признали его единственным способом для обращения ко Христу славянских племен;

b) Они всегда и в Венеции и в Риме защищали именно общедоступное богослужение против тогдашних «треязычников»;

c) Они прилагали все старания, чтобы дать обращенным ими в христианство моравам национальную иерархию;

d) Латино-немецкое духовенство уничтожило понятное славянское богослужение в Моравии, по той причине, что это богослужение своей понятностью привлекало моравов и было помехой для немцев в их стремлении подчинить себе моравских славян.

III. Уничтоженное немцами в Моравии славянское богослужение привилось у южных славян, но здесь оно было изменено и лишено своего первоначальнаго вида малообразованными болгарскими «справщиками» кирилло-мефодиевских переводов, поэтому

a) Мы не имеем теперь подлинных кирилло-мефодиевских переводов, а имеем болгарскую переделку этих переводов;

b) Эта болгарская переделка через внесение в нее форм, конструкции и духа греческаго языка сделала богослужебный текст непонятным для славян, создала такой «славянский язык», на каком славяне никогда не говорили и говорить не будут;

c) Эта болгарская переделка, перенесенная без изменения в X в. на наши земли, была с самаго начала своего существования на Руси непонятною для наших предков; сохраняет она непонятность и до сих пор, как об этом свидетельствуют выдающиеся святители Русской Церкви: епископ Феофан, архиеп. Никанор и архиеп. Антоний (Храповицкий).

IV. Непонятность и недостаточная назидательность книг церковно-богослужебных, а равно и книг Священ. Писания побуждали лучших представителей западно-русскаго народа в XVI в., в трудное для Православия время, переводить эти книги на народный язык «лепшаго ради выразумения» их, но это стремление приблизить богослужение и Свящ. Писание к народному сознанию не развилось в должной мере, потому что

a) Заправлявшие делами Церкви консервативные элементы тогдашней общественности (князья, бояре) не поддержали этого стремления;

b) Влиятельные московские эмигранты того времени (кн. Курбский и первопечатники и др.) всячески противились этому стремлению, отговаривали западно-русских и литовских православных вельмож (как, напр., Ходкевича) от издания книг на народном языке;

c) А те представители тогдашней общественности, которые понимали значение перевода книг на народный язык, но которым Православная Церковь, вследствие ея упадка и разстройства, «пришла в огиду», стали равнодушны к этому движению, перестали интересоваться делами Православия;

d) Введенная на наших землях уния оставила в неприкосновенности непонятный церковно-славянский язык богослужения, но для привлечения и удержания народа при Церкви ввела, в виде добавочнаго богослужения, много набожных песнопений на народном языке и кроме того стала переводить богослужение на живой польский язык;

е) После возстановления Православия языком богослужения по прежнему остался непонятный язык церковно-славянский, но неудовлетворительность его сознается весьма многими епископами русской Церкви, из которых одни высказались в 1905 г. за обязательное, неотложное упрощение церковно-славянскаго языка, а другие — за перевод богослужения на народный русский язык.

V. Введенное на Волыни, с разрешения Церковной Власти и по желанию народа, украинское богослужение есть явление совершенно законное и с точки зрения церковных канонов правильное. Борьбу против него начали великорусские эмигранты, организованные в «Русское Народное Объединение», и ведут ее при содействии совершенно обрусевшей части местнаго духовенства. Народныя массы приняли украинское богослужение спокойно и во многих местах настойчиво добиваются дальнейшаго распространения его. Но противники украинскаго богослужения борются с этим народным течением, желая сохранить в церкви церковно-славянский язык богослужения. Причем в борьбе за сохранение церковно-славянскаго языка явно проявляются великорусския политическия и национальныя стремления.

VI. Все многочисленныя возражения против украинскаго богослужения не являются убедительными ни для народных масс, стремящихся к украинскому богослужению, как своему родному, ни для украинской интеллигенции, которая не порывает связи со своим народом, но желает вести его к дальнейшему религиозно-нравственному усовершенствованию тем самым способом, какой признали единственно правильным святые братья Кирилл и Мефодий.

ПРОЕКТ ПОСТАНОВЛЕНИЯ КОМИССИИ

В виду всего вышеизложеннаго пятая Комиссия предлагает Предсоборному Собранию принять следующия положения:

I. Православная Церковь в Польше, удерживая в своем богослужении церковно-славянский язык, позволяет своим верным, согласно с заветами Христа, Свв. Апостолов и свв. Отцов, согласно с практикой и обычаями Восточной Церкви, согласно с постанов-

лением Свящ. Синода от 3/ IX 1924 г., ради укрепления и преуспеяния веры Христовой, пользоваться в богослужении наравне с этим языком своими живыми народными языками.

II. В местностях, населенных украинским народом, разрешается совершение богослужения на языке украинском; в местностях с населением белорусским — на языке белорусском; равно, как в приходах чешских — на языке чешском, в приходах польских — на языке польском.

III. Украинское богослужение, введенное уже во многих украинских приходах, остается без изменения.

IV. Дальнейшее введение украинскаго богослужения вместо славянскаго разрешается Высшею Церковною Властью, если об этом будет подано ей письменное заявление, подписанное двумя третями какого либо прихода.

V. В приходах, где за украинское богослужение выскажется не менее одной трети прихожан, разрешается Высшею Церковной Властью поочередное служение славянское и украинское, или, если это возможно по составу причта и устройству храма, служение двух литургий — ранней и поздней.

VI. Разрешенное к употреблению украинское богослужение совершается по переводам, одобренным уже Церковною Властью.

VII. Новые переводы церковно-богослужебных книг, после пересмотра их в Переводческой Комиссии, представляются Церковной Власти для одобрения. Право издания одобренных переводов принадлежит как Церковной Власти, так и частным лицам, которыя сделали перевод.

VIII. Наличие большого числа приходов с украинским богослужением вызывает потребность обучения кандидатов священства совершению не только славянскаго, но и украинскаго богослужения. Поэтому в Кременецкой Государственной Духовной Семинарии богослужение должно совершаться и по-славянски и по-украински, для того, чтобы воспитанники ея были приготовлены к совершению того и другого богослужения.

IX. При Свящ. Синоде Православной Церкви в Польше учреждается постоянная Комиссия для перевода на украинский язык книг Свящ. Писания, церковно-богослужебных и вообще книг религиозно-нравственнаго и церковно-историческаго содержания.

Илл. 22. Объявление о созыве Поместного собора Православной церкви во II Речи Посполитой (1929)

ПОМѢСТНЫЙ СОБОРЪ

Святой Автокефальной Православной Церкви въ Польшѣ.

Отъ Канцеляріи Священнаго Синода.

По благословенію Его Блаженства,

Канцелярія Священнаго Синода симъ извѣщаетъ, что опредѣленіемъ Св. Синода, отъ 12 декабря с. г. за № 189, постановлено созвать въ Варшавѣ на 12-е февраля 1930 года Помѣстный Соборъ Святой Автокефальной Православной Церкви въ Польшѣ. Созывъ Помѣстнаго Собора на столь сравнительно близкое время вызывается неотложною необходимостью Соборнаго разрѣшенія въ ближайшее время нѣкоторыхъ вопросовъ жизненнаго для нашей Церкви и существеннаго значенія. Особенно къ этому побуждаетъ та угроза, которая повисла надъ положеніемъ и состояніемъ Православной Церкви въ Польшѣ въ связи съ предъявленіемъ римо-католическимъ клиромъ въ 6 судахъ исковъ объ отобраніи свыше 600 храмовъ и монастырей и съ усиленіемъ миссіонерской дѣятельности высшей римо-католической духовной власти, объявившей Польшу „миссіонерской территоріей“.

Согласно тому же опредѣленію Св. Синода, выборы членовъ Помѣстнаго Собора будутъ произведены на паритетныхъ началахъ, т. е. число избранныхъ на Соборъ клириковъ — священниковъ, діаконовъ и посвященныхъ въ чтецы псаломщиковъ — будетъ равно числу избранныхъ на Соборъ міряиъ. Сроки выборовъ назначены Св. Синодомъ въ слѣдующіе дни: на Приходскихъ Собраніяхъ — въ воскресенье 12 января 1930 г.; на Благочинническихъ Собраніяхъ — во вторникъ 21 января 1930 г.; на Уѣздныхъ Собраніяхъ — во вторникъ 28 января 1930 г., и на Епархіальныхъ Собраніяхъ — во вторникъ 4 февраля 1930 г.

О времени прибытія въ Варшаву и мѣстѣ пребыванія Членовъ Помѣстнаго Собора въ столицѣ будетъ въ свое время особое извѣщеніе отъ Канцеляріи Св. Синода.

Выборы членовъ Помѣстнаго Собора должны быть произведены по правиламъ „Положенія“ о Соборѣ, одобреннаго тѣмъ же опредѣленіемъ Св. Синода отъ 12 сего декабря. Вмѣстѣ съ „Положеніемъ“ одобрены: „Уставъ“ Собора и его „Программа“.

Въ основу сихъ — Положенія, Устава и Программы были приняты матеріалы работъ Особой Комиссіи Митрополитальнаго Совѣта, засѣдавшей съ 14 по 17 сентября 1928 года, съ нѣкоторыми небольшими измѣненіями, примѣнительно къ современнымъ обстоятельствамъ церковной жизни, и съ нѣкоторымъ небольшимъ сокращеніемъ „Програмы“ Собора, сообразно съ неотложной необходимостью скорѣйшаго созыва Собора, а также по соображеніямъ облегченія созыва Собора и благоуспѣшности соборной работы.

Одобренные Св. Синодомъ — Положеніе, Уставъ и Программа Собора вслѣдъ за симъ Синодальною Канцеляріею объявляются нынѣ ко всеобщему свѣдѣнію духовенства Митрополіи и вѣрныхъ чадъ Ея. Варшава, 16 декабря 1929 года.

Илл. 23. Машинопись почасового плана занятий в православных духовных семинарнях II Речи Посполитой, предложенного М. Кобриным к рассмотрению на заседании Предсоборного собрания (декабрь 1931 г.)

Załącznik Nr.1 do art. 72-go Statutu
Prawosławnych Seminarjów Duchownych
/ref. I p. 2 Komisji IV p.t. Seminarja
Duchowne i potrzeba ich reorganizacji",
napisanego przez prof. M. Kobryna/.

PLAN GODZIN W PAŃSTWOWEM PRAWOSŁAWNEM SEMINARJUM DUCHOWNEM.

Przedmioty	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	Razem
Historja Biblijna	3	2								5
Katechizm			2	2						4
Ustaw Cerkiewny						3				3
Pismo Św. Star. i Now. Testamentu					3	3	4	3	4	17
Historja Cerkwi							2	2	3	7
Teologja Zasadnicza								3		3
-"- Dogmatyczna									4	4
-"- Moralna									2	2
-"- Porównawcza i sekciarska									3	3
Liturgika								2	2	4
Homiletyka									2	2
Praktyka pasterska									2	2
Historja Filozofji								2		2
Język polski	4	4	4	4	4	4	3	3	2	32
Język macierzysty: ukraiński	4	3	4	4	4	3	3	2	2	29
Język macierzysty: białoruski	2	2	3	2	2	2	2	2	2	19
Język rosyjski /w Wilnie/	2	2	2	2	2	1	1			12
Język cerkiewno-słowiański	2	2	1	1	1					7
Język francuski, wzgl. niemiecki		3	3	3	3	3	2	2		19
Język grecki					5	5	5	4	2	21
Język łaciński				4	4	4	4	3	2	21
Fizyka z Chemją i Kosmografją							3	3	2	8
Przyroda	3	4	5	2						14
Higjena						2				2
Matematyka	3	4	4	4	4	3	3			25
Historja		2	2	3	3	3	4	2	2	21
Geografja	3	3	2	3	2					13
Propedeutyka Filozofji								3		3
Śpiew cerkiewny	2	2	2	1	1	1	1	1	1	12
Kaligrafja i rysunki	3	2	2	2						9
Praca ręczna	2	2	2							6
Gimnastyka	2	2	2	2	2	2	2	1	1	16
Razem: w Krzemieńcu	31	35	35	35	36	36	36	36	36	316
Razem: w Wilnie	31	36	36	35	36	36	36	36	36	318

Członek Komisji Oświatowej Zebrania Przedsoborowego /-/ M. Kobryn.

Илл. 24. Первая страница «Памятки ... о Почаевской Лавре...» (1934)

ПАМЯТКА

для православныхъ паломниковъ о Почаевской Лаврѣ и Ея Святыняхъ.

Мѣстоположеніе Почаевской Лавры.

Св. Успенская Почаевская Лавра находится на восточной окраинѣ Польши, въ Волынскомъ воеводствѣ, въ мѣстечкѣ Новомъ Почаевѣ, въ 24-хъ колометрахъ отъ уѣзднаго города Кременца.

Расположена Лавра на высокой каменистой горѣ, возвышающейся надъ всей окрестностью болѣе, чѣмъ на 75 метровъ. У подошвы этой горы съ трехъ сторонъ расположено мѣстечко Новый Почаевъ.

Краткія историческія свѣдѣнія о Лаврѣ.

Первыя историческія свѣдѣнія о Лаврѣ относятся къ тринадцатому столѣтію, ко временамъ татарскаго нашествія хана Батыя на Кіевскую Русь. Послѣ разгрома Кіева и его святынь, нѣкоторые православные иноки Кіевскихъ пещеръ бѣжали на западъ и поселились въ мѣстности нынѣшней Почаевской Лавры.

Почаевская Лавра.

Святыни Почаевской Лавры.

Главныя святыни Лавры, привлекающія на Св. Гору Почаевскую множество богомольцевъ, особенно въ м.м. августѣ и сентябрѣ, слѣдующія: 1) Святая Цѣльбоносная Стопа Богоматери, 2) Чудотворный Образъ Ея и 3) Нетлѣнныя Мощи Преподобнаго Іова.

Цѣльбоносная Стопа Божіей Матери.

По народному сказанію, записанному въ древнихъ книгахъ подъ заглавіями: „Описаніе горы Почаевской" и „Небо новое съ новыми звѣздами", явленіе Божіей Матери на скалѣ Почаевской было въ половинѣ XIII столѣтія (между 1240—1261 г.г.).

Однажды, какъ гласитъ народное преданіе, одинъ изъ иноковъ, подвизавшихся въ Почаевскихъ пещерахъ, совершая молитву, взошелъ на вершину горы, гдѣ увидѣлъ Пречистую Богородицу, стоящую на скалѣ въ огненномъ пламени. Это чудесное явленіе Божіей Матери и стоявшаго колѣнопреклонно предъ Нею инока видѣлъ и житель Почаева Іоаннъ, по прозванію Босый, пасшій близъ горы стадо овецъ. Когда же пастухъ прибѣжалъ къ инокамъ сообщить о видѣнномъ имъ явленіи, то услышалъ отъ нихъ, что Божія Матерь, дѣйствительно, явилась въ огненномъ пламени, и на томъ мѣстѣ скалы, гдѣ Она стояла, оставила слѣдъ правой Своей Стопы, источающій съ того времени цѣлебную воду.

Болѣе трехъ столѣтій, до 1649 года, т. е., до постройки Домашевскими на Горѣ Почаевской Св. Троицкаго храма, Стопа Божіей Матери находилась подъ открытымъ небомъ. Но Ее все время неустанно блюли и съ благоговѣніемъ охраняли насельники Св. Горы Почаевской, а вѣрующій народъ со всѣхъ окрестныхъ странъ притекалъ къ Ней непрестанно, ища въ цѣльбоносныхъ струяхъ Ея врачества отъ своихъ болѣзней душевныхъ и тѣлесныхъ.

Въ настоящее время Стопа Божіей Матери находится внутри славнаго Св. Успенскаго собора, построеннаго въ 1771 году на мѣстѣ прежняго Св. Троицкаго, почти при самыхъ дверяхъ у первой правой колонны. Стопа Божіей Матери ограждена желѣзной рѣшеткой и покрыта ковчегомъ, надъ которымъ стоитъ стеклянный столъ съ изображеніемъ Стопы Богоматери. Въ передней сторонѣ ковчега устроена небольшая дверца, чрезъ которую богомольцы прикладываются къ Стопѣ. За рѣшеткой, надъ столомъ, стоитъ большой кіотъ съ рельефнымъ изображеніемъ чудеснаго явленія Божіей Матери на скалѣ Почаевской въ огненномъ пламени.

Для благоговѣйнаго поклоненія богомольцевъ, Стопа Божіей Матери всегда открыта во время богослуженій въ Успенскомъ соборѣ. Здѣсь же, у Стопы, вѣрующимъ предлагается для принятія святая вода изъ неизсякаемаго Цѣльбоноснаго Источника Божіей Матери.

Празднество въ честь Цѣльбоноснаго Источника, что въ Стопѣ Божіей Матери, въ Лав-

Илл. 25. Первая страница ежемесячника Православного братства во Львове «Воскресение» (1936, №6)

ГОДЪ IV. Іюль 1936 № 6

ВОСКРЕСЕНІЕ

Независимый ежемѣсячный органъ православныхъ

Изданіе Православнаго Братства во Львовѣ

Адресъ Редакціи и Администраціи: Львовъ, ул. Францисканская 3.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: за годъ съ почт. пересылкой 3 зл., за полгода 1.50, за 3 мѣс. 80 гр. За границу на годъ 1 дол., на полгода 50 цент. ЦѢНА № 30 гр.

ЦѢНА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ:

цѣлая страница	70 зл.
1/2 "	40 зл.
1/4 "	20 зл.
1/8 "	10 зл.

Молитва до Пресв. Богородиці

Доброго Господа Добрая Мати,
Діво Пречиста і Благословенна!
В Бога і Сина Твого-благодати
випрось на змучені душі страждені.
Добра Царице! молися за нас,
щоб ми зробилися вільні від зла,
та научи нас робить повсяк час
навіть врагам нашим добрі діла.
І одвертай од гріхів завсігди
в нашій життєвій дорозі тернистій
й в Царство Небесне з Собою введи,
Добра Заступнице наша Пречиста!

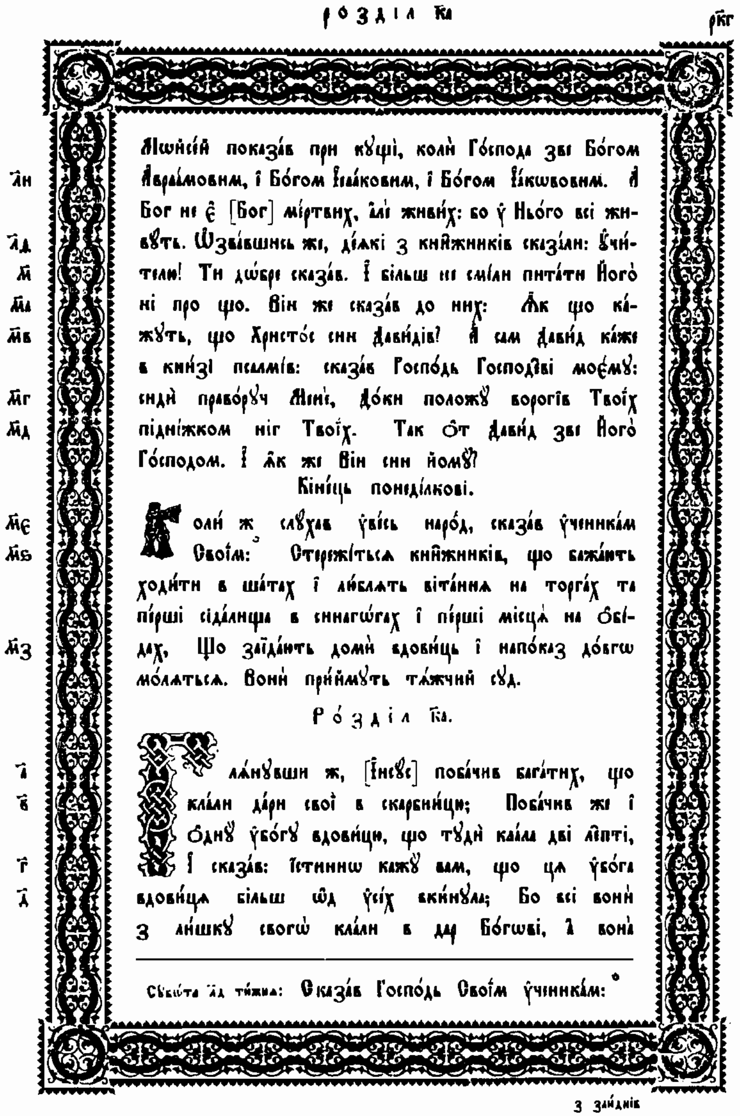
В.

О православномъ почитаніи Пресвятой Богородицы

Изъ всѣхъ христіанскихъ исповѣданій Св. Православіе наиболѣе высоко чтитъ и прославляетъ Пресвятую Богородицу, Заступницу нашу Усердную передъ Богомъ и Сыномъ Ея, Господомъ Іисусомъ Христомъ. Разные сектанты, евангелики, протестанты и даже англикане не почитаютъ Пресвятой Богородицы. Католики и уніаты, хотя и чтутъ Пречистую Дѣву, Божію Матерь и молятся Ей и славятъ Ее, — все-таки ихъ почитаніе не можетъ сравниться съ тѣмъ почитаніемъ Божіей Матери, какое воздаютъ Ей православные. Въ католическомъ богослуженіи, во время Литургіи, Пресвятой Богородицы почти не вспоминаютъ. Во время православной Литургіи обращаемся мы къ Пресв. Богородицѣ болѣе 10 разъ. Рождество Пресв. Богородицы, Введеніе Ея во Храмъ, Благовѣщеніе у насъ одни изъ самыхъ великихъ праздниковъ; у католиковъ же это праздники второстепенные, „не важные". У католиковъ и уніатовъ славословіе Богородицѣ воздается въ теченіе одного мая, у насъ круглый годъ — совершаются постоянные акафисты и молебны Пресв. Богородицѣ. А самое главное: католики и вмѣстѣ съ ними уніаты унизили, обезличили Пресв. Богородицу своимъ ученіемъ о такъ называемомъ „Непорочномъ Зачатіи". По ученію св. Православной Церкви, Пресв. Дѣва Марія имѣла свободную волю не въ меньшей степени, чѣмъ ангелы и всѣ люди, т. е. Она могла выбирать между добромъ и зломъ, праведной жизнью и грѣхомъ; Она не была безвольной куклой, безвольной машинкой; если бы Она захотѣла, Она могла согрѣшить; но Она выбрала правду, добро, благочестіе, святость; данную Ей Господомъ Богомъ свободу она употребила для добра. Пресв. Богородицу часто сравниваютъ съ первой женщиной — прародительницей Евой; Ева свою свободу употребила во зло, совершила грѣхъ и положила начало грѣху среди людей; Пресв. Дѣва Марія свободу свою употребила во благо, стала Святѣйшею и Честнѣйшею не только всѣхъ людей, но и всѣхъ ангеловъ, удостоилась стать Матерью Сына Божія и чрезъ то положила начало спасенію всѣхъ людей. И за то мы Ея славимъ, молимся Ей, почитаемъ Ея превыше всего въ мірѣ, послѣ Самого Бога. — А католики и за ними уніаты не признаютъ за Пресвятой Богородицей свободы; по ихъ ученію выходитъ, что Она не могла выбрать между добромъ и зломъ, что Она (точно заведенная машина) по необходимости, такъ сказать, поневолѣ вела святую жизнь... Но въ чемъ же тогда Ея святость? Въ чемъ Ея заслуга? въ чемъ Ея величіе? — Конечно, такое отрицаніе свободы у Пресв. Богородицы и унизительно для Нея и странно. Лучшіе католическіе богословы понимали унизительность и неправильность этого ученія; знаменитый католическій ученый богословъ Фома Аквинскій (котораго католическая Церковь признаетъ святымъ) рѣшительно боролся противъ ученія о „Непорочномъ Зачатіи" и доказывалъ, что Пресв. Богородица была не ниже, а выше всѣхъ людей и ангеловъ, а потому должна была имѣть свободную волю, свободу выбора между грѣхомъ и праведностью. Но, къ сожалѣнію, хотя католики (а за ними и уніаты) очень высоко почитаютъ Фому Аквинскаго и считаютъ его самымъ великимъ богословомъ, — вопреки его ученію — твердятъ о „Непорочномъ Зачатіи". Во всякомъ случаѣ, православное почитаніе Пресв. Богородицы несравненно выше, глубже, полнѣе и всестороннѣе, чѣмъ католическое.

Почитаніе Пресв. Богородицы выражается въ правильномъ, православномъ ученіи о Ней и о Ея заслугахъ, въ молитвенномъ обращеніи и прославленіи Ея во время богослуженія и въ частной молитвѣ, въ особыхъ службахъ въ честь Пресв. Богородицы, акафистахъ, канонахъ и молебнахъ, въ многочисленныхъ праздникахъ въ честь Пресв. Богородицы, въ построеніи храмовъ и монастырей въ Ея честь, въ почитаніи Ея иконъ и въ частности въ торжественныхъ крестныхъ ходахъ съ Ея иконами

Илл. 26. Лист 123 украиноязычного «Евангелия», изданного в Варшаве в 1938 г.

Роздiл ка ркг

Мойсей показав при кущi, коли Господа зве Богом Авраамовим, i Богом Ісааковим, i Богом Іаковом. А Бог не є [Бог] мертвих, але живих: бо у Нього всi живуть. Озвавшись же, деякi з книжникiв сказали: Учителю! Ти добре сказав. І бiльш не смiли питати Його нi про що. Вiн же сказав до них: Як що кажуть, що Христос син Давидiв? А сам Давид каже в книзi псалмiв: сказав Господь Господевi моєму: сиди праворуч Мене, доки положу ворогiв Твоїх пiднiжком нiг Твоїх. Так от Давид зве Його Господом. І як же Вiн син йому?

Кiнець понедiлкові.

Коли ж слухав увесь народ, сказав учинникам Своїм: Стережiться книжникiв, що бажають ходити в шатах i люблять вiтання на торгах та першi сiдалища в синагогах i першi мiсця на обiдах, Що заїдають доми вдовиць i напоказ довго моляться. Вони приймуть тяжчий суд.

Роздiл ка.

Глянувши ж, [Ісус] побачив багатих, що клали дари свої в скарбницю; Побачив же i одну убогу вдовицю, що туди клала двi лептi, І сказав: Істинно кажу вам, що ця убога вдовиця бiльш од усiх вкинула; Бо всi вони з лишку свого клали в дар Боговi, а вона

Свiта лд тижня: Сказав Господь Своїм учинникам:

з зайдiв

«Воскресное чтение» — православный архив межвоенного двадцатилетия

Практически неизвестная ныне в России православная периодика межвоенной Польши, насчитывающая около 40 различных изданий на нескольких языках (в основном на русском), сохранила для нас множество важнейших свидетельств по истории православия, особенно периода с 1914 по 1939 гг. В этой связи можно говорить о своего рода огромном архиве, где сберегаются документы, касающиеся различных сторон православной жизни в ряде стран мира. Самое большое число подобных материалов напечатал еженедельный журнал «Воскресное чтение», регулярно издававшийся в Варшаве с 1924 по 1939 гг.[1] Номера «Воскресного чтения» сейчас очень редки, в России, например, даже крупнейшие библиотеки не имеют ни одного номера этого журнала. В Москве отдельные номера «Воскресного чтения» за 1933–1936 гг. есть только в Государственной публичной исторической библиотеке России. Впрочем, полного комплекта журнала, насчитывающего свыше 800 номеров, издававшегося тиражом в несколько тысяч экземпляров, не существует вовсе. Даже в большинстве специальных библиографий сведения о нем отсутствуют или же неверны [1]. То же, к сожалению, относится и к энциклопедическим публикациям.

Журнал «Воскресное чтение» был вплоть до конца ноября 1938 г. официальным органом первоиерарха Православной Церкви в Польше и Варшавской митрополии. В конце 1938 г., в силу гонений со стороны польских властей, его стали печатать в той же Варшавской Синодальной типографии на правах частного издания. В этой связи в № 49–50 журнала за 1938 г. появилось сообщение:

---

[1] Первый номер журнала вышел в свет 20 (7) января 1924 г., а последний 27 августа 1939 г. (№ 35 за 1939 г.).

«Журнал „Воскресное чтение“ и газета „Слово“ перестали от 1 ноября с.г. быть оффициальными органами Митрополии и перешли на положение частных изданий. В дальнейшем, при новых условиях, нашему Издательству трудно сохранить оба органа, и потому в 1939 году будет выходить только журнал „Воскресное Чтение“.

Прекращая с концом текущаго года издание „Слова“, Издательство приложит все усилия к тому, чтобы восполнить получающийся пробел. С этой целью расширяется программа „Воскреснаго Чтения“: сюда войдет публицистический материал и будут введены новые отделы; полнее будет представлена информация о церковной жизни в Польше и Заграницей.

„Воскресное Чтение“, как по выбору тем, так и по языку, будет стремиться удовлетворить религиозным и церковно-общественным запросам широких кругов православных читателей, не только духовенства, но и светских лиц. При подборе материала будет также иметься ввиду, чтобы он был полезен Духовенству в приходской практике и мог быть использован для пастырских собеседований.

Издательство обращается к Всечестному Духовенству — основным подписчикам „Слова“ и „Воскреснаго Чтения“, а также ко всем своим читателям, с призывом единодушно поддержать издание своевременной личной своей подпиской. Вместе с тем, Издательство просит приходских Пастырей привлекать по мере возможности к подписке своих прихожан.

Со своей стороны Издательство, для облегчения подписки, уменьшает подписную плату: „Воскресное Чтение“ будет стоить 1 злотый в месяц. Журнал остается по прежнему еженедельным и будет иметь приложения: „За Трезвость“ (один раз в 3 мес.) и „Детский Листок“ (1 раз в месяц). При первом номере „Воскреснаго Чтения“ будет разослан Стенной Календарь-Лист на 1939 год по двум стилям» [2].

В межвоенной Польше и далеко за ее пределами, прежде всего в близлежащих странах Европы, «Воскресное чтение» было необычайно популярно. Вот как оценивала его номера 1933 г., выходившие в преддверии десятилетнего юбилея журнала, одна из активных читательниц: «В каждой картине яснее выделяется ея содержание и художественная красота, если она вставлена в подходящую ей раму и благоприятно освещена.

То же самое можно сказать и о церковно-народном журнале „Воскресное Чтение“, рисующем пред нашими духовными очами немало картин священных, художественно-содержательных, живых, что оно, в текущем юбилейном году, удачно, как бы вставленное в подходящую ему раму-обложку, полную заветных Символов, благоприятно осветилось в своем направлении и святой цели своей: давать полезное и приятное для души. А что приятно для души, то умиляет, возвышает, приближает к Небу; к тому мы стремимся, тем интересуемся.

Вот, в руках наших 1-й номер „Воскреснаго Чтения“. Глаза прежде всего останавливаются на Символах, украшающих раму-обложку его, и вдруг... мы читаем: „Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы“...

А с появлением следующих №№ „Воскреснаго Чтения“ интерес растет, читаем: „Доколе не приду, занимайся чтением“, — говорит словами Апостола автор статьи „Неделя о Закхее». Как эти древния апостольския слова подошли к нашему времени! Когда многие и многие любители „послевоенной литературы“, начитавшись ею досыта и оставаясь с пустой душой, жалуются, что нечего читать, забывая, что есть другая литература, она — вечно прекрасна, как небо, как солнце, без которых душа жить не может, ея отголоски слышатся и теперь в творчестве людей, руководимых рукою Бога, дающих нам книги, брошюры, журналы...

„Доколе не приду, занимайся чтением“, — словами Апостола напоминает автор статьи „Неделя о Закхее“ об этой ничем не знаменитой литературе. И хочется заглянуть в душу того, кто напоминает нам о таком благе; прибегаем к, сродному с „вечно-прекрасной Литературой“, „Воскресному Чтению“ и читаем его статью: „Неделя о Закхее“. Она напоминает журчащий, по раз избранному пути, ручей, потому что в ней нет, бьющей на эффект, витиеватости, лишних слов, часто затмевающих суть задуманнаго автором. И нам яснее видно то, что нужно, важно и полезно, что так ясно обрисовывается и в глубоко обдуманной статье Е. Л. „Причины упадка нравственности“, в ней так мягко высказанная правда, заставляет читателей невольно заглянуть в себя, что необходимо делать часто. Но главное достоинство этой статьи то, что она не громоздкая, без лести простая, а потому и доступна простому уму с средним образованием людей, которых везде — большинство.

„Один из самых великих даров, данных человеку Богом, является слово. Его влияние прямо безгранично“, — говорит автор прекрасной статьи „Неделя о Закхее“.

Таким безграничным влиянием, по своей задушевности, поэтической красоте и ясности, отличается „Слово“ отца Протоиерея, известнаго всем проповедника в Варшавской Пещерной церкви у Плащаницы...

Статья „Из печати“ — это просветы, дающие возможность ориентироваться среди добра и зла, вредных для мира души и порядка...

В таком стройном составе (включая и другия статьи), и для полноты с добавлением, как свежей зелени к букету живых цветов, беллетристики, „Воскресное Чтение“, помимо того, что оно всегда было и есть нравственным руководством, оно в сем юбилейном году в высшей степени занимательное и желательное в каждой благочестивой семье» [3].

А вот оценка сделанного за десятилетие и программа на будущее, сообщенная самой редакцией журнала:

«„Воскресное чтение“ — единственный в Польше еженедельный церковно-народный иллюстрированный журнал — вступает, с Божией помощью, в одиннадцатый год своего существования.

Десять лет регулярнаго выхода в свет журнала, имеющаго особое, как показывает само название, назначение, — срок немалый. Наш солидный, можно сказать, опыт, наши наблюдения, далее живой интерес к своему, ставшему уже родным, печатному органу и отклики на него читателей, наконец, то внимание, каким „Воскресное Чтение“ пользуется в среде Всечестнаго Духовенства и Боголюбивых Верующих, дают нам полное основание с большим удовлетворением констатировать, что пройденный нами десятилетний путь отмечен на всем его протяжении прочными и твердыми вехами.

Этот путь — прежде всего путь усерднаго служения Христовой Истине и нашей любимой Матери — Святой Церкви Православной. „Воскресное Чтение“ неизменно стояло на страже чистоты и неповрежденности Веры наших отцев и дедов. Оно всесторонне освещало жизнь нашей Церкви, во всех Ея проявлениях, оно подробно знакомило многочисленных своих читателей с той громадной и ответственной работой, которая, под руководством Мудраго

Кормчаго и Просвещеннейшаго Предстоятеля, протекала на всех участках нашего внутренняго церковнаго бытия, на нашей обширной Христовой Ниве. Не была чужда нашему журналу и жизнь Святых Автокефальных Православных Церквей. Важнейшия события, происходившия в лоне этих Сестер-Церквей, сообщались нами для сведения читателей с надлежащей полнотой.

День воскресный — день отдыха. Отдыха не только для тела, но и для сердца, измученнаго скорбями и горестями повседневной суеты. Помещая в нашем журнале статьи и очерки богословскаго и религиозно-нравственнаго содержания, мы стремились предоставить своим читателям действительную возможность использовать воскресный день для православно-христианскаго назидания и просвещения, — дома, в кругу своей семьи, в обстановке тишины и спокойствия, создаваемых днем прославления Воскресения Христова.

Насколько успешно и плодотворно мы справились со своими задачами, нам, конечно, судить трудно. Но не скроем, что имеющияся в нашем распоряжении объективныя данныя вселяют в нас бодрую уверенность, что наш путь заслужил признание, как со стороны Всечестнаго Духовенства, так и тех Верующих, для которых „Воскресное Чтение“ стало уже прямой и жизненной потребностью.

Мы честно, усердно, добросовестно несли знамя нашего печатнаго органа, с его мирными, благими и спасительными лозунгами. Сознание этого не может не вызывать в нас чувств удовлетворения, не может не окрылять нас светлыми надеждами на будущее, которое, верим, таит в себе и много отраднаго, но, конечно, и много неизбежно-скорбнаго. Ибо, ведь, Спаситель наш предрек: „В мире скорбни будете“, но Он же и влил радость в сердца наши словами: „Дерзайте, ибо Я победил мир!“.

На пороге Новаго Года, на пороге новаго, второго, десятилетия существования „Воскреснаго Чтения“, приветствуя с любовью во Христе, с братскими пожеланиями щедрот и милостей от Десницы Всевышняго, наших друзей, подписчиков и читателей, мы считаем своим долгом отметить, что наш путь будет отвечать началам соборнаго устроения нашей Церкви. Мы будем соборно служить Воплотившемуся Слову. Мы будем соборно продолжать защиту нашей Св. Церкви и Веры от всех враждебных Ей сил. Мы будем подробно излагать важнейшия собы-

тия из церковной жизни в Польше и заграницей и давать им надлежащее освещение. Церковная соборность, вопросы веры и нравственности православно-христианской, пастырство, учительство, миссионерство, законоучительство, церковно-исторические труды, очерки и исследования и т. д. — всему этому будет уделяться возможное внимание на страницах нашего журнала.

Все, что может способствовать духовному росту, духовному совершенству верующих, что приближает для нас вожделенное во Христе счастье и спасение, — все будет находить посильное отражение в нашем органе.

Важны и велики стоящия пред нами задачи. Осуществлению их могут помочь нам дорогие наши читатели. В сознании святости и ответственности лежащаго на нас долга, мы обращаемся с горячим призывом к Всечестному Духовенству и Боголюбивым Верующим придти нам на помощь: материально — подпиской и привлечением новых читателей, морально — своим сочувствием, вниманием и расположением.

Издание „Воскреснаго Чтения" — наше общее, святое дело. Этому делу, — сеянию добраго, разумнаго, вечнаго, — должны быть посвящены и наши общия силы. А поэтому мы усердно просим дорогих друзей и читателей присылать нам статьи, очерки, заметки, корреспонденции, как из разных областей православно-богословскаго знания, так и из области современнаго церковно-практическаго делания на Ниве Христовой» [4].

* * *

Из множества разнородных материалов, помещенных почти на десяти тысячах страниц убористой печати «Воскресного чтения», выходившего в большом формате, хочется выделить документальные, связанные с конкретными, часто трагическими событиями в жизни православной церкви. Особое место среди этих документальных материалов занимают источники по истории Русской Православной церкви в СССР. Они составляют весьма значительный блок подобных документов. При этом многие из публикаций являются единственными источниками, так как сведения, приведенные в них, нигде более не содержатся. Мы воспроизводим один

из таких документов по истории Русской Православной Церкви из № 35 «Воскресного чтения» за 1927 г. — «точный список православных иерархов, подвергшихся аресту или ссылке в России, по 1 апреля 1927 г.» [5], специально переданный в свое время в редакцию журнала:

«1. АВЕРКИЙ КЕДРОВ, Архиепископ Житомирский и Волынский, сослан в Казакстан Киргизского края. 2. АВРААМИЙ ДЕРНОВ, Епископ Уржумский, викарий Вятский, сослан в с. Гиблый Ад, Зырянского края. 3. АЛЕКСИЙ ПАЛИЦЫН, Епископ Можайский, викарий Московский, сослан в Соловки, концентрационный лагерь. 4. АМВРОСИЙ СМИРНОВ, Епископ Брянский, сослан в Зырянский край. 5. АМВРОСИЙ ПОЛЯНСКИЙ, Епископ Подольский и Брацлавский — Соловки, концентрационный лагерь. 6. АНАТОЛИЙ ГРИСЮК, Архиепископ Самарский — Красноводск Закаспийского края. 7. АНТОНИЙ ПАНКЕЕВ, Епископ Мариупольский, викарий Екатеринославский, — Соловки, концентрационный лагерь. 8. АРКАДИЙ ОСТАЛЬСКИЙ, Епископ Лубенский, викарий Полтавский, сослан в Туапсе на Северном Кавказе. 9. АРСЕНИЙ СМОЛЕНЕЦ, Архиепископ Ростовский на Дону, сослан в Сочи на Кавказе. 10. АРСЕНИЙ СТАДНИЦКИЙ, Митрополит Новгородский, сослан в Асхабад, Закаспийского края. 11. АРСЕНИЙ ЖАДАНОВСКИЙ, епископ б. Серпуховский, сослан в с. Понетаевку, Нижегородской губ. 12. АФАНАСИЙ МОЛЧАНОВСКИЙ, Епископ Сквирский, викарий Киевский, сослан в гор. Омск. 13. АФАНАСИЙ САХАРОВ, Епископ Ковровский, викарий Владимирский, Бутырская тюрьма в Москве. 14. АМФИЛОХИЙ СКВОРЦОВ, Епископ Красноярский — Соловки, концентрационный лагерь. 15. АГАПИТ, Епископ Карачевский, викарий Орловский, сослан. 16. БОРИС ШИПУЛИН, Архиепископ Уфимский, сослан в Харьков. 17. БОРИС СОКОЛОВ, Архиепископ Рязанский, сослан в с. Перловку Ярославской губ. 18. ВАРЛААМ РЯШЕНЦОВ, Епископ Псковский, сослан в Ярославль. 19. ВАРЛААМ ЛАЗОРЕНКО, Епископ Майкопский, викарий Кубанский, сослан в Туапсе, на Кавказе. 20. ВЕНЕДИКТ АЛЕНТОВ, Епископ Вяземский, викарий Смоленский, тюрьма в Вязьме. 21. ВАРЛААМ, Епископ Новосильский, викарий Тульский, сослан. 22. ВАЛЕРИАН РУДИЧ, Епископ Проскуровский, викарий Подольский, сослан в Хаджеили Аму-Дарьинской области. 23. ВАРСОНОФИЙ ВИХВЕЛИН, Епископ б. Каргопольский, сослан. 24. ВАСИЛИЙ ЗЕЛЕНЦОВ, Епи-

скоп Прилукский, викарий Полтавский, Соловки, концентрационный лагерь. 25. ВАСИЛИЙ БЕЛЯЕВ, Епископ Спас-Клепиковский, викарий Рязанский, сослан в Обдорск, Тобольской губ. 26. ВЕНЕДИКТ ПЛОТНИКОВ, Епископ Кронштадтский, викарий Петербургский, сослан. 27. ГАВРИИЛ АБАЛЫМОВ, Епископ Осташковский, викарий Тверской — Соловки, концентрационный лагерь. 28. ГАВРИИЛ КРАСНОВСКИЙ, Епископ Клинский, викарий Московский, сослан в б. Топловский монастырь Таврической губ. 29. ГЛЕБ ПОКРОВСКИЙ, Епископ Михайловский, викарий Рязанский — Соловки, концентрационный лагерь. 30. ГУРИЙ СТЕПАНОВ, Архиепископ Иркутский, сослан в Якутск. 31. ГЕРМАН РЯШЕНЦОВ, Епископ Волоколамский, викарий Московский, сослан в Хаджеили, Аму-Дарьинской области. 32. ГРИГОРИЙ КОЗЛОВ, Епископ Печерский, викарий Нижегородский, Бутырская тюрьма в Москве. 33. ДОСИФЕЙ ПРОТОПОПОВ, Архиепископ Саратовский, сослан в с. Св. Крест, Терской области. 34. ДАМАСКИН ЦЕДРИК, Епископ Глуховский, викарий Черниговский, — станок Полай Туруханского края (устье Енисея). 35. ДАНИИЛ ТРОИЦКИЙ, Епископ Болховский, викарий Орловский, сослан в г. Кинешму, Костромской губ. 36. ДАНИИЛ, Епископ Охотский, викарий Владивостокский, сослан в Иркутск. 37. ДИМИТРИЙ ГАЛИЦКИЙ, Епископ Пирятинский, викарий Полтавский, сослан в Киев. 38. ДИОНИСИЙ ПРОЗОРОВСКИЙ, Епископ Челябинский, сослан. 39. ЕВГЕНИЙ ЗЕРНОВ, Архиепископ Благовещенский и Приамурский — Соловки, концентрационный лагерь. 40. ЕВСЕВИЙ ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ, Епископ Ельский, викарий Кубанский, сослан в Читу. 41. ЕВГЕНИЙ КОВРАНОВ, Епископ Муромский, викарий Владимирский — в Москве. 42. ЕВФИМИЙ ЛАПИН, Епископ Олонецкий, сослан. 43. ЗАХАРИЯ ЛОБОВ, Епископ Нижнечирский, викарий Донской, сослан в Краснококшайск, Марийской области. 44. ЗИНОВИЙ ДРОЗДОВ, Архиепископ Тамбовский, сослан в Саровскую пустынь, Нижегородской губ. 45. ИЛЛАРИОН ТРОИЦКИЙ, Архиепископ б. Крутицкий — Соловки, концентрационный лагерь. 46. ИЛЛАРИОН, Епископ Каргопольский, викарий Олонецкий, выслан в Смоленск. 47. ИНОКЕНТИЙ ТИХОНОВ, Епископ Ладожский, викарий Петербургский — Соловки, концентрационный лагерь. 48. ИНОКЕНТИЙ, Епископ Ставропольский, выслан в Белгород, Курской губ. 49. ИНОКЕНТИЙ СОКОЛОВ, Епископ Бийский, викарий Томский,

выслан в Москву. 50. ИРАКЛИЙ, Епископ, сослан в Красноярск. 51. ИАКОВ, Епископ Орский, викарий Оренбургский, выслан в Самару. 52. ИОАСАФ УДАЛОВ, Епископ Чистопольский, викарий Казанский, сослан в станок Полай Туруханского края (устье Енисея). 53. ИОАСАФ ЖЕВАХОВ, Епископ Дмитриевский, викарий Курский, содержится в Петербурге, в тюрьме по дороге на Соловки. 54. ИОСИФ ПЕТРОВЫХ, Митрополит Петербургский, сослан в Спасо-Иаковлев монастырь Ярославской г. 55. ИУВЕНАЛИЙ МАСЛОВСКИЙ, Архиепископ Курский — Соловки, концентрационный лагерь. 56. ИОАКИМ БЛАГОВИДОВ, Епископ Алатырский, викарий Симбирский, — Соловки, концентрационный лагерь. 57. ИОАНН ПАШИН, Епископ Мозырский, викарий Минский, сослан в Усть-Сысольск, Зырянского края. 58. КИПРИАН СОЛОВЬЕВ, Епископ Семипалатинский, викарий Омский, сослан в Владивосток. 59. КИРИЛЛ СОКОЛОВ, Епископ Нижнеудинский, викарий Иркутский, выслан в гор. Феодосию Таврической губ. 60. КИРИЛЛ СМИРНОВ, Митрополит Казанский — в тюрьме, в гор. Вятке. 61. КОРНИЛИЙ СОБОЛЕВ, Архиепископ Екатеринбургский, — Бутырская тюрьма в Москве. 62. ЛЕВ, Епископ Нижнетагильский, викарий Екатеринбургский, выслан в Казань. 63. ЛЕОНТИЙ УСТИНОВ, Епископ б. Печерский, викарий Нижегородский, содержится в тюрьме в Нижнем Новгороде. 64. МАКАРИЙ КАРМАЗИН, Епископ Екатеринославский, сослан в с. Улус-Сыркаш, Томской г. (Алтай). 65. МАКАРИЙ ОПОТСКИЙ, Епископ Череповецкий, викарий Новгородский, сослан в г. Кемь, Корельской области, концентрационный лагерь. 66. МАКСИМ РУБЕРОВСКИЙ, Епископ Полонский, викарий Волынский, выслан в Харьков. 67. МАНУИЛ ЛЕМЕШЕВСКИЙ, Епископ Лужский, викарий Петербургский — Соловки, концентрационный лагерь. 68. МИТРОФАН ПОЛИКАРПОВ, Епископ Бутурлиновский, викарий Воронежский, сослан в с. Челкарь, Киргизского края. 69. МИХАИЛ ЕРМАКОВ, Митрополит, Экзарх Украины, сослан в с. Св. Крест Терской области. 70. НАФАНАИЛ ТРОИЦКИЙ, Митрополит Харьковский, сослан в с. Большие Котлы, Московской губ. 71. НЕКТАРИЙ ТРЕЗВИНСКИЙ, Епископ Яранский, викарий Вятский — Соловки, концентрационный лагерь. 72. НИКАНДР ФЕНОМЕНОВ, Митрополит Одесский, сослан в г. Чимбай, Аму-Дарьинской области. 73. НИКОДИМ КРОТКОВ, Архиепископ Таврический, сослан в г. Турткуль (б. Петро-Александровск), Аму-Дарьин-

ской области. 74. НИКОДИМ, Епископ Барнаульский, викарий Томский, содержится в тюрьме, в Арнауле. 75. НИКОЛАЙ ДОБРОНРАВОВ, Архиепископ Владимирский, сослан в станок Полай, Туруханского края (устье Енисея). 76. НИКОЛАЙ КЛЕМЕНТЬЕВ, Епископ Сестрорецкий, викарий Петроградский, сослан. 77. НИКОЛАЙ НИКОЛЬСКИЙ, Епископ Елецкий, викарий Орловский, сослан в Красный Холм. 78. НИКОЛАЙ ПОКРОВСКИЙ, Архиепископ Симбирский, сослан в Псков. 79. НИКОЛАЙ МОГИЛЕВСКИЙ, Епископ Тульский, сослан в Нилову пустынь, Тверской губ. 80. НИКОН ПУРЛЕВСКИЙ, Епископ Белгородский, викарий Курский — Соловки, концентрационный лагерь. 81. НИКОН ДЕФТЯРЕНКО, Епископ Гомельский, сослан в Батум. 82. ОНИСИМ, Епископ, сослан. 83. ОНУФРИЙ ГОГОЛЮК, Епископ Елизаветградский, викарий Херсонский, сослан в с. Кудымкор, Пермской губ. 84. ПАВЕЛ ПОСПЕЛОВ, Архиепископ Вятский, сослан в г. Александровск, Ярославской губ. 85. ПАВЕЛ ВИЛЬКОВСКИЙ, Епископ Бакинский, сослан в Саровскую пустынь, Нижегородской губ. 86. ПАВЕЛ ВВЕДЕНСКИЙ, Епископ Мелекесский, викарий Самарский, — Соловки, концентрационный лагерь. 87. ПАВЕЛ КРАТИКОВ, Епископ Ялтинский, викарий Таврический, выслан в Харьков. 88. ПАВЛИН КРОШЕЧКИН, Епископ Витебский и Полоцкий, внутренняя тюрьма ГПУ в Москве. 89. ПАРФЕНИЙ БРЯНСКИХ, Епископ Ананьевский, викарий Одесский, сослан в с. Пожига, Зырянского края. 90. ПАХОМИЙ КЕДРОВ, Архиепископ Черниговский, сослан в с. Деревянск, Зырянского края. 91. ПЕТР ПОЛЯНСКИЙ, Митрополит Крутицкий, Патриарший местоблюститель, сослан в с. Абалакское, Тобольской губ. 92. ПЕТР ЗВЕРЕВ, Архиепископ Воронежский, — внутренняя тюрьма ГПУ, в Москве. 93. ПЛАТОН РУДНЕВ, Епископ Богородский, викарий Московский, сослан в Зырянский край. 94. ПРОКОПИЙ ТИТОВ, Архиепископ Херсонский — Соловки, концентрационный лагерь. 95. ПЕТР САВЕЛЬЕВ, Епископ Белебеевский, викарий Уфимский, сослан в Кирсанов, Тамбовской губ. 96. РАФАИЛ ГУМИЛЕВ, Епископ Александровский, викарий Ставропольский, — Соловки, концентрационный лагерь. 97. СЕРАФИМ МЕЩЕРЯКОВ, Архиепископ б. Костромской, — Соловки, концентрационный лагерь. 98. СЕРАФИМ ЗВЕЗДИНСКИЙ, Епископ Дмитровский, викарий Московский, сослан в Дивеево. 99. СЕРАФИМ ЧИЧАГОВ, Митрополит б. Варшавский, сослан в г. Шую, Владимирской губ. 100. СЕРА-

ФИМ СИЛИЧЕВ, Епископ Рыбинский, викарий Ярославский, сослан в Богородск, Московской губ. 101. СЕРГИЙ КУМИНСКИЙ, Епископ Радомышльский, викарий Киевский, сослан в Красно-Кокшайск, Марийской области. 102. СЕРГИЙ СТАРОГОРОДСКИЙ, Митрополит Нижегородский, — внутренняя тюрьма ГПУ, в Москве. 103. СЕРГИЙ ЗВЕРЕВ, Архиепископ Мелитопольский, викарий Таврический, сослан в с. Юты — Новая Нерда, Тобольской губ. 104. СИЛЬВЕСТР БРАТАНОВСКИЙ, Архиепископ Вологодский, сослан в с. Пречистое, Ярославской губ. 105. СОФРОНИЙ СТАРКОВ, Епископ Селенгинский, викарий Забайкальский, — Соловки, концентрационный лагерь. 106. СОФРОНИЙ АРЕФЬЕВ, Епископ Якутский, сослан в Тобольскую губ. 107. СТЕФАН ЗНАМЕРОВСКИЙ, Епископ Шадринский, викарий Екатеринбургский, сослан в Казань. 108. СТЕФАН АДРИАШЕНКО, Епископ Александровский, викарий Екатеринославский, содержится в тюрьме, в г. Чарджу (Туркестан). 109. СТЕФАН ПРОЦЕНКО, Епископ Козелецкий, викарий Черниговский, выслан в Харьков. 110. ТИХОН ШАРАПОВ, Епископ Гомельский, сослан в г. Чимбалъ, Аму-Дарьинской области. 111. ТРОФИМ, Епископ Бирский, викарий Уфимский, сослан. 112. ФИЛАРЕТ ЛИНЧЕВСКИЙ, Епископ Черкасский, викарий Киевский, сослан в г. Кудымхор, Пермской губ. 113. ФИЛИПП ГУМИЛЕВСКИЙ, Епископ Балахнинский, викарий Нижегородский, сослан в Дивеево. 114. ФАДДЕЙ УСПЕНСКИЙ, Архиепископ Астраханский, сослан в Саратов. 115. ФЕОДОР ПОЗДЕЕВСКИЙ, Архиепископ б. Волоколамский, сослан в г. Аулие-Ата, Туркестан. 116. ФЕОДОСИЙ ВАЩИНСКИЙ, Епископ Винницкий, викарий Подольский, сослан в с. Бандюк, Пермской губ. 117. ФЕОФАН ТУЛЯКОВ, Архиепископ Калужский, сослан.

Кроме указанных 117 епископов, в ссылках и тюрьмах находится еще около 40 Епископов, точных сведений о коих нет, почему они и не помещены в список.

Епископ, находящийся в ссылке, лишен права совершать богослужения, должен жить в указанном ему месте, регистрироваться в ближайшем отделе ГПУ, в определенные сроки (от раза в неделю, до ежедневной регистрации); корреспонденция его подлежит цензуре ГПУ. Срок ссылок — от 3 лет и до бессрочной (Митрополиты Кирилл, Арсений, Никандр и др.).

Находящиеся в концентрационных лагерях (Соловки и Кемь) выполняют определенные им работы: дворников (Епископ Глеб), ночных сторожей (Епископы Амвросий, Алексий), поваров и др.

Ссыльные получают от государства от 8 до 6 рублей в месяц на жизнь, причем обычно и эти крохи не выплачиваются.

Ссылки производятся в административном порядке, а не по определению суда; высылаемым, равно как и содержащимся в тюрьмах, инкриминируется верность православию и борьба с обновленцами».

* * *

В качестве приложений, выходивших отдельными изданиями или же вкладывавшихся в тот или иной номер, журнал «Воскресное чтение» издал большое число произведений многих десятков авторов. Среди этих приложений были и такие объемные книги, как трехтомное исследование профессора Варшавского университета М. Зызыкина «Патриарх Никон: Его государственные и канонические идеи», неоднократно переиздававшиеся уже в наши дни за рубежом и в России; и совсем небольшие, такие как восьмистраничная брошюра «Из молебного пения о гонимых и страждущих за веру в советских республиках» (1930–1931). Составленное в ответ на гонения Православной Церкви в СССР, оно стало одним из самых высших актов единения и духовной поддержки православными Польши православных христиан в советских республиках, а также выражением солидарности с православной русской эмиграцией в Польше[2].

О еже услышати вопль и воздыхание
братий наших, порабощенных врагами Господа
Вседержителя, и в страдании вопиющих к
Нему о заступлении и помощи, и даровати
им терпение и силу даже до последняго
издыхания сохранити и небоязненно исповедати Святую Православную Веру, Господу помолимся.

---

[2] Примечательно, что во времена Народной Польши это молебное пение всячески укрывалось православными священниками от посторонних глаз, так как указание в нем на преследование верующих «в советских республиках» могло послужить основанием для репрессий со стороны властей.

О еже вскоре услышати глас моления
нашего, исповедников же имени Великаго
Бога нашего, за веру и правду Божию в
темницах, и заточении страждущих, свобо
дити от уз, прещения и всякаго лишения,
Господу помолимся.
О еже низложити богохульное безбожие
и отступничество от правыя веры, и обратити
всех отступльших к познанию Божествен-
наго учения, и соединити их Святей Своей
Церкви, Господу помолимся.
О еже упокоити души братий наших,
за веру и правду Божию живот свой поло-
живших, зле умученных, потопленных,
сожженных, избиенных, удушенных, наипаче
же за Церковь Христову венец мученический
приявших, Господу помолимся.

---

1. См.: *Л. Л. Щавинская.* Книги и брошюры крупнейшего православного издательского центра межвоенной Польши — Варшавской Синодальной типографии // Славяноведение, 1998, № 1, с. 76–77.
2. Воскресное чтение, 1938, № 49–50, с. 483.
3. *С. Прорвич.* Ответ на просьбу: сказать свое мнение о «Воскресном Чтении», выходящем в 1933-м юбилейном году // Воскресное чтение, 1933, № 20, с. 320.
4. Наш путь // Воскресное чтение, 1934, № 1, с. 1.
5. Воскресное чтение, 1927, № 35, с. 427–429.

Илл. 27. Обложка журнала «Воскресное чтение»
в первый год его существования (1924)

Цѣна номера въ Варшавѣ 400 т. мрк. пол., въ провинціи 500 т. мрк. пол.

Воскресное Чтеніе

Годъ I. ЦЕРКОВНО-НАРОДНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО № 11.

Воскресенье, 24 марта (6 апрѣля) 1924 года.

Адресъ Редакціи и Конторы: Варшава-Прага, Зыгмунтовская 13 (Warszawa-Praga, Zygmuntowska 13). Телефонъ: 29-07.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на одинъ мѣсяцъ съ доставкой и пересылкой одинъ польскій злотый; заграницу—1 швейцарскій франкъ.

ЦѢНА ОБЪЯВЛЕНІЙ: за страницу 40 злотыхъ, 1/2 стр. 20 зл., 1/4 стр. 10 зл., 1/8 стр. 5 зл.; 1/16 стр. 3 зл.; мелкія объявленія по 10 грошей за слово.

Содержаніе

СВЯТЦЫ.

Мартъ.

24 (6 апр.) Воскресенье. Недѣля 4-я Вел. поста. *Память пр. Іоанна Лѣствичника. Предпразд. Благовѣщенія.* Свт. Артемона, еписк. Селевкіи Писидійской. Пр. Іакова исповѣд. и Захаріи монаха, иже въ Херсіонѣ. Пр. Захаріи, монаха Печер. *Литургія Василія В. Гл. 4 У.* ев. Мѳ. 28, 16 — 20. Лит. Евр. 6. 13—20. Мр. 9. 17—31.

25 (7 апр.) Понедѣльникъ. ⊕ БЛАГОВѢЩЕНІЕ ПРЕСВЯТЫЯ ВЛАДЫЧИЦЫ НАШЕЯ БОГОРОДИЦЫ И ПРИСНОДѢВЫ МАРІИ. *Лит. I. Златоустаго. У.* ев. Лк. 1, 39—49 и 56. Лит. Евр. 2, 11—18. Лк. 1. 24—38.

26 (8 апр.) Вторникъ. Соборъ архангела Гавріила. Свщмч. Иринея, еписк. Сирмійскаго. Пр. Малха Сирійскаго. Пр. Василія новаго.

27 (9 апр.) Среда. Мц. Матроны Солунской. Пр. Іоанна прозорливаго, пустын. и затворника Египет. Мч. Мануила и Ѳеодосія. *Преждеосв. литургія.*

28 (10 апр.) Четвергъ. Пр. Иларіона новаго, игум. Пеликитскаго, и Стефана исповѣд., игум. Триглійскаго. Мч. Іоны и Варахисія. Прмч. Евстратія, постника Печер. *Андреево или Маріино стояніе. Преждеосв. литургія.*

29 (11 апр.) Пятница. Мч. Марка, еписк. Арееусійскаго, Кирилла діакона и ин. многихъ. Пр. Іоанна пустын. Пр. Евстаѳія исповѣдн., еписк. Виѳинійскаго. *Преждеосв. литургія.*

30 (12 апр.) Суббота. *Суббота 5-я Вел. поста. Похвала Прес. Богородицы.* Пр. Іоанна, списателя „Лѣствицы". Пр. Іоанна безмолвника, бывш. епископа. Свт. Зосимы, еписк. Сиракуз. Прор. Іоада. Ап. отъ 70-ти: Сосѳена, Аполлоса, Кифы, Кесаря и Епафродита. Св. Еввулы, матери св. Пантелеимона. Лит. Еф. 2, 24—2?; Евр. 9, 1—7. Мр. 8, 27—31; Лк. 10, 38—42 и 11, 27—28.

Илл. 28. Обложка юбилейного номера журнала «Воскресное чтение» (1934, № 1)

ВОСКРЕСНОЕ ЧТЕНІЕ

ГОДЪ XI-Й. № 1.

7 января 1934 года—25 декабря 1933 года.

СОДЕРЖАНІЕ:

Гр. Сайковичъ.

Научное издание

Юрий Андреевич Лабынцев,
Лариса Леонидовна Щавинская

Белорусско-украинско-русская православная книжность межвоенной Польши

Утверждено к печати
Институтом славяноведения РАН

По вопросам приобретения книг следует обращаться по адресу:
117334, Москва, Ленинский проспект 32-а,
Институт славяноведения РАН (для издательства «Индрик»)
тел. (095) 938-01-00
тел/факс 938-57-15

ЛР № 070644, выдан 19 декабря 1997 г.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная.
19,5 п. л. Тираж 500 экз. Заказ № 743
Отпечатано с оригинал-макета
в ППП «Типография „Наука“»
121099, Москва, Г–99, Шубинский пер., д. 6